

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 4
серия история**

Санкт-Петербург
2008

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4
Основан в 2006 году
серия история

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов (главный редактор),
Е. С. Нарышкина (зам. главного редактора),
Н. В. Поздеева (отв. секретарь),
Л. Л. Букин, Т. В. Мальцева, Г. П. Чепуренко

Редакционный совет:

В. А. Верременко, доктор исторических наук, доцент;
В. С. Волков, доктор исторических наук, профессор;
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
А. В. Похилюк, доктор исторических наук, профессор;
Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор;
В. В. Фортунатов, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Отв. редактор А. А. Беляева
Редактор А. А. Титова
Технический редактор Н. В. Чернышева

Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС77-23714**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:
196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д.10
Тел/факс (812)476-90-34
<http://www.lengu.ru>

©Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А.С. Пушкина, 2008

Содержание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. Д. Козлов

Условия труда и быта народа в годы Великой Отечественной войны..... 5

С. В. Яров

Ленинградцы в «смертное время»:

предпосылки изменения нравственных ценностей 23

О. А. Рашитова

Государственно-церковные отношения в блокадном Ленинграде 46

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

А. А. Стерликова

Россия и Европейские страны к середине Северной войны (1714–1715) 56

О. Ю. Солодянкина

Процедура оформления иностранцами статуса

губернера (губернантки) в России во второй четверти XIX в. 70

В. В. Карпова

Механизмы формирования периодической печатью

общественного мнения по вопросам начального

народного образования в конце XIX века..... 81

С. В. Зайцева

Российские и международные съезды по вопросам

признания незаконных детей и подкидышей в конце XIX – начале XX вв. 92

И. А. Тропов

Формирование и состав общественных исполнительных

комитетов в России (март 1917 г.) 97

Е. Л. Киселева

Из истории чистки госаппарата 1929–1932 гг.

Чистка Наркомата труда СССР 109

А. М. Судариков

Обеспечение охраны выдающихся ученых

военно-промышленного комплекса СССР (1945–1955 гг.)..... 121

АРХЕОЛОГИЯ И НУМИЗМАТИКА

С. Н. Травкин

О некоторых попытках модернизации монетной чеканки

на территории Юго-Восточной Европы в Средние века 130

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Е. В. Драгунова

Европейские интеграционные процессы

во второй половине XX в.: единство и многообразие 143

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. А. Журавлев

«Национализация информации» в Советской России (1920-е гг.)

Тропов И.А. «Национализация информации»:

Политическая власть и ЦСУ в послереволюционной России..... 155

Сведения об авторах 160

CONTENTS

PROBLEMS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR HISTORY

N.D. Kozlov

Conditions of work and life of people during the Great Patriotic War.....5

S.V. Yarov

Leningrad's people in «mortal time»: background of change of moral values23

O. A. Rashitova

State-church relations in blockade Leningrad.....46

RUSSIAN HISTORY PAGES

A.A. Sterlikova

Russia and European countries in the middle
of the Great Northern War (1714-1715).....56

O.Y. Solodyankina

The procedure for registration of status of family tutor (governess)
for foreigners in Russia in the second quarter of 19th century.....70

V.V. Karpova

Mechanisms for the formation of the periodical press of public opinion
on matters of primary public education at the end of 19th century81

S.V. Zaitseva

Russian and international congresses on the charity
of illegal children and foundlings in late 19th – early 20th centuries92

I.A. Tropov

Formation and composition of public executive committees
in Russia (March 1917).....97

E.L. Kiseleva

The history of state machinery cleaning in 1929–1932.
Cleaning of People's Commissariat of Labor in USSR109

A.M. Sudarikov

Maintenance of protection of outstanding scientists
of a military-industrial complex of the USSR (1945–1955)121

ARCHAEOLOGY AND NUMISMATICS

S.N. Travkin

Some attempts to modernize the coin minting in the territory
of the South-Eastern Europe in the Middle Ages.....130

WORLD HISTORY

E.V. Dragunova

European integration processes in the second half
of the 20th century: unity and diversity143

REVIEWS

V.A. Zhuravlev

«Nationalization of information» in the Soviet Russia (1920 s)
Tropov I. A. «Information nationalization»:
the Political power and CSM in post-revolutionary Russia.....155

About authors160

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(47).084.8

Н. Д. Козлов *

Условия труда и быта народа в годы Великой Отечественной войны

В статье дается характеристика повседневной жизни и бытовых условий труда населения СССР в тылу во время Великой Отечественной войны. Обращается внимание на обстоятельства способствовавшие ухудшению экономического и социального положения жителей страны. Характеризуются преобладавшие в обществе оценки произошедших перемен.

The article describes the daily lives and living conditions of the labor population of the USSR in the rear during the Great Patriotic War. Attention is drawn to the circumstances contributed to the deterioration of economic and social situation of the country's inhabitants. The assessments of changes dominated in society are characterized.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизация, повседневная жизнь, бытовые условия, труженики тыла, население, продовольствие, смертность, морально-психологическое состояние.

Key words: the Great Patriotic War, impressments, daily life, living conditions, toilers of the rear, population, provisions, mortality, moral and psychological condition.

Война потребовала мобилизации всех сил и ресурсов страны на борьбу с врагом, она привела к изменению образа жизни, ухудшению бытовых условий, нарастанию материальных трудностей. Малозначимые, на первый взгляд вопросы, превращались в трудноразличимые проблемы: чем накормить себя, детей, стариков,

* **Козлов Николай Дмитриевич**, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

во что одеть, обуть, как вылечить, вывести вшей и многие другие стали повседневными. От их решения во многом зависело душевное и физическое состояние тружеников тыла, их желание и возможность работать, выполнять общественные поручения, поддерживать близких на фронте.

В последнее время к социально-бытовым вопросам военной поры обращается всё больше исследователей [1–3; 16; 17; 23; 26; 33]. Большинство разделяет точку зрения А.В. Шалака, который считает, что наряду с описанием героических сражений, массового патриотизма, трудовых подвигов была и «другая сторона правды о войне – это реальная жизнь миллионов людей и каждого человека отдельно с их повседневными нуждами и заботами» [37, с. 3].

Война резко нарушила привычный образ жизни народа. Сократились реальные доходы, значительно ухудшился и без того низкий жизненный уровень. Трудноразрешимые проблемы возникли в удовлетворении самых насущных потребностей в пище, одежде, жилье, топливе. Прежде всего, были объективные причины ухудшения социально-бытового положения населения. Основную долю средств в условиях войны поглощали военные расходы, которые только за 1940–1942 гг. возросли на 91,2 %. Сумма же пособий по временной нетрудоспособности по стране возросла с 402 до 1669 млн рублей, что косвенно свидетельствовало о резком ухудшении состояния здоровья народа [20, с. 122; 32, с. 322, 324].

Потребности фронта и тыла постоянно заставляли изыскивать эффективные пути использования трудовых ресурсов, вовлекать в производство новые слои населения.

Уже в июне 1941 г. были введены обязательные сверхурочные работы и отменены отпуска. В 1942 г. в целях обеспечения кадрами оборонных отраслей хозяйства была проведена мобилизация трудоспособного населения. Доля женщин в общей численности рабочих и служащих достигла в этом году 53 %. Среди занятых в промышленности в 1942 г. лица в возрасте до 18 лет составили 15 %.

Решение многих самых простых житейских вопросов повседневно вырастало в серьезную трудноразрешимую проблему. Од-

ной из причин этого было разрушение жилищного фонда, массовая миграция и эвакуация населения, после чего быт миллионов людей приходилось организовывать заново, практически с нуля.

Рабочие общежития города Горького, например, до начала января 1943 г. практически не отапливались. В общежитиях заводов им. Молотова, им. Маленкова, станкостроительного завода им. Кагановича и других температура воздуха не превышала 7–8 градусов. В них рабочие жили на кухне и спали на столах. Постельное белье не менялось по месяцу и более. В общежитиях автозавода из 3200 проживающих не имели одеял 200 человек, на станкозаводе из 870 человек – 620, на заводе им. Маленкова из 220 человек – 153, по этим причинам рабочие спали в верхней одежде, накрывались матрасами с коек соседей, которые работали в других сменах. Во многих общежитиях не было необходимого инвентаря. В общежитии завода «Красное Сормово» не хватало столов и табуреток, отсутствовали умывальники, бачки для питьевой воды и радио. Рабочие принимали пищу, сидя на постелях [15, с. 407–408].

В ряде городов Урала размеры жилой площади на одного жителя сократились до 2–2,5 квадратных метров. До войны в Нижнем Тагиле проживало 150 тыс. человек и средняя обеспеченность жилой площадью составляла 4 квадратных метра на человека. В результате притока эвакуированных к концу 1942 г. в городе проживало 500 тыс. человек на каждого из которых приходилось лишь 1,8 квадратных метра жилой площади [35. Оп. 37. Д. 88. Л. 77]. Случалось, в общежитии на двух рабочих приходилась одна койка – пока один работал, другой спал, а потом они менялись местами. Вокруг эвакуированных предприятий возникали целые поселки из землянок, которые в документах тех лет официально именовались «жилыми помещениями упрощенного типа».

Снабжение в Нижнем Тагиле, за исключением хлеба, на протяжении всей войны не соответствовало нормам. Поэтому важную роль играло огородничество, особенно у коренных жителей. «При доме был огород 7 соток, выращивали все овощи, картофель, – вспоминает школьница военной поры К. М. Данилушкина. – Конечно, огород помогал выживать, но для такой семьи (8 человек, в том числе пятеро взрослых) он был маловат... Весной варили лебеду, крапиву».

Еще труднее было эвакуированным. «Около бараков и землянок вся земля была вскопана и засажена картошкой, – вспоминала военные годы жительница района Вагоностроительного завода, – оставались только узенькие тропинки, чтобы можно было пройти».

В конце 1941 – начале 1942 гг. в общественных столовых были очереди. Чтобы пообедать тратили по 2–3 часа. Обеспечение посудой не превышало 20 % потребности. Нередко ложки приходилось приносить с собой. Питание было скудным, низкокалорийным.

В 1943–1944 гг. положение с питанием существенно улучшилось. При столовых откармливались свиньи, работники столовых занимались сбором ягод, грибов, дикого лука и салата. Работали подсобные хозяйства предприятий [8, с. 124–127].

Экстремальными были условия жизни в ГУЛАГе, где в 1941–1942 гг. на человека приходилось менее одного квадратного метра жилой площади. Только в 1944 г. здесь положение стало улучшаться. От холода, недоедания, перенаселенности бараков и тяжелого труда заключенные болели и умирали. В 1942–1945 гг. по этим причинам ГУЛАГ потерял 627637 человек [9, с. 23].

Скученность, теснота, резкое ухудшение санитарных условий были характерны для бытовых условий и других социальных групп населения. Как показал опрос секретарей комсомольских организаций педагогических и учительских институтов страны, сделанный ЦК ВЛКСМ в августе 1944 г., материально-бытовые трудности, нехватку, а нередко отсутствие литературы и учебников, письменных принадлежностей, спортивного инвентаря, одежды и обуви остро ощущали студенты большинства учебных заведений.

Кировский государственный педагогический институт к началу первого военного учебного года имел лишь 12 комнат на 46 студенческих групп. Занятия поочередно проводились с 8 до 24 часов. Студенты писали на старых книгах, газетах, отдельных листах из архивных дел. В связи с недостатком помещений для общежития многие студенты вынуждены были спать по двое в одной кровати [28, с. 132–133].

Архангельский педагогический институт в 1942–1943 уч. году не имел помещений для занятий и осуществлял учебный процесс в

общежитии – полуразвалившемся деревянном здании барачного типа, в тесных, холодных комнатках площадью в 10–14 квадратных метров, в которых проживали преподаватели и студенты.

В стесненных условиях работал Челябинский педагогический институт, здание которого было занято военным заводом. В 1943–1944 учебном году здесь занятия проходили в три смены до трех часов ночи. Институт не имел столовой и смог организовать лишь одноразовое питание студентов. Подобные же трудности испытывали и другие учебные заведения. В Красноярском медицинском институте часть профессоров и студентов, эвакуированных из Воронежа и Кисловодска не имела белья, одежды и обуви, постельных принадлежностей.

В Кудымкарском педагогическом институте студенты испытывали нехватку лаптей. Выпускницы Вольского учительского института из-за недостатка приличной одежды вынуждены были приходить на государственный экзамен босые, по очереди одевая одно и то же платье [10. 262–264; 13. Оп. 1. Д. 1667. Л. 59; Д. 1705. Л. 77; 29. Оп. 46. Д. 18. Л. 131–149].

В таком же положении оказались и школы страны. В Красноярске, например, в декабре 1941 г. из 49 школ города только 18 остались работать в собственных зданиях. Площадь школьных помещений сократилась почти на две трети. Все школы работали в три смены. Одна из школ длительное время находилась в одном помещении с почтовым отделением, клиенты которого ходили через класс, где проходили занятия. Классы большинства школ размещались в 5–6 зданиях, значительно удаленных друг от друга [30. Оп. 88. Д. 61. Л. 29–30]. Многие школы в Балогане, Дзержинске, Горьком, Муроме и в других городах занимались в четыре смены. В школе № 56 г. Горького работало шесть школ [15, с. 391–392]. Обозреватель американского журнала был поражен случаем, когда в одном из школьных зданий одновременно работали 10 школ и одно ремесленное училище [38, с. 14].

Резко ухудшилось материальное положение школ. Как правило, на нескольких учеников приходилось по одному учебнику, не стало и тетрадей. Школьники писали на старых газетах, обоях, канцеляр-

ских книгах, сшивали тетради из оберточной бумаги, афиш и плакатов. Остро не хватало топлива, а для вечерних смен – электричества и керосина. На занятиях сидели в пальто, шапках и валенках, школьники сами вместе с учителями заготавливали дрова. Для сельских школ сложнейшей проблемой обернулась их отдаленность. Отсутствие транспорта, недостаток одежды и обуви, скудное, полуголодное питание стали основной трудностью в осуществлении всеобуча.

Часть школьников старших и средних классов перестала учиться «по семейным обстоятельствам». Они заменяли взрослых на производстве, выполняли работу по дому. Почти пятая часть непосещавших школу выбыли из-за отсутствия одежды и обуви. Ходить ежедневно до школы туда и обратно по 5–7 км в изношенной одежде в зимние холода и весеннюю распутицу становилось не под силу детям 8–10 лет.

Несмотря на то, что в трудное военное время шло активное школьное строительство – за годы войны было открыто и восстановлено вновь 8412 школ на 1176 тыс. учащихся, положение оставалось сложным [36, с. 51].

Вновь появилась беспризорность детей.

Власти предпринимали различные меры к решению этих проблем и совместно с комсомолом и общественностью смогли предотвратить массовую беспризорность детей [15, с. 270–272]. К концу войны в стране работало около 6 тыс. детских домов. 4340 из них были созданы в чрезвычайных военных условиях. Только в детских домах Российской Федерации в 1943 г. воспитывалось более 688 тыс. детей, а к концу войны – более 300 тысяч. Старшие воспитанники детских домов направлялись в ремесленные училища, в специальные школы, на работу на предприятия, в учреждения, колхозы и совхозы. Для трудового обучения воспитанников в 1943–1944 годах открывались сотни столярных, слесарных, труболитейных, швейных, обувных и других мастерских.

Большая помощь детям оказывалась предприятиями, колхозами, общественными и военными организациями, которые изготавливали для них за счёт своих средств мебель, одежду, обувь,

различное оборудование, ремонтировали учебные, производственные и жилые здания, помогали инвентарём и продуктами питания, производимыми в подсобных хозяйствах, устраивали детей на воспитание в семьи. К концу войны в семьях, по неполным данным, воспитывалось около 350 тысяч детей-сирот. Всего за годы войны общими усилиями было спасено более одного млн детей, оставшихся без родителей или потерявших с ними связь. «Это был поистине патриотический подвиг народа, примеров которого мировая история, пожалуй, не знает», – справедливо утверждает известный исследователь Н.И. Кондакова [23, с. 254–268].

Значительное число детских домов находилось в тяжёлом положении, детей размещали в непригодных помещениях, не всегда оказывалась своевременно медицинская помощь, были перебои в снабжении одеждой, обувью, продуктами питания. Из-за нехватки обуви и одежды дети часто питались и гуляли по очереди. Несмотря на это, благодаря усилиям власти и общественности, многие тысячи детей, потерявшие родителей, были избавлены от лишений, обрели относительное благополучие, возможность жить и учиться. Немало детей были своевременно остановлены на опасном пути, на который вступали как беспризорники.

Бытовые условия и повседневная жизнь советских людей в годы войны, наряду с общими чертами и устремлениями, имели существенные различия, обусловленные множеством факторов. Положение в глубоком тылу отличалось от образа жизни и бытовых условий в блокадном Ленинграде, в прифронтной полосе – от положения на оккупированной территории, на фронте – от ситуации на освобожденной территории, в городе – от сельской местности и т. д.

Повседневными атрибутами военного быта были буржуйки посреди комнаты вместо обеденных столов. Зашторенные по требованиям светомаскировки окна. Керосиновые лампы или лампы из гильз. Нередко и лучины. О мыле многие забыли. Одежду стирали золой или илом. Соль была драгоценностью. Стояние в мороз, а то и по ночам, в очередях. Ордер на галоши или ботинки был праздником в семье.

Деревенское население в военную пору составляли преимущественно старики, женщины и ребятишки, повседневно совершавшие тихий подвиг самопожертвования, подвиг полуголодного существования и нечеловечески тяжкого, самозабвенного труда. Питание, как и в городе, было плохим. К весне в семьях не оставалось даже картошки. Выкапывали из земли перезимовавшие там неубранные полугнилые клубни и делали из них лепешки. Пекли лепешки из лебеды, корней лопухов и других растений. Ели крапиву, хвощи, клевер. А летом ходили как на работу за грибами и ягодами.

В северных областях России, в Сибири и на Урале в 1942–1943 гг. крестьяне употребляли в пищу мякину, ботву, древесные опилки, мясо падших животных. Весной 1942 г. в Архангельской области колхозники и мобилизованные на лесозаготовки ели мох и траву. Люди пухли от голода, не все могли ходить от истощения. Были случаи голодной смерти и самоубийства по причине голода [7, с. 25; 2, с. 144–147].

Постоянное чувство голода – одно из главных воспоминаний поколения военной поры. Чтобы выжить, уже с осени 1941 г. в степных районах Западной Сибири крестьяне вынуждены были есть падших лошадей и коров. В 1942–1943 гг. употребление в пищу трупов падших животных, всевозможных суррогатов распространилось на всю Сибирь, Южный Урал, Нижнее Поволжье, стало почти обыденным явлением. В апреле 1944 г. Л. Берия докладывал секретарю ЦК ВКП(б) А. Андрееву о положении в Здвинском районе Новосибирской области. «Проведенной проверкой 361 колхозной семьи по 16 сельсоветам установлено, что большая часть семей, особенно дети, имеют безбелковые отеки на почве недоедания», что семьи военнослужащих употребляют в пищу мякину, ботву, древесные опилки, мясо падших животных [1, с. 78–80].

В результате военных трудностей и засухи 1942 г. в Горьковской области, по воспоминаниям очевидцев, кашу варили из семян лебеды, лепешки пекли из конского щавеля, ели корни болотных растений [15: 482]. «Собирали грибы и ягоды. Грибы сушили или солили, если соль была. А грибной суп так готовили: картошку (иногда прямо с кожурой) и грибы мелко порубить, залить водой, да сва-

ритель, – вспоминает жительница Нижнего Тагила. – А в особенно тяжёлые времена ели крапиву, лебеду да репейник. Из крапивы делали лепёшки, добавляя к крапивной массе немножко муки. Из лебеды варили суп. А стебли репейника варили в молоке. Вместо чая пили настой трав» [8, с. 126].

Уровень потребления на душу населения в годы войны снизился на 35–40 %. Сахар и кондитерские изделия по сравнению с 1940 г. в бюджете питания составляли лишь 22,4 %, мясо и мясопродукты – 59,5 %. Потребление колхозников снизилось в 1943 г. в сравнении с 1939 г. по мясу и салу на 66 %, по хлебопродуктам на 35 %.

Голод коснулся прежде всего детей – наиболее незащищённую и уязвимую часть общества. В колхозных детских садах Свердловской области в 1942 г. умерли от голода и болезней более 100 детей. В 1943 г. только на двух заводах Нижнего Тагила умерли 159, на Высокогорском железном руднике – 37, Тавдинском лесокombинате – 207 чел., прибывших из республик Средней Азии для работы на промышленных предприятиях. Основными причинами этого были: отсутствие земельных участков, привычного жилища, новая, суровая среда обитания, нетрадиционная, скудная пища [34, с. 92].

В условиях нехватки питания в 1943 г. сельские жители стали использовать в пищу перезимовавшее в земле зерно, что вызывало массовое заболевание септической ангиной. За 1943–1944 гг. в Куйбышевской области ею переболело 58 тыс. чел., в Татарской АССР – 22 тыс., из них более 6 тыс. умерло. Правительство дважды принимало постановление о борьбе с этим заболеванием, но в ряде мест не применяли необходимых мер и это имело пагубные результаты [23, с. 294].

Одежду шили из солдатского обмундирования, а обувь клеили из автомобильной резины. Молодежь много читала и рассказывала содержание прочитанных книг по вечерам. В. Песков подчеркивает, что жили «сердечно, сплоченно, помогали друг другу, делились всем, чем могли», а вечера у коптилки «что-то оставили в душах» [27, с. 16–20].

Во время войны в армию и на постоянную работу в промышленности выбыло около 13,5 млн крестьян. Почти столько же крестьян привлекалось на различные сроки к выполнению временных и регулярно-сезонных работ по оказанию помощи предприятиям, стройкам, к заготовкам топлива и т. д. Число трудоспособных мужчин с 1941 г. по январь 1944 г. сократилось в колхозах с 16,9 млн до 3,6 млн человек.

Сельское хозяйство лишилось своего лучшего конского поголовья; тракторов, автомобилей, в результате чего резко поднялась нагрузка на каждого оставшегося человека, т. е. женщин, стариков, подростков. В ведущих земледельческих районах она почти удвоилась.

Уже на севе 1942 г. объем работ на живом тягле составил более 50 % всех выполненных полевых работ, тогда как на весеннем севе 1941 г. он не достигал 4 %. Лошади не выдерживали перегрузок и в ряде мест основной тягловой силой становились быки и коровы [2, с. 32, 35].

В целом, средняя выработка одним престарелым или больным составила в годы войны 130–135 трудодней, что составляло половину среднегодовой обязательной выработки трудоспособного человека. Выработка одного подростка в возрасте от 12 до 16 лет увеличилась с 74 трудодней в 1943 г. до 103 в 1944 г., составив 42,2 % среднегодовой выработки трудоспособного [2, с. 95].

Одновременно с этим появились соотечественники, высказывавшие недовольство тяжелейшими бытовыми условиями, тем, что «теперь мы голодаем, колхозы голодают и все ходят раздевши, холодные и голодные» [19, с. 11, 112, 119–120].

Подобные высказывания, мысли и умонастроения, естественные в тяжелейших условиях и порожденные более чем достаточным количеством конкретных причин, информационные сообщения в руководящие партийные и государственные органы с мест, характеризовали как болтовня, нездоровые настроения, лживые, провокационные и антисоветские слухи, панические, враждебные, антисоветские настроения [19, с. 104, 106, 110, 120]. Чаще всего, в силу известных причин, такое недовольство выражалось анонимно.

В большинстве случаев неудовлетворенность объяснялась работой конкретных предприятий и учреждений, должностных лиц и исполнителей. Осуждались в них наиболее повторяющиеся и общепризнанные негативные явления – неорганизованность и бюрократизм, грубость и волокита, конкретные злоупотребления, бездушие и другие недостатки. Судя по анализу доступных документов, немногие люди сравнивали переживаемые трудности с политикой руководства и существующим строем.

«До каких пор начальники будут командовать, – писал автор одной из записок, поданных в 1943 г. на Невьянском заводе на Урале. – Мы голодны, раздеты. Солдаты идут в бой полуголодные. Если бы накормили, одели нас, мы без всяких союзников раздавили врага. А у нас еще войны не было, а нас морили голодом» [35. Оп. 8. Д. 172. Л. 15].

Большинство же населения стойко и мужественно переносили материальные и бытовые трудности, физическое и духовное напряжение, делились и помогали друг другу.

Немало было и субъективных причин обострения социально-бытовых проблем народа в годы войны. Архивные документы показывают, что местные руководители ряда регионов страны ссылаясь на военные трудности, плохо решали бытовые вопросы.

В докладной записке комиссии по проверке Саратовского обкома партии в октябре 1942 г. подчёркивалось, что в решении социально-бытовых проблем «обком не проявляет никакой напористости в работе и начинает шевелиться только после телеграмм или звонка из ЦК ВКП (б)». В Кирове в ноябре 1942 г. из 43 магазинов по продаже хлеба работали только 7. В 1944 г. в Туле, Тюмени, Архангельской и Московской областях даже выделенные суммы на ремонт жилого фонда расходовались наполовину.

Наряду с объективными причинами – нехваткой строительных материалов и рабочей силы – виной были недобросовестность, разгильдяйство и безответственность руководителей и исполнителей. По этой причине в Астрахани городские бани работали с перебоями, водопровод и канализация часто выходили из строя, в гостиницах было холодно и грязно. Дорожное, мостовое и паромное хозяйство

находились в запустении. В одном из районов города Горького были закрыты 2 парикмахерских и не работали 6 столовых, 3 магазина и 2 пекарни из-за неудовлетворительного санитарного состояния [30. Оп. 1122. Д. 19. Л. 3, 109; Д. 81. Л. 3; Оп. 45. Д. 107. Л. 16].

Сказывался и низкий морально-этический уровень ряда руководителей. Так, в конце 1942 г. из Иванова в ЦК партии рядовая коммунистка Соловьёва с возмущением писала: «Для главных работников обкома организован закрытый магазин – находится в середине города. Для машин скорой помощи бензину не хватает, а жёны ответственных работников ездят даже на машинах, хвалятся и болтают о своём пайке и только озлобляют людей. Для других работников обкома на машинах привозят картошку, капусту и другие овощи и развозят на глазах у всех, а рабочим и служащим эти продукты доставить очень трудно, приходится покупать на базаре по высоким ценам... В городе трудно сшить чего-нибудь себе и детям, а для главных работников обкома и их с ума посходивших о модах жён, мозоль у всех на глазах, создана отдельная мастерская-ателье» [12. Оп. 27. Д. 22. Л. 62; 6, с. 76].

Многие руководители, ссылаясь на условия военного времени, забросили работу по охране труда, что приводило к обострению болезней, увеличению случаев травматизма со смертельным исходом. На хлопчатобумажных фабриках Ивановской области грубо нарушался тепловой режим: в цехах была низкая температура зимой и высокая летом. Весной-летом она поднималась до 30 градусов, а в осеннее-зимний период падала до 2 градусов. Не было вентиляционных установок, окна закрывались фанерой или закрашивались, следствием чего была плохая освещённость, нередко составлявшая 25 % от нормы. Посетив Меланжевый комбинат, М.И. Калинин спросил у директора: «А вас женщины ещё не поколотили?» – «Нет». – «Ну а если поколотят, то вы на них не обижайтесь... Уж очень им тяжело».

Плохие условия труда и в быту нередко служили причиной нарушения трудовой дисциплины и текучести кадров. За прогулы и опоздания на работу на 21 минуту и более в 1941 г. было осуждено 1481183, а в 1942 г. – 1274644 человека.

С начала войны, по данным прокуратуры Горьковской области, к июлю 1941 г. было осуждено 1218 чел., из них за прогул 1172 чел., за самовольный уход – 46 человек. В данном случае эти показатели не могут адекватно характеризовать отношение народа к власти и происходящим процессам, или быть свидетельством нездоровья его духовных сил. Прежде всего, потому, что эти показатели отражают саму сложность, непредсказуемость быстро менявшихся условий и обстоятельств, множества жизненных коллизий с которыми сталкивались люди в период войны. Они были также следствием жестокости самих законодательных актов, негибкого, часто бездумного и механистического их применения. К тому же, как показывает анализ документов и свидетельств непосредственных участников, общественное сознание в большинстве случаев с пониманием воспринимало наказание нарушителей, выявляло и осуждало их [21. 23 авг.; 31].

Среди причин прогулов были названы: ослабление массовой воспитательной работы, несвоевременная передача материалов на прогульщиков в суд, опоздание и невыход на работу в связи с проходами в Красную Армию близких родственников. Нужда, плохое здоровье, отсутствие одежды и обуви, невнимательное отношение и грубость руководителей, поиск средств для уплаты непосильных налогов (сбор ягод, грибов, растений и т. д.), в официальных документах, как правило, не упоминаются.

Нельзя не согласиться с тем, что репрессивные меры к дезертирам с предприятий военной промышленности в массовых масштабах не всегда применялись. Приговоры судов не всегда выполнялись или выполнялись формально, поскольку в этом часто не было смысла: рабочие руки требовались и на тех предприятиях, где работали осужденные и они там же оставались и после приговора суда. Некоторые рабочие имели не одну судимость, другие бежали с предприятий и находились в розыске, хотя действенных мер по их розыску не предпринималось. В одном из выступлений секретаря Горьковского горкома ВКП(б) П.А. Ромашина приводились факты бесчеловечного отношения к людям на заводе № 466, критиковались руководство и профсоюзный комитет за невнимание к ма-

териально-бытовым условиям жизни людей и в то же время отмечалось, что дела на дезертиров в прокуратуру не передаются, милиция их не разыскивает, дела военным трибуналом рассматриваются заочно, дезертиры остаются безнаказанными [15, с. 272–273].

Сложным и напряженным было физическое и морально-психологическое состояние людей. Обобщенную его характеристику дал один участник событий: «Обычный рабочий день фронтовых лет – непреходящее ощущение голода, – писал он. – Мучительная, не отпускающая душу усталость, постоянная борьба с желанием прикорнуть, забыться хоть на мгновение. И ни на минуту не покидавшая тревога за близких, которые там, на передовой, в грязи, в боях и ежесекундной опасности. И тайная мысль, что, может быть, тыловой труд в сравнении с фронтовым – благодать. И тяжкий, безысходный страх, что с фронта, где отец, муж, сын, придет похоронка. И так – каждый день...» [24, с. 14].

Вопрос о том, где труднее – на фронте или в тылу, волновал гражданское население и воинов действующей армии. В большинстве случаев тыловики однозначно считали, что труднее и опаснее на фронте. Фронтвики же приходили к выводу о сложности и трудности жизни и деятельности в тылу. Вследствие этого одним из многих мотивов напряженного труда и борьбы, стойкости и мужества и тех, и других было взаимное чувство морального долга, обязанности и благодарности.

В годы войны возросла роль молодежи на различных участках работы страны. Миллионы юношей и девушек сражались в рядах армии и партизанских отрядах, самоотверженно трудились на предприятиях и стройках, колхозах с совхозах. В 1940–1942 гг. было проведено 16 мобилизаций подростков для обучения в училищах и школах ФЗО, которые к 1943 г. дали народному хозяйству 1,5 млн рабочих [4, № 7–8. 21; № 16. 31; 5, № 19–20. 49].

Большинство из них не имели социально-политического и жизненного опыта, необходимых навыков и знаний. Многие оказались в непривычной обстановке, столкнулись с невероятными трудностями, тяготами и невзгодами. Все они постоянно переносили физические и морально-психологические страдания. Вследствие этого в

сознании и поведении молодежи неизбежны были определенные издержки и негативные явления. Дети и подростки из освобождённых от оккупации районов были истощены и больны. Длительные голодание, издевательства оккупантов, нервно-психическое напряжение, холод негативно сказывались на их здоровье. Среди них был высок процент истощённых, больных туберкулёзом и другими заболеваниями, расстроенной психикой. Они становились замкнутыми, не по возрасту серьёзными, сторонились людей. «Многие из нас, видевших своими глазами смерть, знавшие, что такое жестокость, грубо отстраняли от себя всех, кто хотел ласково дотронуться, заглянуть в душу... – вспоминал один из таких подростков. – Мы долго не понимали, что такое добро, ласка...» [18. 17 нояб.].

В докладной записке Главного управления трудовых резервов о работе за 1940–1944 гг., которая была направлена в СНК СССР, наряду с традиционным выводом о том, что «политико-моральное состояние основной массы учащихся здоровое», отмечалось наличие фактов нарушений учебной и бытовой дисциплины – это картежные игры и воровство, драки и хулиганство, другие аморальные поступки. В 1942 г. из училищ самовольно ушли 32 тыс. подростков, а за 1940–1942 гг. – 72 тыс. чел. [14. Оп. 1. Д. 54. Л. 1, 57; Д. 55. Л. 276; Д. 119. Л. 17]. Причинами подобных явлений были, прежде всего, разнообразные трудности с которыми столкнулись учащиеся: тяжелые, а порой и просто невыносимые условия быта и скудное питание, принуждение и бездушное отношение со стороны работников и старших товарищей, неспособность адаптироваться к новой среде и условиям и другие. Однако самовольный уход официально квалифицировался как дезертирство.

На Уфимском моторостроительном заводе, где работало 17 тыс. молодых рабочих в результате тяжелых условий труда и плохого питания в 1943 г. было зафиксировано 73045 случаев заболеваний с потерей 597133 рабочих дней. За это же время умерло 258 человек в результате дистрофии, воспаления легких, туберкулеза и других причин.

Некоторые подростки с Кировского завода не могли ходить на работу из-за отсутствия одежды и обуви. Многие молодые рабочие жили непосредственно в цехах, потому что не имели жилья, одежды и обуви.

В июне 1942 г. на завод «Станкопатрон» в городе Челябинске прибыли 100 выпускников училища. 88 из них не получили жилья. Несколько суток они спали во дворе, а потом их поместили в баню и голубятню. Они не имели смены белья, не получали мыла и в баню не ходили месяцами. Многих на рабочих местах стали использовать не по специальности, снижая при этом разряд.

Как правило, выпускники ремесленных училищ и школ ФЗО годами работали по 2–3 разряду и за свой труд получали мало. Их заработок составлял в среднем в месяц 300–350 руб. В то же время в 1942 г. в среднем по РСФСР на рынках 1 кг зерна стоил около 54 руб., 1 литр молока – 38 руб., 1 кг мяса – 196 руб.

Работники ЦК ВЛКСМ, побывавшие в 1942 г. в Башкирии на Белорецком металлургическом комбинате отмечали, что молодые рабочие «не имеют обуви и работают босиком, ходят в нижних рубахах и рваных брюках. Многие из них не получали спецодежду в течение 1,5–2 лет, – подчеркивали они в справке. – В прокатном, мартеновском и доменном цехах рабочие не обеспечены рукавицами и работают, придерживая горячий металл концами рукавов. Столовая ОРСа готовит пищу плохо. Очень распространенное блюдо «затируха» (заварная каша из муки), приводит к заболеваниям».

Инструктор Свердловского ОК РКП(б) Розина, обследовавшая рабочие общежития, писала: «Обувь у большинства совершенно разбитая. Ноги мокрые и грязные... В общежитиях грязно, вся спецовка, грязные ботинки, сапоги находятся под койкой, поскольку нет сушилки. Постельное белье застирано и меняется очень редко. Девушки из детдома живут в дощатом бараке, где кругом щели, с потолка бежит вода, нет не только горячей воды, но и холодной. Приходя с работы в общежитие, они сидят в пальто с грязными лицами и руками» [11, с. 85–89].

Рабочие Свердловского района г. Дзержинска, сообщал в 1943 г. заместитель начальника НКВД Горьковской области, «находятся в безобразно защищенном состоянии. Подавляющая масса спит на полу без всяких постельных принадлежностей в верхней одежде и обуви. Портянки сушить негде. Горячую пищу рабочие получают только один раз в день» [15, с. 413].

Аналогичные недостатки, а также проявления грубости, хамства, невысокий уровень общей и бытовой культуры и норм поведения имели проявления и среди других категорий молодежи – рабочей, студенческой и учащейся [22. 18 июня.; 29. Оп. 6. Д. 81. Л. 60–61; 35. Оп. 36. Д. 210. Л. 5]. В среде крестьянской молодежи, как и жителей села в целом, в силу большей стабильности среды обитания и условий, образа жизни и других причин, морально-психологическое состояние отличалось большей устойчивостью.

Тем не менее в 1942 г. ЦК ВЛКСМ в закрытом письме комитетам комсомола пришел к выводу, что «хотя и незначительная часть комсомольцев в минуту трудностей и опасностей не оправдывает своего почетного звания» [29. Оп. 6. Д. 17. Л. 7–8], в целом же молодежь, как и подавляющая часть советского народа, несмотря на тяжелые условия труда и быта, голод и холод, была проникнута верой в будущее, спаяна крепкой дружбой и взаимовыручкой, готовностью жертвовать собой ради своих товарищей и интересов Родины. Вера в победу, справедливость целей борьбы и своих товарищей не позволяла терять самообладание и впадать в уныние, помогала переносить невзгоды военного лихолетья, самоотверженно защищать Отечество.

Введение нормированного распределения, увеличение налогов, жёсткое регламентирование трудовых отношений, другие ограничения и различные повинности воспринимались народом как неприятная, но суровая необходимость. Отступление от принципа социальной справедливости, грубость и моральная нечистоплотность руководителей подрывали единство, вызывали неодобрение и осуждение народа.

Список литературы

1. Анисков В.Т. Война и судьбы российского крестьянства. Вологда. – Ярославль, 1998.
2. Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. – Новосибирск, 1993.
3. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. – М.: памяtn. ист. мысли, 2003.
4. Большевик. – 1942.
5. Большевик. – 1943.
6. Борисов Б.А. Записки секретаря обкома. – М., 1964.

7. Будни военного лихолетья 1941–1945 гг. – Вып. 1,2 – М.: НРИ РАН, 1994.
8. Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности // Четвертые Уральские военно-исторические чтения, посв. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2005.
9. Военно-исторический журнал. – 1991. – № 1.
10. Все для фронта, все для победы. 1941–1945. Документы и материалы. – Красноярск: Красноярск. книжн. изд-во, 1978.
11. Гайсин У.Б. Социальное положение молодежи Урала в годы Великой Отечественной // Урал в стратегии второй мировой войны: материалы Всерос. науч. конф., посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войны: Екатеринбург-Каменск-Уральский 27–28 апр. 2000 г. – Екатеринбург: СВ-96, 2000.
12. ГАРФ. Ф. 5451.
13. ГАРФ. Ф. 8090.
14. ГАРФ. Ф. 9507.
15. Забвению не подлежит. 1941–1945. – Кн. 3. – Н. Новгород, 1995.
16. Загвоздкин Г.Г. Цена победы: социальная политика военных лет. – Киров, 1990
17. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–945 гг. – М., 2000.
18. Известия. – 1967.
19. История СССР. – 1991. – № 6.
20. Исупов В.А., Алексеев ВВ. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1986.
21. Комсомольская правда. – 1942.
22. Комсомольская правда. – 1943.
23. Кондакова Н.И. Война, государство, общество. 1941–1945 гг. – М., 2002.
24. Новое время. – 1985. – № 15.
25. Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. – Волгоград: Перемена, 2005.
26. Панов В.П. Это было. О тружениках тыла в годы Великой Отечественной войны. – М., 1990.
27. Песков В. Война и люди.- Воронеж: Центр.-черн. книжн. изд-во, 1989.
28. Полвека в пути. Кировский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина. 1918–1968. – Киров, 1970.
29. РГАСПИ. Ф. 1.
30. РГАСПИ. Ф. 17.
31. Советская Россия. – 1990. – 25 мар.

32. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1988.
33. Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Н. Новгород, 2008.
34. Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Екатеринбург, 1995.
35. ЦХДООСО. Ф. 4.
36. Черник С.А. Советская школа в годы Великой Отечественной войны. – М.: Просвещение, 1975.
37. Шалак А.В. Условия жизни и быта населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Иркутск, 1998.
38. Soviet Russia Today. – 1945. – Nov.

УДК 94(47.23-25).084.8

С. В. Яров *

Ленинградцы в «смертное время»: предпосылки изменения нравственных ценностей

В статье рассматривается влияния массового голода на изменения существовавших в обществе социальных связей и морально-этических ценностей. Характеризуются наиболее общие черты нового, вызванного особыми условиями блокады повседневного поведения людей. Обращается особое внимание на асоциальное, антицивилизационное влияние войны на человека.

This article discusses the influence of mass starvation on the changes of social relationships, moral and ethical values existed in the society. The article characterizes the most common features of the new everyday human behavior generated by the specific conditions of the blockade. The special attention is paid for the asocial, anticivilized impact of war on people.

* **Яров Сергей Викторович**, доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный университет имени А.И. Герцена.

Ключевые слова: война, блокада, продовольствие, истощение, холод, бомбежка, социальные связи, этические нормы, повседневное поведение, смертность, быт.

Key words: war, blockade, provisions, inanition, cold, bombing, social bonding, code of ethics, daily behaviour, mortality, way of life.

«Смертное время» – так, по свидетельству В. Бианки, называли многие ленинградцы самые страшные, голодные месяцы конца 1941 – начала 1942 гг. [4, с. 180]. Истощение, холод, отсутствие цивилизованного быта, болезни, апатия во всех ее проявлениях, ослабление родственных и иных социальных связей не могли не повлиять на распад моральных ценностей. Произошло это не сразу, но трудно не заметить системности процесса размывания традиционной этики в совокупности ее поведенческих, бытовых, социальных и духовных норм.

В первые месяцы войны, до сентября 1941 г., несмотря на введение карточек, о голоде никто не говорил. Тем более, что первоначально по этим карточкам «выдавалось довольно прилично: рабочим – 808 граммов хлеба в день, служащим – по 600 граммов. Практически такую норму было и не съесть. Мяса рабочим в месяц полагалось по 2 килограмма 200 граммов, служащим – по 1200 граммов. кроме того, без всяких карточек работали коммерческие рестораны и кафе...» [22, с. 147]. Но сокращение ассортимента продуктов со временем становилось все заметнее и паника [22, с. 148], возникшая после очередного снижения норм отпуска хлеба 12 сентября 1941 г. – 500 г рабочим, 300 г служащим, 200 г детям [47, с. 98] – едва ли являлась случайной. Она, помимо прочего, была и отражением неутешительных сводок с фронтов и «негативных» слухов о запасах продовольствия в городе. О голоде все чаще начали говорить в октябре 1941 г. Именно тогда и стали более массовыми вылазки горожан на пепелища разбомбленных в сентябре Бадаевских складов в поисках «сладкой» земли, которую промывали, снимали грязную накипь и использовали как сахар. Не очень привычной, «грубой» пищи переставали чураться. Когда на витрине одного из ресторанов в октябре 1941 г. вывесили объявление о про-

даже «конских котлет», в первый день, по свидетельству В.Г. Даева, «прохожие только покачивали головами, мало кто заходил» [37, с. 102]. На следующий день объявление было сорвано, а у дверей стояла толпа.

«Обычно я почти не ела мяса и питалась в вегетарианской столовой, теперь я его съедаю с жадностью и охотно ела бы ежедневно», – записывала в дневнике 5 октября 1941 г. М.С. Коноплева [35. Д. 1. Л. 125–126]. Ее сосед в столовой Эрмитажа 9 октября 1941 г. прямо спросил ее о том, голодает ли она, и признался: «А я теперь всегда голоден» [35. Д. 1. Л. 135]. «То же приходится слышать от всей молодежи», – так прокомментировала М.С. Коноплева его ответ [35. Д. 1. Л. 135]. Не все бы тогда согласились с ней [57, с. 253; 39, с. 297], но было ясно, что люди подходили к той грани, за которой начинался распад. Отмеченное многими в октябре 1941 г. «вечное сосание под ложечкой», по выражению К.Н. Сельцера [14, с. 44], становилось с каждым днем все более угнетающим. Ничего сделать было нельзя: запасы у всех подходили к концу, нормы пайка снижались постоянно. И никто не знал, как выбраться из этой ямы. Поиски еще оставшихся в магазинах продуктов были самой распространенной, но малоудачной попыткой «подкормиться». Других способов не находили, а во многих случаях и не умели их искать; оставалась надежда на то, что все это скоро кончится или не будет иметь ощутимых последствий.

Первые признаки настоящего, страшного голода обнаружались в ноябре 1941 г. Тогда и началось «смертное время» с нескончаемой чередой похоронных «процессий», дележкой крохотного кусочка хлеба, с лихорадочным поиском любых суррогатов пищи. «Этот голод как-то накапливается, нарастает и то, что еще недавно насыщало, сейчас безнадежно не удовлетворяет. Я чувствую на себе это резкое оголодание, томительную пустоту в желудке... Через час после относительно приличного обеда... подбираются малейшие крошки съестного, выскребаются до чистоты кастрюли и тарелки», – записывает в дневнике 9 января 1942 г. И.Д. Зеленская [53. Оп. 11. Д. 35. Л. 50 об.]. Каждый месяц этого времени имел свою, не единственную, но особую, жуткую приметку: санки с «пеленашками» в де-

кабре, не убранные многочисленные трупы в январе, и трупы, убранные в феврале – в штабеля, высотой в несколько метров.

Можно говорить о нескольких этических последствиях принявшего угрожающие размеры массового голода. Прежде всего они были обусловлены апатией, выключавшей человека из поля бытовых и нравственных правил. Проявления ее были многообразными и индивидуальными для каждого человека. Нетрудно, однако, определить и ряд общих признаков физиологического угасания, отмеченных в Ленинграде в 1941–1942 гг. Это заторможенность, вялость – «отупение», как обычно характеризуется это состояние в блокадных записках и дневниках [46, с. 250]. Это слабость, или, как сильнее выразился один из блокадников, «дряхлость» [45. Д. 30. Л. 10] – в мемуарной литературе неоднократно обращалось внимание на старческие лица «дистрофиков» независимо от их возраста. Многие не могли даже ходить по комнате, а обычно долго сидели или лежали на кровати; А.П. Бондаренко вспоминала о своем брате, который часами неподвижно стоял у стола, и о сестре, которая все время лежала в кровати, не притрагиваясь к находившейся рядом кукле [8].

Стала заметной какая-то минтальность, автоматичность совершаемых людьми действий — они не сопровождались ни малейшим эмоциональным всплеском. «Все суровые, никто не улыбается», – вспоминала О. Соловьева о людях, встретившихся ей на пустынной улице [37. Д. 25. Л. 5]. Начали замечать, какими неповоротливыми, медлительными становились некоторые блокадники в конце 1941 – начале 1942 г.: они словно не видели друг друга, сталкивались, не уступали дорогу [58, с. 62]. Вот, как описывало это движение А.М. Боровикова: «Сейчас получается так: если раньше от машины отворачивался народ, то сейчас идущий транспорт должен отворачивать от людей. Люди стали безразличные, глухи... их ругаешь, а они говорят спасибо» [53. Оп. 11. Д. 15. Л. 98]. Иные из них казались обреченными: «Взгляд отрешенный, будто отлетающий» [55, с. 151]. Обращала на себя внимание их молчаливость, вообще отсутствие всяких эмоций – удивления, радости, даже острого горя. Как точно подметил Е. Шварц, жизнь «теряла теплоту» [54, с. 659]. Исчезало

чувство самосохранения и опасности, утрачивался интерес к другим людям, к внешним событиям, ко всему, кроме еды. И, наконец, исчезал интерес к еде – это была последняя стадия физиологического распада, преддверие смерти.

Апатия вела к ослаблению социальных связей, а нередко и к исключению человека из общества. И это не проходило бесследно для его нравственности. Именно в сообществе других людей человек, пусть даже и играя отвечающую его представлениям о себе роль, ежедневно должен затверживать нравственные уроки – быть порядочным, честным, справедливым, отзывчивым, щедрым. Он не всегда может быть таковым, – но он действует в той же среде, где эти требования подразумеваются как обязательные. Ему приходится и маскироваться – но всегда учитывая при этом, как принято себя вести. Если нет кажущихся формальными «церемоний», то размывается и само содержание морали. И человек не только должен заучивать нравственные правила, но и своими поступками подтверждать их соблюдение. Он чувствует взгляд других, его оценивающих и поправляющих, его упрекающих или одобряющих. Он должен ответить на замечания и оправдывать себя – приводя аргументы, почерпнутые из арсенала этики. Нравственные нормы могли оставаться живыми и актуальными именно в этих пересечениях споров и патетических отповедей. Норма не ощущается тогда, когда нет контроля над собой, объяснения мотивов своих действий и нет критических мнений со стороны. Она утрачивается и тогда, когда нет интереса к книгам и к искусству, отстаивающих нравственные ценности, когда безразличны к внешним событиям, требующим морального вердикта.

Безразличный ко всему, ушедший от мира и от людей, сосредоточенный только на самом себе [15, с. 221; 1, с. 48], человек утрачивает и способность эмоционально реагировать на что-либо. Но как раз посредством таких эмоций – радости, удивления, страха, горя, надежды – выражаются и быстрее воспринимаются моральные правила. Не случайно именно в притуплении эмоций видишь тогда нечто спасительное. В городе мрачно холодно, темно и не превратиться в «кисель» поможет только это – относиться ко всему

безразлично и не страдать. Таково содержание записи в дневнике Л. Эльяшевой, сделанной 19 ноября 1941 г. [56, с. 205] Спасает только «звериное» безразличие к человеческому страданию – это отмечает в дневнике спустя несколько месяцев и М.В. Машкова [42, с. 15].

Угасание эмоций можно отметить в самых различных блокадных эпизодах, но, пожалуй, наиболее характерным было безразличие к бомбежкам и вообще к смерти. Первые обстрелы в начале сентября 1941 г. вызвали бурный отклик в Ленинграде. Горожане без всяких отговорок шли в бомбоубежище, пытались узнать, сколько людей пострадало и какие дома разрушены. Потом бомбежки стали частью повседневности, к ним быстро привыкли и месяц спустя, в октябре 1941 г., в дневнике инженера В. Кулябко мы встречаем такую запись: «...Сейчас... мало интересуется, где разбомбили, сколько жертв. Ко всему привыкают, даже к ужасу» [28, с. 237]. Голод, а не обстрел, скоро стал главной темой разговоров ленинградцев. В «смертное время» безразличие к обстрелам было почти что нормой. Находили в себе силы и относиться к ним с юмором. Вплоть до того, что появились целые серии анекдотов «Юмор приговоренных к смерти»: «Уходя из гостиной, не забудь потушить зажигательную бомбу. Меняю фугасную бомбу на две зажигательных в разных кварталах» [4, с. 171]. Милиционеры даже начали штрафовать тех, кто не хотел идти в убежища и буквально выгоняли их с улиц. Типичной можно считать историю, описанную в рассказе В. Бианки об одной из его знакомых, жившей в Ленинграде – в нем этапы привыкания к обстрелам обозначены кратко, но отчетливо: «...Поднимала всех в квартире даже при отдаленной бомбежке. Потом вдруг ей стало совершенно безразлично – ухает, нет ли. Теперь ее штрафуют за то, что она не прячется во время налетов и детей своих она не будит ночью во время бомбежки» [4, с. 173].

Сцены, когда горожане во время обстрелов спасались не только от бомб, но и от милиционеров, при всей их парадоксальности, едва ли возникли случайно. Здесь сказался, конечно, и обычный «блокадный» прагматизм. Берегли последние силы и предпочитали отсиживаться дома, надеясь, что беда обойдет их стороной. Будучи

истощенными, не рассчитывали до отбоя тревоги пробраться в убежище по обледеневшим лестницам, залитым нечистотами. Не рисковали уйти из очереди во время бомбежки, хотя магазины тогда обязательно должны были закрываться. И имели для этого веские доводы: могли потерять место в ней, поскольку быстро образовывались очереди людей, не желавших признавать прав других.

Этот прагматизм удивлял тех, кто побывал в городе позднее. Так, В. Бианки, находясь во время обстрела в комнате с участковым милиционером, заметил, что он беспокоится скорее не о том, упадет ли на дом бомба, а о том, не потухнет ли лампа. В. Бианки даже подчеркнул, что это было сделано «без всякой рисовки» [4, с. 173].

Для горожан такая шкала средств выживания стала обыденной: поведение некоторых из них во время обстрела на Сытном рынке в декабре 1941 г. еще раз это подтвердило [35. Д. 2. Л. 10]. Безразличие к обстрелам, которое преимущественно являлось следствием крайнего истощения и усталости, но где-то и способом самосохранения, обусловило размывание нескольких этических принципов. Во-первых, утрачивалось чувство ответственности за судьбу незащитных людей – детей, стариков, инвалидов, нуждающихся в уходе. Сколь бы ни были тщетны попытки уберечь их от налета в убежищах, но они являлись все же более нравственными, чем упования на то, что бомба упадет далеко. Позволяя себе одно (и немаловажное) отступление от правил морали и оправдывая его какими угодно аргументами, можно было затем допустить и другие исключения из них. Заметим, что во время осады такая последовательность этапов распада этики выявлялась особенно рельефно.

Во-вторых, ослабевали, а нередко и исчезали инстинкты страха и ощущения опасности. Не боялись не только за себя, но и за других и потому не виден повод их защищать – именно в силу убежденности в этом, а не оттого, что были немощны или строили меркантильные расчеты. Кроме этого, утрату чувства самосохранения нельзя рассматривать изолированно от других элементов цивилизованного поведения, с которыми они были связаны и в какой-то мере определяли их содержание. Не заботясь о своем спасении и

не осознавая того, что им угрожало, не видели и признаков своей деградации или не придавали им должного значения.

Привыкали не только к бомбежкам – привыкали к смерти. Иначе и быть не могло – трупы лежали всюду. Они лежали у больниц и на улицах, в квартирах и на лестницах, в подвалах и во дворах. Смерть была лишена присущей ей в цивилизованном обществе строгости ритуалов – стало обычным и неуважение к умершим. Мертвые тела нередко сваливали в кучу. Они могли лежать не один день [29, с. 477] – их никто не убирал [6, с. 57, 245; 51, с. 104]. Их накладывали в грузовики как дрова: развевавшиеся на ветру волосы погибших вызывали содрогание у горожан [17, с. 256]. Л. Рончевская была поражена, увидев на Невском проспекте, у павильона Росси, где находился морг, что окоченевшие трупы ставили к стене [37. Д. 14. Л. 3]. Неубранные тела лежали в квартирах, в общежитиях, в эвакуационных пунктах – рядом с ними другие люди ели и спали [48, с. 122]. Через трупы перешагивали, не имея сил сдвинуть их к обочине дороги [16, с. 43; 12, с. 168]. Ни страха, ни брезгливости – В. Никольская вспоминала, как в одном из скверов, где лежали мертвые, собирали снег для питья [36. Д. 907. Л. 13].

«Навстречу нам мальчик тащил санки с пеленашками... Может быть с трупом своей матери. Разговаривавшие, обогнав меня, не обратили никакого внимания на этот груз, не переглянулись даже, давая мальчику дорогу. В этот же день вечером на улице в центре я опять услышал это выражение: "в смертное время" и опять разговаривавшие не обратили никакого внимания на двигавшийся им навстречу груз: молодая изможденная женщина везла на санках одну большую и две маленькие пеленашки... На повороте у садика против Русского музея длинная пеленашка... сползла с санок до половины в снег. Усталая женщина остановилась, досадливо толкнула труп ногой на место и с усилием опять потянула за веревку» [4, с. 181]. Это безразличие к смерти, описанное В. Бианки, отмечается и другими очевидцами страшной блокадной зимы [53. Оп. 11. Д. 24. Л. 4].

Безучастность к смерти могла обернуться и безразличием к людям. Она вытравила человеческие чувства: сострадание, милосердие, готовность защитить других от невзгод. «Оттащили мы

ее... бросили ее бревно, а свои бревна потащили дальше», – так говорилось о женщине, умершей при переноске бревен во время оборонных работ [37. Л. 2 об.]. М.С. Коноплева писала и о «грустной иронии», которую вызывали покойные, и даже приводила примеры [37. Л. 2 об]. Видели не таинство смерти, на уважении к которому основывается достоинство человека, а ее неприглядную изнанку: лишенные благопристойности и оскверненные тела, трупы, через которые надо перешагивать, трупы, обглоданные крысами без одежды или в тряпках, с вывернутыми карманами пальто. Видели это каждый день, сразу в нескольких местах, слышали и передавали рассказы об этом друг другу. Так коллективное привыкание вело к снижению порога общей для всех этики и тем меньше пресекались противоречившие нравственным нормам индивидуальные импровизации. Каждая деталь блокадной смерти показывала, сколько жестокого и даже звериного обнаруживалось у людей, как легко они могли переступать границы дозволенного и как быстро начиналось отчуждение от человека – не только мертвого, но и живого.

Блокадная повседневность смещала все осевые конструкции прежнего, налаженного быта. Но любое бытовое действие основано на совокупности определенных норм, в том числе и нравственных. Даже на коммунальной кухне, имевшей скандальную репутацию очага конфликтов, жильцы квартиры соблюдали ряд ритуалов, продиктованных этическими представлениями и, в первую очередь, чувством справедливости. Устанавливались, хотя и не без трений, очередность ее использования, правила поведения по отношению к старикам и детям. Там делились продуктами, обращались за помощью друг к другу. В блокаду о коммунальном быте в его привычном понимании говорить было сложно. Все изменялось неожиданно и парадоксально и удерживавшие ранее равновесие бытовых практик простейшие нравственные навыки постепенно утрачивались. Нет стереотипных этических реакций, проявлявшихся в бытовых поступках. Для них не имелось «практической» почвы. Распадалась та система групповой коммуникации, где они должны были воспроизводиться и поддерживаться ежедневно. Надо было устанавливать какие-то новые правила применительно к новым условиям, но осадная жизнь менялась так быстро и так страшно, что о прочном их заучивании не могло быть и речи.

Симптомы распада этики были разнообразными и индивидуальными для каждого человека, но везде заметна их связь с нищенским блокадным бытом. Приступы раздражения, ссоры и драки обычно случались именно там, где делили хлеб, получали тарелку супа или стакан кипятка. Чаще всего это происходило в столовых [53. Оп. 11. Д. 35. Л. 26–26 об.; 32, с. 117–118]. Огромные очереди в столовых и кафе стали наблюдаться еще в сентябре 1941 г. [2, с. 25–26; 25, с. 258] В них до конца октября нередко продолжали выдавать супы и каши без талонов, и постоянное снижение норм отпуска продуктов по «карточкам» сделало их главной надеждой горожан, начавших тогда испытывать чувство голода. «В столовых царил хаос: все кричали, ругались», – записывает в дневнике 12 сентября 1941 г. М.С. Коноплева, а 19 октября она же отмечает, что у кассы столовой, где зеленые щи можно получить без отрыва талонов, «целыми днями... стоит возбужденная шумная толпа, способная побить каждого, кто попытается подойти к кассе вне очереди» [35. Д. 3. Л. 15].

Этот хаос подчинял себе и воспитанных, интеллигентных людей. Чуть замешкаешься, проявив щепетильность – и сомнут, оттеснят, выгонят из очереди. «Обед, избавлявший от голодной смерти, казался естественным добывать в любых условиях», – скажет позднее Л. Гинзбург [13, с. 740]; заметим, что ссоры возникали даже в столовых Союза писателей и Публичной библиотеки [32, с. 117].

Скандалы начинались по разным поводам: из-за неправильного отрыва кассирами талонов, из-за опозданий, когда выяснялось, что положенная человеку порция пищи съедалась кем-то другим, из-за несправедливости привилегий при обслуживании или из-за медлительности работников, из-за того, что не рассчитали норму приготовления каши и ее хватило не всем [2, с. 25–26; 53. Оп. 11. Д. 35. Л. 26 об.], и наконец, чаще всего из-за того, что кто-то хотел получить обед или ужин вне очереди. Одна и та же картина в различных записях о блокадных столовых. Нетерпение голодных людей, которые не имели сил больше ждать и, не стесняясь других, громко и настойчиво просили обслужить их в первую очередь. Озлобление официанток, видимо, более сытых и явно презиравших посетите-

лей, готовых и умолять и оскорблять [19, с. 267]. Впечатляющее описание размывания даже не столько бытовых, сколько цивилизационных правил мы находим в воспоминаниях Г. Кулагина. И, подчеркнем, речь здесь идет о «директорской» столовой, где питание было лучше, где должна была четче соблюдаться субординация, где «столующимися» являлись люди с более высоким уровнем образования и культуры: «Это было в декабре, но люди еще не были истощены и вели себя достойно. Они еще подпитывались домашними запасами... У кого были связи со снабженцами, те выписывали с центрального склада крахмал и технический желатин. Потом и это кончилось. Столовая стала, как все. Поредели ряды посетителей. Смолкли и посторонние разговоры. Начальники стали нетерпеливо подстерегать время обеда, и без одной минуты час все стулья уже были заняты. Столующиеся сосредоточенно и молча поглядывали на кастрюлю с супом. Каждый развертывал бумагу с кусочком хлеба, оставшимся от завтрака. Некоторые извлекали из карманов пробирки с перцем, запасались солью. Через минуту-другую терпение истощалось:

- Анастасия Ивановна, мне тарелочку!
- Анастасия Ивановна, мне!
- Тасенькая, мне двести граммов хлеба!
- Анастасия Ивановна, я давно сижу!

Все вдруг страшно оживлялись, вскакивали с мест, протягивали руки за супом, рискуя расплескать его на соседней.

Наконец первое роздано. Устанавливается полное молчание: слышно только хлюпанье и чавканье. Кто ест быстро и жадно, моментально опустошая тарелку, кто медленно смакует каждую ложку жиденького супа. Снова гвалт и крики – заказывают второе.

– Тася, Тасенька, мне две рассыпчатых, — басит могучий Вишняков.

– Анастасия Ивановна, а мне когда же? — врывается в общий гвалт чей-то тоненький умоляющий голос.

Тася растерянно и зло моргает глазами... Кто-то упрекает ее в нерасторопности, кто-то начинает рассуждать о грубости официанток, кто-то с сомнением смотрит на тарелку с кашей и, ища под-

держки у соседа, спрашивает:

– Неужели здесь две порции?

Потом опять все успокаиваются. Окончив обед, выстраиваются в очередь у расчетного стола... Официантки открыто сомневаются в честности расчета и, не стесняясь, оскорбительно громко переспрашивают, кто сколько съел...» [27, с. 153].

Раздражение обнаруживалось не только в столовых [39, с. 274; 35. Д. 1 Л. 123.]. «Все были раздражены до невероятности», – вспоминал Д.С. Лихачев, рассказывая о том, что произошло с ним однажды на улице. — «Впереди меня характерная блокадная фигура... Я иду сзади. Вдруг фигура впереди меня останавливается, оборачивается и истошно кричит...: "Да проходите же наконец!" Фигуру раздражило, что я ее не обгоняю, а как ее обгонишь, когда... сугробы» [29, с. 473]. Стычки и споры между людьми обычны для любого времени, не только для войны, но характерными тут являлись их накал и их причины. Раздражение вызывали и неприспособленные к блокадным тяготам, житейски беспомощные горожане и те, кто удивлял свои здоровым видом. Продавщицы неприязненно относились к тем, кто готов был часами стоять у пустых прилавков [5, с. 129]. Ехавшие в трамвае – к попутчикам, которые пытались втиснуться в переполненный вагон [37. Д. 72. Л. 44]. Люди в очередях – к отстаивавшим свое право быть впереди обладателям различных «номерков». Раздражал медленно бредущий прохожий, мешающий идти другим. Раздражали крик голодного ребенка, даже уборщица, согревшая чай за полчаса до обеденного перерыва и лишившая всех надежд выпить его горячим [45. Д. 140. Л. 20].

«Злоба была от голода», – отмечала А.О. Змитриченко [17, с. 93] и она, несомненно, права в определении ее первопричины. Но в блокадной повседневности, как и в любой другой, многое являлось опосредованным, обуславливалось традициями воспитания, образования и культуры, зависело от стечения обстоятельств и от реалий, которые не могли изменить. Достоверно определить мотивы раздражения блокадников в том или ином случае трудно еще и потому, что иногда они и сами не могли внятно их объяснить, а проявления их эмоций несоизмеримы тем конкретным поводам, которые их вызвали.

Каждый катаклизм являлся толчком к распаду человеческой личности, а его влияние могло быть и прямым и опосредованным. Главной причиной деградации человека – физической и духовной – был голод, но необходимо детально выявить последовательность разрушения им основных элементов цивилизации. Система этой причинно-следственной цепочки покажет нам не только тотальность распада, но и его системность, определенную взаимозависимостью норм цивилизации.

Наиболее зримая примета голода – внешний вид людей. «На прохожих с нормальным розовым лицом оглядываются», – записал в дневнике 17 января 1942 г. Л.А. Ходорков [45. Д. 140. Л. 15]. очевидцы едины в своих наблюдениях – по ним без труда можно составить портрет обычного блокадника, далекого от «хлебных мест». Бледные, исхудавшие, одутловатые, опухшие («опавшие и оплывшие», по выражению И.Д. Зеленской [53. Оп. 11. Д. 35. Л. 33 об.]), с желтоватым или землистым цветом лица [53. Оп. 11. Д. 53. Л. 12]. Морщины, синяки, белесоватые, налитые водой мешки под глазами [53. Оп. 11. Д. 86. Л. Л. 7–8]. Движения заторможенные, идут тихо и осторожно, нередко даже дети ходят, опираясь на палки и костыли [35. Д. 2. Л. 76]. Речь замедленная – ее интонации очень рельефно удалось передать И. Быльеву в рассказе о художнике Я. Николаеве. Тот пролил суп и предложил обмен: «...Продолжает с теми же чрезвычайными усилиями – у меня есть к тебе предложение. Я дам тебе свой крупяной талон, а ты... как его... это... а ты на него получишь и мы с тобой... как его... это...» [51, с. 233].

Страшными были приметы цинги. На ногах кожа становилась фиолетовой и покрывалась багровыми пупырышками. Они остекленевали и ходить было очень больно; у некоторых хромота оставалась и много месяцев спустя. Разбухал язык, кислая пища казалась горькой, сладкая – кислой [37, с. 51–52]. Один из характерных признаков цинги – выпадение зубов из воспаленных десен. Медицински точное и суховатое перечисление проявлений этого недуга у М.А. Бочавер сопровождается даже метафорой: «Мы у себя вынимали их просто, без труда, рукой, как сигареты из пачки» [37, с. 52].

К «блокадным» лицам быстро привыкли – приехавшим издали ка они казались еще более страшными [20, с. 203–204]. Но были и такие люди, при виде которых приходили в ужас даже многие повивавшие блокадники: «Это что-то не знаю что. Если бы я не встретила его на улице... не узнала бы» [53. Оп. 11. Д. 15. Л. 101]. «Я испугалась, так он страшен, лицо опухло» [37. Л. 23 об.]; «Я была поражена его видом, он заметно опух» [42, с. 115]; «Как... изменился, этого нельзя рассказать, невозможно представить» [44, с. 35]. Общаться с такими людьми, очевидно, было сложно. Они и сами стыдились своего вида (особенно женщины), старались отворачиваться. Да и что оставалось делать, когда было заметно, как их собеседники с трудом подавляют испуг, стесняются пристально вглядываться в лица. Как «дистрофикам», изуродованным голодом, с замедленной речью и жестами, вести обычный разговор, шутить, смеяться, пытаться понравиться кому-то, когда оцепенение, жалость и сострадание охватывает всех, кто их видит? И ничего не поправить – каждый голодный день делает их облик еще более неузнаваемым и страшным.

Может быть, отчасти и поэтому люди переставали следить за опрятностью и чистотой своей одежды, умываться, заботиться о личной гигиене. Другими причинами (и, пожалуй, более важными) были немощность истощенных блокадников, отсутствие в квартирах света, тепла и воды, закрытие бань и пунктов бытового обслуживания [18, с. 297]. Обилие грязных, закопченных лиц не раз отмечалось в свидетельствах о зиме 1941–1942 гг. [53. Оп. 11. Д. 83. Л. 36; Д. 35. Л. 58] Т. Нежинцева писала, как ей было стыдно идти в роддом невымытой: «...оказалось, что все были такие». Нет дров, нет сил, чтобы их доставить, нет тепла. Нет воды [24, с. 76] — истощенным горожанам, которым трудно дойти до колонок и проруби, приходится всячески ее сберегать, использовать только для питья и приготовления пищи. Очень мало бань, их нечем топить – побывать в них можно лишь по нарядам и талонам, которые не всем были доступны. Как отмечала И. Д. Зеленская, бывали случаи, когда «даже баня становится непомерной роскошью, т.к. в ней ледяной холод, чуть теплая вода и страшные очереди» [53. Оп. 11. Д. 35. Л. 41]. В обле-

деневших квартирах и общежитиях люди не моются, иногда – неделями и месяцами [23, с. 220]. Спят одетыми, стараются не вставать с постели, прячась от холода за ворохом одеял [2, с. 27]. Не работает канализация – квартиры, лестницы и дворы залиты нечистотами. Крысы и вши стали приметой «смертного времени» [34, с. 467]. Нет света, не работают общественный транспорт, почта и радио [36. Д. 1. Л. 1] – нет возможности читать, писать, заниматься домашним бытом, встречаться с друзьями, узнавать новости [53. Оп. 11. Д. 72. Л. 70].

Когда в сентябре 1941 г. запретили в целях экономии пользоваться электроприборами и ограничили (2,5 литрами в месяц) выдачу керосина, один из блокадников сетовал на то, что придется ходить в неглаженном белье [28]. Спустя несколько недель на эти мелочи перестали обращать внимание. Чувство озноба от холода, не проходившее, даже если накрывались несколькими одеялами или пальто (некоторые из переживших зиму 1941–1942 гг. подчеркивали, что оно являлось куда большим испытанием, чем голод), заставляло горожан ходить в валенках и шубах не только весной, но и позднее, вплоть до июля 1942 г. [3, с. 130] Истощенным было труднее согреться – не стыдились облачаться в «сборную одежду», по выражению Г.А. Князева [2, с. 53], обычно более потрепанную. И носили ее все: и рабочие, и интеллигенты. А. Фадеев, встретившись с ленинградскими писателями, сразу скомандовал в присутствии ему патетическом тоне: «Ордера! Ордера всем! Нужно одеться» [11, с. 246; 29, с. 473].

«Ест кашу медленно, ложка дрожит в костлявой ручке» – это отданный в детский дом изголодавшийся ребенок, у которого мать отбирала еду, «маленький тощий скелетик с большим черепом над личиком в кулачок» [53. Оп. 11. Д. 35. Л. 69]. Медленность в поглощении еды – не только от истощения, но и от жгучей потребности продолжить миг насыщения до бесконечности, в надежде, что это ежеминутное, ломающее все и вся чувство голода отступит. В жестках и мимике человека, поедающего хлеб, есть и ощущение страха от того, что он может лишиться своего крохотного кусочка. Есть и сосредоточенность только на этом кусочке, отрешенность от «мира» и от других людей. И есть «прислушивание» к себе, стремление

удостовериться, что голод проходит. И есть болезненное ощущение от сдерживания себя – каким искушением являлось это желание съесть хлеб сразу и целиком! В артистическом действе Б. Бабочкина, рассказавшего своим друзьям о поездке в осажденный город, некоторые из этих деталей выявлены очень рельефно: «Мимическая сцена – как едят хлеб в Ленинграде: закрывает ломтик, оглядывается, отламывает кусочек с ноготок, – и его еще раз пополам, кладет в рот, откидывается на стуле и с неподвижным лицом ждет, когда крошка растает во рту... И опять к куску» [20, с. 204].

М.В. Машкова с отвращением писала об одном знакомом архитекторе, который делил хлеб на 50 кусочков, складывал их в две коробки, по коробочкам рассыпал мизерными порциями сахар, «мельчил» и другие продукты. «Хлеб не просто съедается, а предварительно по кусочкам раскладывается в шахматном и ином порядке», – узнав об этом, муж Машковой даже перестал делить хлеб на маленькие части [42, с. 26]. Его можно было понять, но такие действия едва ли стоит оценивать только как патологические.

Каждый спасался как мог. Кто-то, разделив паек, обычно съедал его утром, днем и вечером, но для кого-то четырехчасовое ожидание обеда или ужина оказывалось непереносимым. Поделить на 50 кусочков – и терпеть придется только 15–20 минут. Пусть эти дозы микроскопические и не утолят они голода, но остается, хотя нередко и иллюзорная, надежда на то, что страдания удастся уменьшить. Раскладывание по коробкам – это средство сдерживания себя, и пожалуй даже, самоуспокоения: глядя на быстрое исчезновение кусочков в первой коробочке, можно утешать себя тем, что другая коробочка еще полна. И строгий «архитектурный порядок» расположения хлебных кусочков тоже можно объяснить как нечто, помогающее преодолевать искушение съесть все сразу. Другое дело, что эти ставшие автоматическими рациональные операции могут впоследствии усложняться, утрачивая прагматическую направленность. В таких действиях человек приобретает психологическую устойчивость, но отдаляется от других людей, которым ка-

жуются непонятными и иррациональными эти ритуалы и которые однозначно оценивают их как начало деградации.

«Сейчас кажется, что никогда не будешь сыт. Такое чувство тяжелое, даже страшное, а страшное потому, что всего страшней это усиление еще большего голода», – отмечалось в одном из блокадных дневников [53. Оп. 11. Д. 59. Л. 8 об.]. Этот страх заставлял не только делить хлеб на десятки частиц и прятать сахар щепотками в коробочки. Боясь повторения невероятных страданий, вызванных голодом, некоторые блокадники, даже являясь крайне истощенными, готовы были копить хлеб и другие продукты, отрывая их от своего скудного пайка, сберегать деньги, позволявшие в будущем подкормиться на «черном» рынке. Так, у одного из рабочих нашли после его смерти 3000 рублей и килограмм сахара, у другого – 1500 рублей. Домашние припасы обнаружили и у умершего от дистрофии в декабре 1941 г. сотрудника Публичной библиотеки. Такие люди вызывали не только недоумение, но и презрение, особенно когда выяснялось, что кто-то из них «слезно просил... помочь с едой», а кто-то и «просил по крошке» [42, с. 130].

«Голод тем и страшен, что нередко хороших людей искажает», – так оценивала поступок библиотекаря его сослуживица [42, с. 130], но этим погибшим людям было не до этических норм. Наверное, они понимали, что так поступать нельзя, что могут умереть, но еще более чудовищным являлось то, что выворачивало наизнанку человека, заставляло его кричать, не давало ему успокоиться ни на минуту. И возможно, чувствовали, что его нельзя будет вытерпеть, если не знать, что где-то есть припрятанные продукты и деньги, которыми в последнюю минуту, когда страдания станут невыносимыми, можно спастись.

Стала изменяться и культура еды – а она была прочно, хотя нередко и опосредованно, связана с рядом цивилизационных навыков. Особенно на это обращали внимание в столовых, куда ходили самые истощенные. Тарелки здесь часто вычищаются до блеска. Никто и не стесняется – рядом люди ведут себя также [36. Д. 901. Л. 28]. Даже тут, на виду у всех, иногда едят немытыми, закопченными руками – воды очень мало и ее трудно согреть. Еще в сентяб-

ре 1941 г. стали замечать, что в некоторых столовых отсутствуют ложки и вилки. М.С. Коноплева с раздражением писала в дневнике в это время о том, как «быстро докатились» столовые до уровня 1919–1920-х гг. «Та же хорошо знакомая вобла, то же отсутствие приборов и та же раздраженная, жадная толпа» [35. Д. 1. Л. 66]. Есть ей пришлось стоя, поскольку все места были заняты: «Вилки в буфете не нашлось, я ела ложкой и суп и воблу, помогая, конечно, хлебом и рукой» [35. Д. 1. Л. 66]. Позднее, возможно, это стало обычным. Так в одном из официозных отчетов говорилось о Приморской фабрике-кухне и столовой № 1 Приморского района, где «часть столующихся пищу поедает тут же, без помощи ложек или вилок» [18, с. 267] – ждать голодные люди не могли.

Один из цивилизационных навыков – чувство брезгливости, притуплявшее в человеке животное начало. В блокадное время оно неминуемо должно было исчезнуть, иначе никто бы не выжил. Об этом писали многие. Волна воспоминаний – без патетики и извинений. И. Меттер вспоминал, как повар госпиталя из-за отсутствия посуды налил кашу его брату, мойщику, в калошу [31, с. 51]. Р. Малкова вспоминала, как головы селедков, полученные ею с военной кухни, оказались в густой черной саже и золе. Воды не было: «А есть так хочется. Терпения нет, и ели как пришлось» [30, с. 227]. А.П. Бондаренко вспоминала, как военнослужащие разрешили ей взять ящик с очистками: там были окурки и обгоревшие спички [8]. Такие случаи, может, и не являлись частыми – но излишне говорить, чтобы кто-то пренебрег хлебом, упавшим в грязь, или кашей, если не хватало посуды.

В пищу шло все: столярный и обойный клей, олифа, дуранда (жмыхи), отруби, ремни из свиной кожи, гнилые, почерневшие капустные листья («хряпа»), желуди [32, с. 107]. Ели листья комнатных цветов и свечи [43, с. 30, 60]. Промывание «сладкой» земли на месте сгоревших Бадаевских складов стало обыкновением – копали ее сами или покупали на рынке [43, с. 53]. Существовала даже особая такса: верхний слой этой земли, наиболее насыщенный сахаром (глубиной до 1 м) стоил 100 рублей, нижний – 50 [7, с. 170].

Не брезговали ничем, пытаюсь хоть как-то утолить чувство голода. Об этом подробно и откровенно написано в воспоминаниях 12-летней Риты Малковой. Ее рассказ о том, как она «дежурила» у столовой госпиталя – одно из самых горьких свидетельств о блокаде. Очистки, вынесенные из кухни, они с матерью добавляли к соевому кефиру и «черной хряпке»: «А когда ничего нет, то сидим с мамой голодные... А когда выбросят еще до прихода мамы, то я не иду ее встречать... сижу и собираю разные отбросы» [30, с. 226].

Так и спаслись они в первую военную зиму. Туда приходили и другие люди, столь же голодные: «И когда выносили из столовой бак или ящик с капустными листьями, то... каждый хотел, чтобы ему дали» [30, с. 226]. Память выхватывает из прошлого фрагменты разных блокадных историй, неожиданно обрывая их, делая их предельно простыми. Они не связаны между собой, но отмечают всегда одно – безысходность нищеты. Они подмечают разные стороны, но в этом и особая их ценность. Только так, узнавая о всех деталях блокадного быта, мы можем почувствовать это страшное время, эти страдания затерянных на блокадном дне людей. Обессиленным, не ждущим ни от кого помощи, им не оставалось выбора, и они шли на все, чтобы выжить: «Но вот один раз, в воскресенье, мама была выходная и сидела дома, все прибирала. А я пошла дежурить около столовой, чтобы перехватить бак. В воскресенье все хорошее выбрасывали. И вот вынесли бак, я его схватила, а он тяжелый. Я его волоку по земле. Но вот больше не хватает сил и я стала кричать в окне маме. Мама прибежала» [30, с. 226].

Она поправила свой рассказ через 60 лет: «Нет, неправильно я тогда написала. Мама не могла, конечно, бегать. Она едва ходила. Держалась за стенку дома. Иногда падала. Помню, один раз упала прямо в лужу и у меня не было сил ее поднять. "Дяденька! Тетенька! Помогите поднять маму," – просила я прохожих, но они сами понуро проходили мимо. У них не было сил» [30, с. 227].

Стояние у кухонь в ожидании каких-либо остатков съестного наблюдалось и в других местах. Так, долечивавшийся в госпитале Г. Юрмин описал очередь у столовой военторга. В ней находились вольнонаемные на военной службе: от слесарей-водопроводчиков

до уборщиц. Все истощены до крайности, все с тарелками в руках, все в белых халатах – возможно, боялись, что их выгонят как не имеющих отношения к госпиталю. Г. Юрмин пишет, что у всех из них дома оставались опухшие и отекавшие родные и близкие – вероятно, здесь же рассказывали о своих семейных бедах, ожидая встретить сочувствие. Не до приличий, некого стыдиться – все такие же голодные. Все терпеливо ждут: «Каждый рассчитывает, что хоть какая-то малость ему все же перепадает. О полноценной порции никто и думать не смел, а вот на остаточки с тарелок рассчитывали все» [53. Оп. 11. Д. 35. Л. 37].

Кто-то пройдя через унижения, мог все же в столовых – военных, заводских, учрежденческих, академических – получить какую-то «добавку». Другим это не удавалось. Не имея сил терпеть голод и потеряв надежду вымолить хоть что-то, они должны были унижаться еще сильнее, здесь же, в столовых, на глазах у всех [29, с. 461].

И.Д. Зеленская, заведовавшая столовой на электростанции, видела таких унижающихся каждый день. Отличительная их примета – какая-то безропотность умирания. Не обижаются, не ищут виновных, не жалуются, принимают смерть как неизбежность. Сопrotивление ей – скорее инстинктивное, чем осознанное. «Какая страшная вереница погибших перед глазами», — вспоминала она в июле 1942 г. – «...Мальчик Зеленков... Как он прилипал к столовой загородке, не в силах отойти от зрелища еды, которой он не мог получить... Старый Фролов, вымаливающий второй "супчик"» [53. Оп. 11. Д. 35. Л. 92 об.]. Она пишет и о другом рабочем. Он грубо и требовательно вел себя в столовой. Вскоре он потерял карточки и документы. Она встречала его тут же, «такого пришибленного, даже сгорбившегося, деликатно благодарящего за одинокую тарелку бескарточного супа, которую мы ему отрываем и за кусочек хлеба из добавочного пайка» [53. Оп. 11. Д. 35. Л. 42 об.]. И.Д. Зеленская, возможно, готова была увидеть у него проявление раскаяния, но чувствуется, что и в нем что-то сломалось.

Кроткие, какие-то неестественно ласковые, покорно выслушивающие упреки – такими становились некоторые блокадники после многодневной голодовки. Бороться, добиваться чего-то, постоять за

себя сил не было. Оставалась одна надежда – на жалость других людей. Только бы не отказали в куске хлеба, в полене дров, не отеснили бы от печки, не отобрали «карточки», не выгнали из дома. Они, и еле двигаясь от недоедания, старались казаться не лишними, пытались отблагодарить хоть чем-то. Этим людям, готовых прибиться к любому очагу, даже ничего не просящих, видели в то время многие. Н. Ерохина описывала одного из них, который, будучи самым слабым, не разрешал никому выносить ведра и приносил дрова: «Стал стариком, с лихорадочными глазами истощенного, худой... говорит в нос. Такой покорный, виноватый... стал чувствительный такой, сентиментальный. Даже несколько раз готов был прослезиться» [44. Оп. 1. Д. 490. Л. 35–36].

Видеть в этом лишь нравственное «просветление» трудно: интерес нередко сохраняется только к еде, утрачивается воля к сопротивлению. Чем пристальнее вглядывались блокадники в лица таких людей и придирчивее оценивали их поступки, тем отчетливее обнаруживали у них симптомы распада – физиологические, духовные и социальные. «Эта кротость, как мы уяснили потом, была действительно началом смерти. Как раз в этом состоянии человек начинал все говорить с употреблением суффикса "ика" и "ца": кусочек "хлебца", "корочка" и "водичка" и становился безгранично вежливым и тихим». Это признание О. Берггольц, одной из самых чутких и беспристрастных летописцев блокады [7, с. 162].

Так происходил тотальный крах всех форм цивилизованного существования – разрушение одной из них обуславливало и исчезновение других. Выстоять удавалось не всем. В распаде человека в «смертное время» есть что-то неизбежное. Сама цепочка причин и следствий, итогом которой была деградация людей, выглядит неумолимо логичной [37. Д. 26. Л. 33]. Каждый акт блокадного бытия, отмеченный ломкой бытовых цивилизационных норм, являлся ступенью к следующему этапу распада человеческой этики. Кто мог поделиться хлебом и кашей? Человек, готовый идти на любые унижения, чтобы их получить? Прячущий запасы еды, но выпрашивающий ее у других? Разорвавший связи с близкими людьми, замкнутый и безразличный к чужим страданиям? Опустившийся, у-

ративший представление о стыде и достоинстве, движимый лишь животными чувствами?

Люди не сразу становились такими. Этапы и формы их деградации во многом отличались. Но изучая любую историю блокадной смерти, нельзя не заметить последовательность проявления одинаковых для всех симптомов распада – даже у самых стойких. Блокадный человек подтачивался и с ошеломляющей быстротой и постепенно, исподволь – все зависело и от его жизненных условий, часто менявшихся, и присущей ему силы сопротивления, в спянности ее физической и духовной составляющих.

Список литературы

1. Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. – Л., 1984.
2. Академический архив в годы войны. Ленинград 1941–1942. Из дневников Г.А. Князева. – СПб., 2005.
3. Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинград. – Л., 1947.
4. Бианки В. Лихолетье. 22.VI.41–21.V.42. – СПб., 2005.
5. Базанова В. Вчера было девять тревог. 22 ноября 1941 г. // Нева. – 1999. – № 1.
6. Блокадные дневники и документы. – СПб., 2004.
7. Берггольц О. Встреча. – СПб., 2003.
8. Бондаренко А. П. О Блокаде: Архив семьи П. К. Бондаренко.
9. Будни подвига. Блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах. – СПб., 2006.
10. Верт А. Россия в войне 1941–1945. – М., 1963.
11. Вечтомова Е. Вопреки всему. Из ленинградских блокадных записей // Лит. наследство. – Т. 78. – Кн. 2. – М., 1966.
12. Выстояли и победили. Воспоминания участников обороны Ленинграда, воинов и тружеников Октябрьского района. – СПб., 1993.
13. Гинзбург Л. Записные книжки. воспоминания. Эссе. – СПб., 2000.
14. Глезеров С. От ненависти к примирению. – СПб., 2006.
15. Глухова Г. И был случай // Нева. – 1999.
16. Две судьбы в Великой Отечественной войне. – СПб., 2006.
17. 900 блокадных дней. – Новосибирск, 2004.
18. Девятьсот дней: лит.-худ. и докум. сб., посв. героич. обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. – Л., 1962.
19. Друскин Л. Спасенная книга. – СПб., 2001.
20. Иванов Вс. Дневники. – М., 2001.
21. Инбер В. Собр. соч. – Т. 3. – М., 1965.

22. Кабытова В. И. Об одной ленинградской блокадной семье // Нева. – 2005. – № 10.
23. Капустина Е. Из блокадных записей студентки // Нева. – 2006. – № 1.
24. Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград. 1941–1944. – СПб., 2005.
25. Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. – М., 2005.
26. Кочетов В. Улицы и траншеи. Записи военных лет. – М., 1984.
27. Кулагин Г. Дневник и память. О пережитом в годы блокады. – Л., 1978.
28. Кулябко В. Блокадный дневник. 6 октября 1941 г. // Нева. – 2004. – № 2.
29. Лихачев Д. С. Воспоминания. – СПб., 1997.
30. Махов Ф. «Блок-ада» Риты Малковой // Нева. – 2005. – № 9.
31. Меттер И. Допрос. – СПб., 1998.
32. Меттер И. Избранное. – СПб., 1999.
33. Михайлов Б. На дне войны и блокады. – СПб., 2001.
34. Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. – Л., 1968.
35. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 368.
36. ОР РНБ. Ф. 1037.
37. ОР РНБ. Ф. 1273.
38. ОР РНБ. Ф. 4000. Оп. 11.
39. Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. – Т. III. – М., 2003
40. Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. – СПб., 2005.
41. Петров Анат. Тетрадь в клеенчатой обложке // Нева. – 1999. – № 1.
42. Публичная библиотека в годы войны. – СПб., 2005.
43. Разумовский Л. Дети блокады // Нева. – 1999. – № 1.
44. Рукописно-документальный фонд Государственного музея обороны и блокады Ленинграда (РДФ ГММОБЛ) Оп. 1. Д. 490.
45. РДФ ГММОБЛ. Оп. 1 р.
46. Сильман Т., Адмони В. Мы вспоминаем. – СПб., 1993.
47. Соколов А. М. Битва за Ленинград и ее значение в Великой Отечественной войне. – СПб., 2005.
48. Соколов А. М. Эвакуация из Ленинграда. – Л.-СПб., 1990–2000.
49. Тихонов Н. Ленинград принимает бой. – Л., 1943.
50. Францкевич Н. Кружка молока // Нева. – 2002. – № 5.
51. Художники города – фронту. Воспоминания и дневники ленинградских художников. – Л., 1973.

52. Худякова Н. За жизнь ленинградцев. Помощь комсомольцев населению Ленинграда в блокадную зиму. 1941/1942 год. – Л., 1948.
53. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4000.
54. Шварц Е. Живу беспокойно. Из дневников. – Л., 1990.
55. Шулькин В. Воспоминания баловня судьбы // Нева. – 1999. – № 1.
56. Эльяшева Л. Мы уходим... Мы остаемся // Нева. – 2004. – № 1.
57. Эльяшева Л. Одним бы глазом увидеть победу // Нева. – 2005. – № 5.
58. Янушевич З. В. Случайные записки. – СПб., 2007.

УДК 94(470.23-25).084.8

О. А. Рашитова *

Государственно-церковные отношения в блокадном Ленинграде

В статье рассматриваются взаимоотношения Русской Православной церкви и государственной власти в период Великой Отечественной войны. Предметом изучения являются государственно-церковные отношения в блокадном Ленинграде. Показано, как под воздействием суровых условий войны смягчалась политика Советского государства по отношению к церкви. Выявлена значительная роль церкви и верующих в помощи фронту.

This article discusses the relationship of Russian Orthodox Church and the government during the Great Patriotic War. The object of study are the state-church relations in blockaded Leningrad. We show how the Soviet state policy was modified to the church under the influence of the harsh conditions of war. The article reveals a significant role of the churches and believers in the relief to front.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, митрополит, патриарх, государственно-церковные отношения, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, Совет по делам Русской Православной церкви.

Key words: Russian Orthodox Church, metropolitan, patriarch, state-church relations, the Great Patriotic War, Siege of Leningrad, Russian Orthodox Church Council.

* **Рашитова Ольга Анатольевна**, кандидат исторических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Патриотическая позиция, которую Русская Православная церковь заняла с первых дней Великой Отечественной войны, послужила одной из причин начала изменения взаимоотношений Церкви с государством. За два года войны Церковь сумела расширить свое влияние в стране, показала свою готовность оказать помощь в борьбе с фашизмом. Действительность заставила советское правительство, И.В. Сталина и его окружение пересмотреть свои взгляды на взаимоотношения с религиозными организациями. Всеобщая беда объединила верующих и атеистов, у всех был общий враг – фашистские оккупанты, в борьбе с которыми необходимо было сконцентрировать все силы.

По предложению митрополита Алексия, уже с 23 июня 1941 г. приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону страны. Владыка поддержал желание верующих отдать на эти цели имевшиеся в храмах запасные суммы.

Во всех приходах для солдат собирались теплые вещи, продовольствие для больных, несмотря на запрещение благотворительной деятельности Православной церкви в 1918 году. Масштабная помощь умирающим и тяжело больным была для Церкви невозможна, даже после начала войны. Официально приходам разрешалось перечислять деньги только в общественные фонды (Фонд обороны и Красного Креста). Сборы денежных средств продолжались на протяжении всей войны. Вносились пожертвования на эскадрилью им. Александра Невского, ко дню Красной Армии 1943 г., покупались подарки для бойцов РККА. Общая сумма патриотических взносов духовенства и мирян Ленинградской епархии за годы войны составила около 17,5 млн руб. [5, с. 193].

С начала войны среди верующих росла убежденность в том, что государство должно пойти на нормализацию отношений с религиозными организациями. И действительно, на этот путь оно постепенно вступало.

Причины, которые вызвали изменения в государственно-церковных отношениях, многообразны. Это, в первую очередь, патриотическая позиция церкви: ее призывы к борьбе с фашизмом и защите своего Отечества; осуждение в измене и переходе на сторо-

ну врага, пособничество немцам расценивалось как «полная измена и самому христианству»; перечисления в Фонд обороны.

Уже в первый период войны произошел окончательный отказ от планов уничтожения Православной церкви в стране, практически прекратились аресты священнослужителей, была свернута антирелигиозная работа. В сентябре 1941 г. были закрыты антирелигиозные периодические издания, прекратилась деятельность Союза воинствующих безбожников, правда формально он не был распущен [11, с. 57]. В государственных типографиях печатались послания Сергия, некоторых митрополитов. В 1942 г. вышла книга: «Правда о религии в России» и в 1943 г. «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». Интересно, что книгу «Правда о религии в России» напечатали в типографии практически переставшего существовать Союза воинствующих безбожников, и часть тиража по оплошности имела гриф антирелигиозного издательства [19, с. 268]. Характерной приметой времени стало снятие в 1942 г., на первую военную Пасху, запрета на ночной крестный ход вне храмов, чтобы сделать возможным более полное участие верующих в пасхальном богослужении [18, с. 18]. Не чинились препятствия массовым богослужениям и общественным сборам в патриотические фонды; снимались ограничения на внекультовую деятельность, открывались, сначала де-факто, молитвенные здания и религиозные центры [12, с. 198].

В изменении государственно-церковных отношений партийно-советское руководство, прежде всего, придерживалось прагматических расчетов, где идеология уходила на задний план. Инициативу государства Православная церковь встретила положительно. Предстоятели Церкви понимали, что уступки приведут к полной зависимости от государства, но не использовать возможность налаживания отношений было нельзя. Религиозное возрождение, прежде всего, было необходимо для русского народа для духовного утешения после ужасов войны. Окончательно нормализовались отношения государства и Церкви только в 1943 г.

4 сентября 1943 г. состоялась встреча И.В. Сталина с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским ми-

трополитом Алексием и экзархом Украины, Киевским и Галицким митрополитом Николаем.

Во время беседы митрополит Сергей довел до сведения Председателя Совнаркома, что в Православной церкви имеется намерение создавать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и Всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода. И.В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны правительства не будет к этому препятствий [8, с. 336–337]. Митрополит Алексей обратил внимание И.В. Сталина на необходимость отчисления церковными организациями, епархиями, приходами части средств на содержание Православного центра, отметив, что, например, Ленгорисполком не разрешает этого делать. Сергей и Николай высказались за избрание священников в состав исполнительных приходов. Сергей особо остановился на важности открытия в епархиях свечных заводов, мастерских по изготовлению церковной утвари [1, с. 41–44].

Также во время беседы были поставлены вопросы об открытии богословских курсов, о возобновлении издательской деятельности Московской патриархии, открытии храмов, предоставлении права свободного проживания и передвижения по стране и многом другом. Практически на все пожелания представителей Церкви Сталиным был дан положительный ответ.

Была у митрополитов просьба, которая волновала более других, но высказывать Сталину они боялись. Наконец, озвучить ее решился митрополит Алексей. Он спросил у Сталина о возможном освобождении из ссылок, лагерей и тюрем архиереев. К тому времени в заточении и на высылке находилось не менее 17 епископов. Попытка освободить собратьев из неволи была делом совести митрополитов. На эту просьбу Сталин ответил без малейшего раздражения: «Представьте такой список, его рассмотрим» [4, с. 112].

Многих из перечисленных в списке репрессированных вскоре освободили, в том числе 11 архиереев, но это была меньшая часть томившихся в тюрьмах и лагерях священнослужителей. Здесь, как и во многом другом, надежды патриархии не оправдались. Для Сталина оказалось важным, прежде всего, создать видимость благопо-

лучия в религиозном вопросе, поставить церковь под жесткий контроль, встроить ее в систему режима своей власти [18, с. 21]. Таким образом, после встречи архиереев с главой правительства начинает формироваться новая модель государственно-церковных отношений.

8 сентября в Москве состоялся Собор епископов Православной Церкви для избрания Патриарха Московского и Всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода. Собор избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и Всея Руси, осудил изменников вере и Отечеству и подал свой голос в защиту общехристианских идеалов, попираемых фашизмом.

14 сентября 1943 г. при СНК СССР был создан Совет по делам Русской Православной церкви для осуществления связи между правительством и Патриархом по вопросам, требующим разрешения правительства, и для контроля за правильным применением законодательства о культах [10, с. 29]. Все церковные назначения, как и прежде, согласовывались с государственными органами. Высшее духовенство было приравнено в смысле привилегий к высшему партийно-советскому чиновничеству. При первом послевоенном награждении епископы получили свои правительственные награды [6, с. 449].

Произошли изменения и в Ленинградской епархии, но все же еще случались рецидивы. Продолжались репрессии в отношении священнослужителей, но уже не столь масштабные, как прежде. В справке начальника УНКВД по Ленинградской области отмечалось, что с 22 июня 1941 по 30 сентября 1942 гг. органами УНКВД в Ленинграде было вскрыто и ликвидировано 7 церковно-сектантских групп [13: 96]. В 1941 г. был арестован протоиерей Алексей Симеонович Миролубов и помещен в ленинградский ДПЗ, где и скончался в конце 1941 г. Протоиерей Николай Николаевич Ильяшенко, арестованный 28 августа 1941 г., в 1942 г. был освобожден за прекращением дела [2. Д. 116. Л. 8].

От репрессий пострадал архимандрит Клавдий (Савинский), который с 1938 г. проживал в Ленинграде тайно. С августа 1941 г. он возглавлял иосифлянскую общину в Коломягах, а 17 июня 1942 был арестован и через два месяца приговорен Военным трибуналом

войск НКВД Ленинградского округа к высшей мере наказания. 12 августа 1942 г. приговор был приведен в исполнение. Екатерина Григорьева, прихожанка храма Спаса Нерукотворного, рассказала протоиерею Михаилу Сечейко, что один из клириков кладбищенского храма во время блокады был арестован, посажен в тюрьму, и умер в заключении в нашем городе в 1943 г. Характерно, что затем его тело неизвестные люди привезли и положили буквально на дороге к храму. Кто-то увидел, и они сказали: «Это ваш, сами и хороните». Похоронили без гроба.

Были случаи административных насильственных акций по отношению к православным приходам. Например, в заявлении председателя двадцати Серафимовской церкви К.И. Андреева от 29 января 1942 г. говорилось: «с 22 января ее здание было изъято Приморским райсоветом для приема покойников, доставляемых из города, и постепенного их захоронения. По распоряжению тов. Белоусова без меня и членов двадцатки церковь была вскрыта, причем все имущество, утварь и прочее, свалено к алтарям. Доступа в здание для меня нет». Вскоре Андреев при содействии милиции попал в церковь и обнаружил крупную недостачу денег, церковных продуктов и т. д. [17. Д. 213. Л. 107–107 об.].

В первые годы войны начинает прослеживаться потепление государственно-церковных отношений. Во время блокады православные храмы регулярно снабжались вином и мукой по специальному назначению из неприкосновенных резервов для совершения Богослужений (по цене за 1 кг муки 3 рубля 90 коп., за 1 литр вина по 122 руб. 40 коп.) [16. Д. 80. Л. 150]. Не осталась без внимания старший инспектор Административного надзора Ленсовета А. Татаринцева. В недалёком прошлом она являлась непримиримым борцом с религией в городе, а теперь получала благодарственные письма от членов церковных двадцаток. Так, в одном из писем от 26 февраля 1942 г. говорилось: «Князь-Владимирский собор сообщает о получении 23 февраля с.г. по разверстке Ленинградского городского отдела вина и муки для культовых надобностей и приносит Вам глубокую благодарность за оказанное Вами содействие в деле получения этих крайне необходимых продуктов» [16. Д. 209. Л. 156].

После выхода книги «Правда о религии в России» среди духовенства Ленинградской епархии возникла мысль собрать материал для сборника, посвященного деятельности священнослужителей и мирян Ленинградской епархии в годы Великой Отечественной войны. Митрополит Алексей в 1943 г. обратился к председателю исполнительного комитета Ленинградского совета с просьбой о разрешении на печатанье предлагаемого издания. Разрешение не было дано [16. Д. 76. Л. 150–152].

Обращение в ходе войны к русским патриотическим, в том числе православным церковным традициям, играло чрезвычайную роль в обороне Ленинграда. В кинотеатрах показывали немислимые до настоящего времени фильмы. Зимой 1942–1943 гг. на студии Ленкинохроники был снят документальный фильм «Сбор ленинградскими верующими средств на танковую колонну имени Димитрия Донского и эскадрилью имени Александра Невского». Кинодокументалист Н.А. Сотников вспоминал: «...с самого начала фильму были созданы максимально привилегированные условия – не только по военным, блокадным меркам. Он должен был в производственном отношении идти по «зелёной улице»... Консультантом мне было рекомендовано пригласить самого митрополита Ленинградского и Новгородского Алексея» [14, с. 72]. В воспоминаниях Ивана Кудрина говорится о том, что в госпиталях показывали фильм, где священник с председателем райисполкома, партизаном, уничтожают зверствующих фашистов. Фильм заканчивался тем, что старый звонарь поднимается на колокольню и бьёт в набат, перед этим широко перекрестясь. Прямо звучало: «Осени себя крестным знаменем, русский народ!». У раненных зрителей и персонала блестели слёзы на глазах, когда зажигался свет [9, с. 45].

В годы войны возросла потребность людей в религии. Но реальная возможность для удовлетворения верующими религиозных чувств была крайне незначительной. Просьбы и ходатайства верующих и духовенства в адрес Патриаршего местоблюстителя и в адрес государственных учреждений были постоянными. Об этом на встрече в Кремле говорили иерархи. В ответ глава правительства заверил: «По этому вопросу никаких препятствий со стороны прави-

тельства не будет». После событий сентября 1943 г. – избрание Патриарха, образование Синода, организация Совета по делам Русской Православной Церкви – поток ходатайств усилился. В результате 28 ноября 1943 г. вышло Постановление МНК СССР № 1325 «О порядке открытия церквей». Принципиальным в этом постановлении было то, что решения об открытии церквей принимались местными властями СНК республики и облисполкомов [15, с. 67].

По этому постановлению верующие должны были подавать ходатайство сначала в местные Советы, которые имели право только отказать в открытии церкви. Если их решение было не отрицательным, то ходатайство направлялось в Совет по делам РПЦ, который «выносил предварительные свои решения» и представлял в Совнарком (данной республики) на одобрение. В случае одобрения последним Совет сообщал свое окончательное решение местному Совету. Иными словами, вся процедура была такова, что закрыть храм или отказать в его открытии было просто и быстро, а открыть – крайне хлопотно, сложно и длительно [7, с. 91].

В 30-е годы было закрыто большинство храмов города. Церкви использовались как клубы, спортивные залы, кинотеатры, музеи, склады, магазины, жилищный фонд или просто уничтожались. В годы блокады была наглухо заколочена часовня Ксении Блаженной на Смоленском кладбище. Сюда приходило помолиться множество народа. Живущие ныне блокадники рассказывают, что детьми они воспринимали святую как реально существующего человека, который живет с ними в осажденном городе. И все потому, что от взрослых часто слышали: «Надо сходить к Ксеньюшке» или «Пойдем к Ксеньюшке, она поможет». Конечно же, верующим хотелось получить доступ к мощам небесной покровительницы города.

В декабре 1943 г. на имя митрополита Алексия поступило заявление, в котором верующая Нехорошева просила владыку «ходатайствовать перед правительством открыть часовню Ксении Блаженной на Смоленском кладбище, где много людей приходит и молится у закрытых дверей... никакого ущерба государству быть не может, если разрешат открыть, кроме прибыли и успокоения лю-

дей» [З. Д. 50. Л. 2]. Резолюция митрополита была лаконичной: «Сейчас несвоевременно возбуждать ходатайство об открытии часовни» [З. Д. 50. Л. 4].

Патриотическая позиция священноначалия и верующих во многом способствовала укреплению единства народа нашей страны, которое позволило выстоять и победить. Великая Отечественная война подтвердила необходимость коренных изменений в отношениях Советского государства и Церкви. Любовь к Родине сильнее обид и ненависти, вызванных годами жесточайших гонений на религию.

Деятельность ленинградской церкви во время блокады находила свое признание со стороны Советского государства. 11 октября 1943 г. – особая дата в истории Ленинградской епархии. В этот день по поручению Президиума Верховного Совета СССР были вручены медали «За оборону Ленинграда» высокопреосвященному митрополиту Алексию и одиннадцати священнослужителям церквей.

Происходили и другие перемены. 14 декабря 1943 г. Ленинградскому митрополиту было разрешено иметь технический аппарат, и 15 апреля 1944 г. в здании Никольского собора открылась епархиальная канцелярия. С осени 1943 г. представителей ленинградского духовенства стали привлекать к участию в общегородской общественной работе. Так, протоиерей Н. Ломакин был включён в городскую и областную комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков

Архиерейский собор 1943 г. завершил процесс перестройки русского православия, приведения его в соответствии с новыми социальными условиями. Деятельность Русской Православной церкви активизировалась. Возобновилось издание «Журнала Московской Патриархии», который стал официальным органом РПЦ. Собор епископов Русской Православной церкви явился отправной точкой в развитии новых политических отношений Церкви и государства. Избрание Патриарха отразилось и на внутреннем положении и благоустройстве Церкви: ее собирательная деятельность усилилась, обновленческий, раскол пошел на убыль, церковная жизнь стала укрепляться.

Резко изменившаяся на позитивную политика по отношению к Церкви свидетельствовала о том, что в критический момент в жизни страны власть оказалась заинтересованной в том, чтобы опереться на духовные факторы, обеспечивающие народное единство и способствующие усилению мощи государства.

Список литературы

1. Алексеев В. Неожиданный диалог // Агитатор. – 1989. – № 6.
2. Архив Санкт-Петербургской епархии Ф.1. Оп. 3 (2).
3. Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 11.
4. Васильева О.Ю. Русская Православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. – М., 2001.
5. Война и общество 1941–1945 / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2004.
6. Геллер М., Некрич А. Утопия власти. – М.: МИК, 1995.
7. Гордун С. Русская Православная церковь при Святейших Патриархах Сергии и Алексии // Вестник русского студенческого христианского движения. – 1990. – № 158.
8. История Русской Православной церкви.
9. Кудрин И. «Живы. Выдержим. Победим» // Родина. – 2005. – № 4.
10. Куроедов В.А. Из истории взаимоотношений государства и церкви // Вопр. истории. – 1973.
11. Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий... // На пути к свободе совести. – М., 1989.
12. Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. – М.: РАГС, 1999.
13. Резникова И. Репрессии в период блокады Ленинграда // Вестник «Мемориала». – СПб.: Научно-информационный центр «Мемориал», 1995.
14. Сотников Н.А. Три встречи с Патриархом // Родина. – 1999. – № 10.
15. Чумаченко Т.А. Государство, Православная церковь, верующие. 1941–1961 г. – М., 1999.
16. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33.
17. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 213.
18. Шкаровский М. Духовная жизнь Ленинграда в годы блокады.
19. Якунин В.Н. Положение и деятельность Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Самара, 2001.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(47).053+94(4)"1700-1721"

*А. А. Стерликова **

Россия и Европейские страны к середине Северной войны (1714–1715)

В статье рассматриваются малоизученные сюжеты из истории русской дипломатии середины Северной войны (1714–1715). Прежде всего, это попытка привлечения к проблеме мирного урегулирования Северной войны крупных европейских держав в качестве посредника, события Брауншвейгского конгресса. Расширение Северного союза в 1714–1715 гг. за счет Пруссии и Ганновера (а в перспективе и Британии). Затрагивается и важный сюжет о вмешательстве в Северный конфликт крупнейших европейских стран: Англии, Франции, Австрии, Голландии.

This article discusses the poorly studied subjects from the history of Russian diplomacy of the middle of the Great Northern War (1714–1715). First of all, these subjects are an attempt to bring the issue of peaceful settlement of the Northern War by the major European powers as an intermediary, the events of Braunschweig Congress, expansion of the Northern Alliance in the 1714–1715 by Prussia, and Hanover (and in the future, Britain). Also the article involves an important question of interference of the largest Northern European countries: England, France, Austria and Holland to the conflict.

Ключевые слова: международные отношения, дипломатия, переговоры, конгресс, мирный договор, Северный союз, посредник, завоевания.

Key words: foreign relations, diplomacy, negotiations, congress, peace treaty, Northern Alliance, intermediary, conquests.

* **Стерликова Арина Анатольевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

После крупных военных успехов России к середине Северной войны: Полтавы, завоевания Прибалтики, части Финляндии, крупные европейские государства всерьез заинтересовались событиями этого военного противостояния. В Европе неожиданно стало ясно, что Россия превратилась в крупнейшую морскую державу континента, и с ней придется считаться, а Швеция войну проиграла и потеряла почти все свои владения в Германии и Прибалтике. Если в первой половине Северной войны главной проблемой для государств Западной Европы являлась война за Испанское наследство, то после её окончания в 1713 г., Англия, Австрия, Голландия, Франция могли вмешаться в Северный конфликт. Утрехтский конгресс (1712–1713) формально устранил борьбу между Францией и морскими державами Англией и Голландией [16, с. 702], а мирный договор, подписанный там, санкционировал принцип политического равновесия в Европе. Продолжающаяся война между Россией, её союзниками и Швецией грозила нарушить этот принцип и превратиться в общеевропейскую войну.

Во время Утрехтского конгресса прусские и английские дипломаты впервые заговорили о политическом вмешательстве в северные дела [2, Кн. 2. с. 67]. Глава британской дипломатии У. Страффорд заявлял, что позиция Англии в русско-шведском конфликте будет опираться исключительно на доктрину баланса сил и что Англии не выгодно поражение Швеции [5, с. 93]. У. Страффорд пытался убедить русского дипломата, что Ливонию никак нельзя отнять у Швеции, вообще английский министр не скрывал враждебного настроения по отношению к России. Он внушал влиятельным людям в Голландии, что если Петр I будет иметь гавани на Балтийском море, то вскоре сможет выставить свой флот, к вреду не только соседям, но и отдаленным государствам [12, с. 26].

Русская дипломатия не могла не отреагировать на подобные заявления и действия английского министра. В феврале 1713 г. Петр I прислал русскому послу в Гааге Б.И. Куракину указ, по которому тот должен был сообщить союзникам и потенциальным посредникам, что съезд о мире на Севере лучше назначить в другом месте, а не в Утрехте [2, Кн. 3. с. 261]. Петр I велел Б.И. Куракину от

посредничества морских держав по возможности отговариваться, но попытаться добиться того, чтобы в предварительные статьи Утрехтского трактата было внесено возвращение земель, уступленных по Столбовскому миру, России. Переговоры о мире Петр I планировал начать летом 1714 г., в посредниках желал видеть австрийского императора или Голландские Штаты, так как надеялся на беспристрастность этих держав [12, с. 26–28]. Таким образом, в 1713 г. Петр I не желал вмешательства Англии в северные дела, так как это государство действовало скорее в интересах Швеции.

Однако английское правительство в 1714 г. не предприняло никаких реальных действий в пользу Швеции, так как поддержка Карла XII силой означала ссору с царем, а это могло нанести огромный ущерб английской торговле на Балтике. Эскадра, обещанная командующему шведскими войсками в Померании М. Стенбоку, так и не была отправлена. Голландия не желала вмешиваться в северный конфликт из-за внутренних проблем (финансовый кризис) [16, с. 703]. Таким образом, Англия могла предложить Швеции лишь свое мирное посредничество. Осенью 1713 г. Карл XII ухватился за это предложение английского правительства, он прислал английской королеве Анне письмо, в котором просил её о поддержке [16, с. 704]. Хотя Англия не могла открыто действовать против России и оказать какую-либо военную или даже финансовую помощь Швеции, английское правительство использовало дипломатические методы для ослабления Северного союза.

Активное противодействие Петра I попыткам английского правительства вмешаться в северные дела вовсе не означало, что царь был в принципе против посредничества крупных европейских государств. Однако он понимал, что на Утрехтском конгрессе под давлением Англии могут быть приняты решения, противоречащие русским интересам. Поэтому Петр I хотел назначения другого конгресса, в другом месте именно для решения северных дел. Не отказываясь от возможного посредничества морских держав, Англии и Голландии, русский царь указал на австрийского императора как на главного посредника. Лето 1714 г. как возможное время для начала конгресса также было выбрано не случайно: Петр I планировал на

кампанию 1714 г. крупную морскую операцию, с вторжением в Швецию, чтобы таким образом принудить Карла XII подписать мирные соглашения.

Англичанам не удалось поднять вопрос о Северной войне на Утрехтском конгрессе, русские дипломаты не дали Лондону навязать свои условия. Возможным посредником для мирных переговоров явился австрийский цесарь Карл VI. Уже осенью 1713 г. он предложил назначить конгресс в Брауншвейге, который мог бы урегулировать все вопросы Северной войны. Однако конгресс был созван не столько для мирных переговоров со Швецией, сколько для решения Голштинской проблемы, возникшей в ходе военных действий в Померании в 1713 г., когда датский король Фредерик IV осадил голштинскую крепость Тённинген, в которой укрылись шведские войска. Инцидент грозил обернуться столкновением между Данией и Пруссией, так как прусский король был недоволен вторжением датчан в Голштинию и продолжением осады Тённингена [6, с. 192]. Ситуация вокруг Тённингена стала предлогом для созыва Брауншвейгский конгресса, который задумывался как общий мирный съезд. Австрийский император Карл VI мог выступить в роли медиатора, потому что Северная война все больше и больше затрагивала территорию Германской империи.

Обстановка накануне созыва Брауншвейгского конгресса представлялась довольно сложной. В орбиту Северной войны теперь были втянуты многие европейские государства: от ведущей морской державы Англии до маленького немецкого герцогства Голштейн-Готторпа. Все они пытались вмешаться в Северные дела и повлиять на итоги многолетней войны. Перед петровской дипломатией была поставлена трудная задача: предстояло закрепить завоевания русского оружия на международной арене.

Договоренность о конгрессе была достигнута осенью 1713 г., а представители австрийского цесаря прибыли в Брауншвейг в январе 1714 г. Таким образом, фактически участники конгресса приступили к работе уже в начале 1714 г., хотя официальное открытие переговоров произошло лишь в марте. Петр I отправил австрийскому императору Карлу VI грамоту от 6 января 1714 г., в которой со-

общал о своем желании заключить мир со Швецией на Брауншвейгском конгрессе и просил цесаря вместе с Англией, Голландией и Ганновером помочь России в этом «христианском намерении» [2, Кн. 2. с. 110]. Для Петра I посредничество австрийского монарха было желательнее, чем вмешательство в Северные дела таких европейских государств, как Англия или Франция, которые в данный период времени были настроены достаточно враждебно по отношению к России.

Начало конгресса выявило массу противоречий в Голштинском вопросе, переговоры затянулись с первых дней, поэтому русские представители не торопились в Брауншвейг. Петр I и его дипломаты внимательно следили за развитием событий на конгрессе, ожидая официальных заявлений шведской стороны. Б.И. Куракину было предписано немедленно приехать на съезд, как только шведы выразят свою готовность к мирным переговорам [8, с. 233]. Однако Карл XII не пожелал принять посредничества австрийского императора. В конце февраля Б.И. Куракин сообщал, что шведский представитель в Вене заявил о категорическом отказе Карла XII вступить в мирные переговоры [З. Д. 6304. Л. 2–3]. Посол писал в своих донесениях, что многие европейские государства, Англия, Франция и даже Пруссия с Саксонией, не желают мирных переговоров в Брауншвейге, поэтому, дипломат делал неутешительный вывод о том, что вряд ли генеральный северный мир будет вскоре заключен [З. Д. 6317. Л. 5].

Русский представитель Б.И. Куракин появился на конгрессе в апреле 1714 г., но его пребывание в Брауншвейге оказалось довольно коротким, около недели, так как шведские дипломаты не были направлены на конгресс для ведения мирных переговоров. В конце марта пришли известия, что Карл XII прислал в Швецию указы, дабы шведское правительство ни в какие мирные переговоры не вступало [8, с. 221]. Действительно, несмотря на то, что конгресс в Брауншвейге собрал довольно представительный состав дипломатов из многих европейских государств (Австрии, России, Дании, Польши и Саксонии, Пруссии, Ганновера), ощутимой пользы на данном этапе это высокое собрание не приносило. Австрийский император стремился, прежде всего, разрешить голштинскую пробле-

му, датчане же не желали рассматривать её отдельно от общих переговоров о мире, а шведские представители отсутствовали на конгрессе. В начале лета 1714 г. переговоры в Брауншвейге были приостановлены на короткий срок и активизировались лишь в сентябре 1714 г., однако проблема общего мира на Севере уже не поднималась. Причины были очевидными: нежелание шведской стороны прислать своих представителей и ожидание возвращения Карла XII из Турции, который слышать ничего не хотел о мирных переговорах. Формально конгресс продолжался ещё три года (до осени 1717 г.).

Выше уже говорилось о позиции Англии по отношению к Северным делам во время Утрехтского конгресса, которая не изменилась и в первой половине 1714 г. Английское правительство с тревогой смотрело на усиление России в Балтийском регионе и на ослабление Швеции. Однако, не имея возможности, да и, вероятно, желания, активно вмешиваться в военные действия [16, с. 710], Англия пыталась использовать дипломатические методы для предотвращения полного разгрома Швеции и утверждения России на Балтике. К действиям англичан присоединились и давние союзники шведов – французы. У Франции было меньше возможностей действовать в интересах Швеции, так как она была ослаблена войной за испанское наследство. Поэтому во многом французские дипломаты весной 1714 г. шли в русле политики английского правительства по отношению к Северным союзникам. В 1714 г. англичане предприняли ряд попыток вмешаться в Северные дела, навязать свои условия Петру I и его союзникам, а по возможности расколоть Северный альянс. Большая часть событий разворачивалась в Гааге. Главными задачами английского правительства в 1714 г. являлись ослабление Северного союза и срыв военных планов Петра I, которые должны были привести Швецию к окончательному поражению в войне и подписанию мира.

В начале 1714 г. это проявилось в попытках Англии направить на Балтику совместно с Голландией эскадру [4, с. 121]. Русская сторона видела в соединенном флоте двух морских держав угрозу, прежде всего, для себя. Петр I послал королеве Анне письмо 24 ян-

варя 1714 г., в котором высказывал свое негативное отношение к планам англичан. Царь опасался, что английская эскадра предпримет какие-либо враждебные действия по отношению к России, и указывал английской королеве на возможные негативные последствия этого мероприятия [9, с. 108]. В феврале в Гаагу прибыл английский министр У. Страффорд с инструкцией предпринять все возможное, чтобы добиться от голландского правительства согласия на совместную морскую акцию. С подобным поручением отправился английский представитель и в Париж, чтобы привлечь к данной акции французское руководство [16, с. 710]. На предложения англичан Голландские Штаты объявили, что пока не могут послать эскадру, однако велели своим подданным вооружить несколько фрегатов для охраны торговли от шведов [З. Д. 6389. Л. 1]. Голландское правительство не желало ввязываться в конфликт на Севере, тем более, помогать Швеции, так как действия шведских каперов приносили огромный ущерб торговле. Кроме отправки совместной эскадры, англичане и французы весной 1714 г. пытались убедить голландцев совместными усилиями заставить северных союзников принять условия перемирия. А в случае отказа применить угрозы. Об этом в своих реляциях из Гааги доносил русский посол Б.И. Куракин [З. Д. 6618. Л. 3–7]. В конце концов, дело с отправкой эскадры морских держав на Балтику в 1714 г. закончилось вполне благоприятно для России: в конце июня Голландские Штаты решили отправить всего шесть вооруженных кораблей для сопровождения купеческих (так как шведы практически парализовали всю торговлю на Балтике). Англия же решила отправить 2 военных корабля для этих же целей. Никакой угрозы русскому флоту они не могли представлять, что и отмечал Б.И. Куракин в своих донесениях к русскому двору. Но русский посол предполагал, что в следующем году англичане, голландцы и французы решат все же послать объединенный флот в Балтийское море [З. Д. 6607. Л. 1]. А это уже могло послужить препятствием для действий русского флота.

Предприняло английское правительство попытки расстроить Северный союз, английский посол отговаривал датского короля участвовать в совместных военных операциях с Россией против Шве-

ции [15, с. 43–44]. Пыталось оно воздействовать и на потенциально-го союзника Петра I прусского короля Фридриха-Вильгельма I. Пруссия пока не являлась членом антишведской коалиции, но в перспективе могла им стать. Английские дипломаты пытались использовать противоречия Пруссии и Дании из-за военного конфликта в Голштинии. В конце февраля 1714 г. Б.И. Куракин сообщил, что Англия и Франция предложили прусскому королю начать действия против датчан в Голштинии и таким образом принудить датского короля к сепаратному миру, а потом использовать прусского короля и против Петра I, чтобы заставить его возвратить завоеванные у Швеции территории. Для этого англичане и французы перевели через амстердамский и гамбургский банки 1 200000 голландских гульденов в Пруссию [З. Д. 6317. Л. 6].

Русская дипломатия активно начала противодействовать этим планам: послу в Пруссии А.Г. Головкину было велено всячески стараться уговорить прусского короля дать письменные обещания не действовать против северных союзников [З. Д. 6377. Л. 2]. Несмотря на то, что Фридрих-Вильгельм I пообещал не нападать на датчан, французы и шведы возобновили свои интриги в Берлине уже в мае 1714 г. [13, с. 330] По сообщению В.Л. Долгорукова из Копенгагена шведский дипломат Э. Спарре пытался настроить прусского короля против датского короля, Петра I и всех северных союзников [З. Д. 6482. Л. 4]. Французское правительство обещало в помощь прусскому королю свой корпус (30 000 чел.) и войска герцога Гессен-Кассельского, а также саксонские и польские войска [17, с. 65]. Однако русские дипломаты сообщали, что прусский король не принял подобных предложений. Отказ прусского короля выступить против Петра I и его союзников стал существенной преградой для реализации планов английской и французской дипломатии. 12 июня 1714 г. между Россией и Пруссией состоялось тайное соглашение о взаимной гарантии. Пруссия практически стала членом Северного союза, а договор 1715 г. закрепил это.

В мае англичане отправили в Россию резидента Дж. Мэккензи с поручением способствовать установлению мира между Россией и Швецией [15, с. 273], которое выполнить при сложившихся обстоя-

тельствах было просто невозможно. Английское правительство, очевидно, использовало все способы вмешательства в Северные дела: теперь решило действовать и непосредственно при русском дворе. Дж. Мэккензи должен был стараться заключить с Россией торговый договор, так как в Англии уже пришли к убеждению, что торговля с балтийскими портами России будет очень выгодной для сбыта английских мануфактурных изделий [9, с. 110].

Французы, не имея таких возможностей как у Англии, пытались хоть как-нибудь повлиять на ход событий. К примеру, Б.И. Куракин узнал, что французы во время мирных переговоров в Бадене с австрийским цесарем пытались обязать последнего действовать в пользу шведского короля, но французы не были допущены «мешаться в те дела» [З. Д. 6400. Л. 4]. Попытки англичан и французов настроить австрийского цесаря против Петра I и его союзников закончились провалом. Карл VI, хотя и был недоволен тем, что датский король захватил земли герцога Голштейн-готторпского [З. Д. 6551. Л.3] заявил русскому представителю в Вене А.А. Матвееву о своем добром расположении к царю [З. Д. 6557. Л. 4].

В середине мая тайный осведомитель из Швеции сообщал русскому двору, что там надеются на помощь Англии и Франции, которые вместе с другими державами (прежде всего, Голландией) «станут трудиться о восстановлении тишины на Севере» [8, с. 305]. Тогда же Б.И. Куракин доносил, что якобы французский посол в Голландии хочет предложить северным союзникам посредничество своего короля [З. Д. 6481. Л. 4].

В конце июня – начале июля Англия, Франция и Голландские штаты вновь предприняли попытку вмешаться в северные дела. В первых числах июня французский посол в Гааге маркиз Шатонеф на словах передал Б.И. Куракину о желании своего короля быть посредником в северных делах. Буквально через несколько дней русский, польский и датский послы были приглашены на конференцию с голландскими министрами, затем с англичанами и французами. На этих встречах северным союзникам опять предложили заключить перемирие для последующего вступления в переговоры со шведами

[З. Д. 6607. Л. 2–3]. Это была уже вторая попытка морских держав и Франции вместе навязать России, Дании и Польше перемирие со Швецией, свое посредничество и свои условия мирного договора. Б.И. Куракин отклонил подобные предложения, указав, что шведский король не проявляет желания начать мирные переговоры [З. Д. 6619. Л. 2–7].

В конце июля французское правительство ещё раз пытается предложить России свое посредничество. Б.И. Куракин в Гааге получил новое предложение от французского посла при Голландских Штатах Шатонефа [12, с. 38]. Следует отметить, что Франция в конце июля выступала отдельно от Лондона, так как в Англии в это время происходят перемены в связи со смертью английской королевы. Видимо, французский король полностью попытался взять на себя миссию посредника на Севере, так как понимал, что в случае династических перемен в Англии (преемник королевы Анны ганноверский курфюрст Георг I был сторонником Северного союза), ситуация в Европе может измениться, и Швеция потерпит окончательное поражение.

И действительно, летом 1714 г. ситуация в Европе изменилась: после смерти английской королевы Анны престол занял Ганноверский курфюрст Георга I, который вел переговоры с Петром I о вступлении в антишведскую коалицию. Это событие внесло значительные коррективы в английскую внешнюю политику, однако изменения не были столь однозначными, как это порой представляется в исторической литературе. Большинство исследователей указывает, что Англия в 1714 г. вполне могла сделаться участником Северного союза, а Георг I был дружественно настроен к Петру I [14, с. 176]. Следует отметить, что английское правительство с 1714 по 1717 г. несколько раз изменяло политику по отношению к России. Период сближения в 1714–1715 гг. сменился периодом противостояния в конце 1716 г.

Смена династии в Англии повлияла и на политику других держав: Франции, Голландии и Швеции. Во Франции поддерживали противника Георга I – Якова III Стюарта, это обстоятельство оказало влияние на внешнеполитические планы Людовика XIV: в 1715 г. бы-

ла выдвинута программа сохранения за Швецией её «имперских» владений и примирения с Россией [15, с. 247–276]. В Голландии в конце 1714 г. возросла озабоченность по поводу усиления России на Балтике. Что касается Швеции, то Карл XII желал видеть на английском престоле Якова Стюарта, а к Георгу I испытывал личную неприязнь [19, с. 90–91].

Таким образом, переход английского трона к Георгу I в 1714 г. являлся благоприятным обстоятельством для русской дипломатии, которое Россия пыталась использовать в своих интересах. Летом 1714 г. окончательно стало очевидно, что шведы не пойдут на переговоры на Брауншвейгском конгрессе, поэтому усиление Северного союза за счет Ганновера, Пруссии, а в перспективе и Англии, было необходимо русской дипломатии.

Перемена на английском престоле несколько изменила и политику Франции по отношению к северным делам. Если при королеве Анне Франция и Англия пытались вместе противодействовать утверждению России на Балтике, то теперь между двумя государствами появились разногласия. Прежде всего, они были вызваны тем, что во Франции нашел себе поддержку соперник Георга I, претендент на английский престол Яков Стюарт.

Осенью 1714 г. в Лондоне началась серия русско-английских переговоров по возможному торговому и военному соглашениям. Однако англичане выдвигали условия, по которым Россия должна была отказаться от большинства завоеванных территорий, что не могло удовлетворить русскую сторону. Подобная позиция не могла способствовать подписанию соглашения между Петром I и Георгом I. Договоренность между Северными союзниками и Георгом I не была достигнута к концу 1714 г. Начался 1715 г. с активных переговоров с Англией о союзе против Швеции.

В январе 1715 г. активизировало попытки помочь своему союзнику Швеции и французское правительство. Связано это было с появлением программы, разработанной Людовиком XIV и его министром К. Ж.Б.К. де Торси – программы мира с Россией и сохранения за Швецией немецких владений [21, 247–276]. Английский резидент Дж. Мэккензи в январе 1715 г. сообщал из Петербурга, что к

русскому двору прибыл французский комиссар с целью содействовать миру между Россией и Францией, а также завязать обширную торговлю между Францией и Россией. Но русский двор встретил предложения комиссара холодно [11, с. 350].

К апрелю 1715 г. переговоры Северных союзников с Англией начали двигаться к завершению. Английское вигское правительство, не склонное ввязываться в войну, было настроено против Карла XII из-за мер шведов против балтийской торговли и конфискаций английских торговых судов. Результатом переговоров между Россией и англо-ганноверской дипломатией явился Грейфсвальдский договор, который был заключен 17/28 октября 1715 г. Исследователи расходятся в оценке договора, заключенного в Грейфсвальде. Безусловно, трактат служил неопровержимым доказательством иных политических тенденций нового английского короля, по сравнению с предыдущим английским правительством. Иного мнения придерживается Л.А. Никифоров. Он указывает, что хотя договор и был заключен Георгом I как курфюрстом ганноверским и английским королем, он не был скреплен подписями английских министров. Таким образом, Россия и Англия не стали союзниками в борьбе против Швеции, и Грейфсвальдский договор не оправдал тех надежд, которые возлагал на него Петр I [9, с. 119]. Нельзя не согласиться с мнением Л.А. Никифорова, что Россия и Англия не сделались союзниками после заключения этого договора. Но в Грейфсвальдском договоре было несколько положительных моментов для русской дипломатии. Во-первых, Георг I являлся английским королем, и договор все же обозначил изменения в английской политике за последний год. Во-вторых, Георг I признавал и гарантировал все завоевания России, кроме Лифляндии и Финляндии. Это практически полностью соответствовало мирным планам Петра I в 1714–1715 годах.

В 1714–1715 гг. Россия добилась значительных успехов не только в военном отношении – первая морская победа над шведами при Гангуте, но и в укреплении международного положения. Русская дипломатия пыталась добиться признания за Россией отвоеванных

у Швеции территорий всеми возможными методами: политическими, военными и экономическими. Брауншвейгский конгресс стал первой попыткой русской стороны завязать переговоры о мире со Швецией при посредничестве крупнейших европейских держав (прежде всего, Австрии). Несмотря на отсутствие реальных результатов на съезде, его нельзя полностью игнорировать, так как за официальными переговорами скрывались сложные механизмы тайной дипломатии XVIII в., которые и использовала русская дипломатия для реализации своего мирного плана.

Для Петра I с середины 1714 г. становится важным привлечение к Северному союзу нового английского короля Георга I, что дало бы огромное преимущество альянсу. Георг I теоретически мог сделаться союзником России, так как желал поражения и вытеснения Швеции из Империи. Однако видимое совпадение интересов Георга I и Петра I, официальные дружественные заявления английского короля на самом деле скрывали глубокую неприязнь Англии, да и лично Георга I, к новой России. Хотя в 1714–1715 гг. Георг I проявлял склонность к союзу с Россией и даже объявил войну Швеции как Ганноверский курфюрст. Ещё одним немаловажным итогом 1714–1715 гг. для русской дипломатии явилось привлечение прусского короля к Северному альянсу. Фридрих-Вильгельм II в мае 1715 г. объявил войну Швеции, несмотря на попытки Франции помешать этому. Георг I в 1715 г. изъявлял желание действовать вместе с Северными союзниками против шведов, отправив на Балтику эскадру. Франция без поддержки английского кабинета умерила свои интриги при европейских дворах в пользу Швеции. В 1714–1715 гг. Северный союз усилился как никогда за годы войны. Петр I частично добился своих целей: враждебная политика морских держав и Франции в 1714–1715 гг. была нейтрализована, а Англию попытались привлечь на свою сторону. Швеция практически лишилась поддержки в Европе, даже французского короля. В итоге это привело к тому, что шведское правительство впервые за годы войны проявило склонность к мирным переговорам с Россией.

Список литературы

1. Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. – Т.1. – Варшава, 1897.
2. Архив кн. Ф.А. Куракина. – Кн. 2-3. – СПб., 1890; – Кн.10. – 1902.
3. Архив Санкт-Петербургский институт РАН (АСПБ ИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1.
4. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России. – Ч. II. – 1898.
5. Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. – М., 1990.
6. Возгрин В.Е. Датско-голландское соперничество при русском дворе весной 1714 // Социально-политическая история СССР. – Ч.1. – М., 1974. – С. 191–206.
7. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. – СПб., 1892. – Т. 9: Трактаты с Англией. – 1701–1781.
8. Материалы для истории Гангутской операции. – Пг., 1914. – Вып. 1. – Ч. 1; 1915. – Вып. 2; 1915. – Вып. 3; 1918. – Вып. 4.
9. Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. – М., 1950.
10. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1714 г. Д. 6. – Л. 1.
11. Сборник РИО. – Т. 61.
12. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. 9. – Т. 17. – М., 1993.
13. Almquist H. Holstein-Gottorp, Sverige och den Nordiska Ligan i den Politiska krisen 1713–1714. – Uppsala: Humanistika vetenskapssamfundet, 1918.
14. Anderson M.S. Europe in the Eighteenth century 1713–1783. – L., 1961.
15. British diplomatic instructions 1689-1789 – L., 1926. – Vol. 3. – P. 43–44.
16. Chance J.F. England and Sweden in the time of William III and Anne. // EHR. – L., 1901. – Vol. XVI. – P. 679–711; 1902. – Vol. XVII. – P. 60–75, 443–465.
17. Chance J.F. Georg I in his relations with Sweden.
18. Chance J.F. The Baltic expedition and Northern treaties of 1715.
19. Chance J.F. The “Swedish plot” of 1716–17. // EHR. – L., 1903. – Vol. XVIII. – P. 81–106.
20. Murray J.J. George I, the Baltic and the Whig Split of 1717. A study in diplomacy and propaganda. – L.: Routledge and Paul, 1969.
21. Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traites de Westphalie jusqu’ à la revolution francaise. – P., 1890. Vol. – VIII: Russie.

Процедура оформления иностранцами статуса гувернера (гувернантки) в России во второй четверти XIX в.

Статья посвящена процедурным вопросам, связанным с получением права на обучение в частных домах. Иностранцы, желавшие трудиться в Российской империи как гувернеры и гувернантки, должны были в соответствии с законодательством пройти испытание в российском университете и получить надлежащее свидетельство. На основе архивных материалов в статье показаны все этапы прохождения процедуры оформления документов во второй четверти XIX в., когда государство смогло взять под контроль домашнее образование и жестко регламентировать деятельность иностранных наставников в России.

This article is devoted to procedural matters related to gaining the right to education in private homes. In accordance with the legislation foreigners wishing to work in the Russian Empire as family tutors and governesses were to pass a test in Russian university and get the proper certificate. Based on archival material the article shows all stages of the procedure of the registration of documents in the second quarter of the 19th century. At that time the state could take control of home education and regulate the activities of foreign instructors in Russia strictly.

Ключевые слова: Россия, вторая четверть XIX, история образования, гувернеры, гувернантки, университет, домашнее образование, воспитание.

Key words: Russia, the second quarter of the 19th century, history of education, family tutors, governesses, university, home education, upbringing.

Домашнее обучение и воспитание, представленное в Российской империи иностранными и российскими гувернерами и гувернантками, было в дворянской среде достаточно распространенным феноменом. В данной статье мы попытаемся рассмотреть, как проходила процедура получения статуса домашнего учителя / учительницы иностранцами в соответствии с законодательством во второй

* **Солодянкина Ольга Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Череповецкий государственный университет.

четверти XIX в., когда удалось выстроить систему эффективного контроля за деятельностью домашних наставников.

Законодатель постоянно возвращался к теме регулирования деятельности иностранных учителей, в результате к 20-м гг. XIX в. были приняты нормативные документы с прописанной процедурой оформления статуса домашнего воспитателя. Практика выполнения этих распоряжений изучена нами по материалам Санкт-Петербургского и Московского учебных округов.

Для того, чтобы получить разрешение на обучение юношества в частных домах, иностранец должен был пройти испытания в университете и получить свидетельство на право обучения. Из протоколов испытательного комитета, действовавшего в Санкт-Петербургском университете, видно, что председательствовал на заседании комитета ректор университета. В конце 1820 – начале 1830-х это был А.А. Дегуров, француз по происхождению, специалист по латинскому языку. Заявления на его имя желательно было подавать на одном из этих двух языков, которыми ректор владел профессионально. Конечно, большинство заявлений поступало на французском языке, но встречались тексты на латыни (от особенно знающих кандидатов на учительские должности) и на родных языках претендентов (английский, немецкий), если те абсолютно не владели французским. В таком случае для Дегурова секретарь комитета делал краткое резюме о кандидате, и, главное, сообщал, в каком предмете предполагается проверка знаний. Пристрастие Дегурова к французскому языку было столь известно, что в комплексе дел испытательного комитета университета видны листы-просьбы на имя ректора, написанные по-французски откровенно чужой рукой, а все остальные документы претендент заполнял сам, но на другом языке. Отдельно надо было указать место жительства кандидата, и здесь кандидаты вписывали русские обозначения улиц так, как они их воспринимали на слух, без учёта падежей. Елизавета Ролин написала так: «жительство имею в Воснесенская улица в Доме Госпоже Ниелсон третьем Этаже спросить у самая Касайка Дом» [З. Д. 331. Л.1]. Большинство кандидатов просили проверить их знания

в том или ином языке, но могли быть формулировки с просьбой проэкзаменовать, чтобы быть «as English governess» [З. Д. 552. Л. 1].

В состав испытательного комитета входили ординарные профессора университета и лекторы иностранных языков. Лекторы – немцы и французы, порой сами были в прошлом домашними учителями. Так, в Москве в состав испытательного комитета входили лекторы А.И. Пако, в прошлом домашний учитель Самариных [1, с. 201], и Ю.К. Фелькель, в прошлом гувернёр И.П. Новосильцева [1, с. 513]. Испытуемый (потенциальный гувернер или гувернантка) отвечал устно на вопросы по предмету испытания и писал сочинение. По окончании процедуры Комитет выносил определения, и далеко не всегда утвердительного характера. Возможны были несколько итоговых формулировок, отражавшиеся в тексте свидетельства: может учить языку, только началам языка, языку и словесности, может учить нескольким языкам, может обучать чтению и письму на языке, может обучать только чтению или только разговорам на этом языке, «может учить языку, но не знакам препинания, по обыкновению женского пола» [З. Д. 379. Л. 3], «может учить с успехом» [З. Д. 413. Л. 1], «может учить с честью» [З. Д. 744. Л. 3], может обучать первым четырём действиям арифметики.

Итоговое свидетельство в то время выглядело таким образом: «Объявительнице сего Иностранке Кларе Лафонтен в следствие поступившего от нея прошения Училищный Комитет Императорского С.Петербургского Университета дозволяет, на основании § 146 Устава учебных заведений обучать в частных домах французскому языку, так как она Лафонтен по экзамену оказалась к тому способною; во уважение чего и дано ей сие Свидетельство за надлежащим подписанием и приложением.: Д.316. Л. 2]. Подписывали свидетельство ректор А. Дегуров и секретарь комитета. В тексте документа ничего не говорилось о гувернёрстве, не указывались и какие-то обязательства, налагаемые этим документом. В нём даже первоначально не указывались данные о человеке, кроме его имени и иностранного (без конкретизации) статуса. Эта ошибка вскоре была замечена, и текст свидетельства подкорректировали. Фамилию старались писать не только по-русски, но и на языке оригинала, что

было важно из-за проблем с транскрибированием имён иностранцев. Появились уточнения брачного статуса – девица или вдова (тогда указывалась девичья фамилия). Указывалось и конкретное подданство: «швейцарская подданная, вдова Жени Гишар урождённая Жоли» [З. Д. 502. Л. 4]. В свидетельство также вошла фраза «может обучать такому-то языку и быть гувернанткой» (мужчинам уточнений о гувернёрстве не делали). Корректировке подверглось и указание, на основе какого документа университет проводил испытание. Теперь фраза об этом в свидетельстве звучала так: «Училищный Комитет Императорского С.Петербургского университета дозволяет на основании § 320 Высочайше утверждённого в 8 день декабря 1828 года Устава Учебных заведений обучать в частных домах» [З. Д. 474. Л. 4].

Судя по личным делам, у экзаменаторов были излюбленные темы сочинений для испытуемых: об образовании, о важности образования, об образовании как источнике счастья, об образовании юных леди, о науках, об обязанностях гувернантки, о качествах, необходимых хорошей гувернантке, о характере детей, о скромности, о терпении, о благодарности; но могли быть и оригинальные темы сочинений – например, о музыке или о равенстве людей.

После указа 12 июня 1831 г., в очередной раз объявившего обязательным получение свидетельства на право обучения в частных домах и определившего необходимый минимум документов, для прохождения испытания стали требовать одобрительных свидетельств от священников соответствующих конфессий и отзывов от работодателей. В зависимости от религиозной принадлежности кандидаты представляли документы от священника англиканской церкви, французской реформатской церкви, пастора евангелической лютеранской церкви, настоятелей католической церкви святой Екатерины в Петербурге и церкви ордена доминиканцев. Работодатели писали примерно так, как это сделал барон Зедделер в свидетельстве Вильгельмине Мюллер: «Предъявительница сего, Гамбургская урожденка Каролина Вильгельмина Миллер состоит при детях моих и отличается точностию в исполнении своих обязанностей, добрым нравом и хорошим поведением. Во удостоверение чего и дано ей

сие свидетельство за моею подписью и с приложением гербовой моей печати. Вице Директор Военной Академии, Генерал майор и разных Орденов Кавалер барон Зедделер» [З. Д. 508. Л. 3]. Итоговое свидетельство теперь приобрело следующий вид: «По Указу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, Самодержца Всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая, предъявитель сего, французский подданный Жан Баптист Николай Фавр в силу, состоявшегося 1755 года Мая 31 дня именного блаженной и вечнодостоянной памяти Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ Высочайшего Указа, и Высочайше конфирмованного в 1819 году Положения Комитета гг. Министров, явившись в ИМПЕРАТОРСКИЙ Санктпетербургский Университет, просил свидетельства о способности своей быть домашним учителем. По произведении ему испытания в Комитете, на сей конец учреждённом, оказался он способным обучать французскому языку, не принимая на себя ничего другого, кроме означенного здесь, в чём и подпискою обязан: в следствие чего и имеет он пользоваться защитением онаго Университета, доколе того достойным себя оказывать будет своим прилежанием и поведением. Во уверение того, по силе вышеприведённых Высочайших Указов, и дано ему Г. Фавру сие свидетельство от Правления ИМПЕРАТОРСКОГО Санктпетербургского Университета, за надлежащим подписанием и с приложением его печати. Санкт-Петербург, июня 16 дня, 1832 года» [З. Д. 557. Л. 9]. В этом свидетельстве происходила отсылка к совсем иным правовым документам, и обозначался возможный предел действия документа (чего не было раньше): пока получивший свидетельство будет достоин своим прилежанием и поведением. Домашний учитель мог и не утратить навыков французского языка, но потерять право на обучение юношества, если бы его поведение стало внушать сомнения.

Стандартная процедура прохождения испытания и получения свидетельства занимала несколько дней, но бывали случаи экстренного оформления документов, если ректора университета просили об этом, и случаи специального замедления (опять же, по просьбе какого-нибудь уважаемого лица). В связи с отъездом для

работы гувернёром в семье псковского гражданского губернатора А.Н. Пещурова стремительно был проэкзаменован француз барон Михаил Баккар (de Vassara). Пещуров вышел на князя В.П. Кочубея, а тот написал попечителю Санкт-Петербургского учебного округа К.М. Бороздину (5 февраля 1832 г.), и тот дал указание ректору университета Дегурову (6 февраля), а 8 февраля прошло испытание [3. Д. 1006: Л. 1–5]. Как и следовало ожидать, результат проверки знаний был положительный. А вот в случае Ж. Фавра ректора предупредили (сначала секретным письмом, а потом по официальным каналам), что министр народного просвещения 31 августа 1831 г. просит не торопиться с выдачей ему свидетельства, хотя испытание Фавр уже прошёл. В итоге на свидетельстве стоит дата 16 июня 1832 года, т. е. девять с половиной месяцев спустя после обращения министра и 10 месяцев после испытания [3. Д.557. Л. 3–5 об., 8, 9].

После выхода в свет Положения 1834 г. механизм допуска кандидата в домашние учителя к испытаниям на проверку их знаний запускался после обращения к попечителю учебного округа. Стандартная процедура на примере подданного Великобритании Джона Вильяма (Вильгельма) Невилля (Невиля, Невёля), выглядела так [4. Д. 4970]. Кроме прошения на имя попечителя с указанием возраста (родился в 1809 г.), места рождения (Манчестер), родителей (Charles и Sarah Neville), даты крещения, образования (домашнее), даты приезда в Россию (1844 г.), он представил справку из англиканской церкви в Санкт-Петербурге (пастор удостоверял его церковное рвание), свидетельство о жительстве от квартального надзирателя Литейной части Петербурга, и два свидетельства от российских подданных, гвардии ротмистра и кавалера Петра Каханова и коллежского асессора Виктора Казаринова, которые удостоверяли, что во время проживания на квартире соответственно сначала у одного, а потом у другого, Невилль «вёл себя отлично хорошо и что он нравственно безукоризненный» [4. Д. 4970. Л. 5]. Изучив представленные документы, попечитель 2 марта 1846 г. разрешил допустить к испытаниям Невилля и уведомил ректора Санкт-Петербургского университета об этом. Невилль желал получить документ на право обучения английскому языку, поэтому его

проверяли в знании основного предмета (английский язык) и дополнительных (история, география, арифметика). Испытание из-за обилия предметов и серьёзности испытания проходило в два этапа. 7 марта Невилль проверялся в арифметике (вычитание и умножение дробей, тройное правило, вычисление процентов), где показал удовлетворительные познания, и английском языке. Здесь он написал сочинение о лорде Байроне и разрешил вопросы, которые ему задавались по-английски: on the formation of the the plural; the comparison of adjectives; the difference between could, would, should and might; on the possessive pronoun; on the demonstrative pronoun; on the changes of termination in the verbs. Эти знания Невилля были оценены как «хорошие». 28 марта прошёл второй тур испытаний: история и география. Невилль получил следующие вопросы по истории: возвышение Юлия Цезаря; завоевания Карла Великого; семилетняя война; и по географии: провинции Пруссии; государства Южной Америки; важнейшие реки России.

Эти знания Невилля были оценены как «довольно хорошие», но стоит отметить сложность вопросов – как по истории, так и по географии. А ведь это были дополнительные предметы, и вопросы были направлены на то, чтобы проверить общую эрудицию будущего домашнего учителя. Ректор проинформировал попечителя учебного округа о всех деталях испытания, приложив протокол его. По результатам испытания Невилль получил свидетельство на право обучения в частных домах: «он обязан, на точном основании § 25 и 26 вышеупомянутого положения при определении в частные дома для воспитания детей, также при переходе с сею же целью из одного дома в дом и при переезде для постоянного жительства из одной губернии в другую, предъявлять настоящее свидетельство Директору Училищ и Уездному Предводителю дворянства тех мест, где водворится и представлять Директору Училищ, согласно § 9 дополнительных правил о домашних наставниках и учителях, утверждённых Г. Министром Народного Просвещения 2го Августа 1834 года, с окончанием каждого года, отчёты в своих трудах и занятиях и одобрительные о себе свидетельства от Уездного Предво-

дителя Дворянства и от лиц, у коих исполнять будет обязанности своего звания» [4. Д. 4970. Л. 12]. Этот текст обрисовывал обязанности учителя, и сослаться на незнание закона теперь ни иностранцы, ни родители, ни местные власти не могли: всё было прописано в основном документе иностранного воспитателя – его свидетельстве на право обучения в частных домах. Свидетельство также скреплялось надлежащими подписью (попечителя Санкт-Петербургского учебного округа) и печатью, на нём была проставлена дата – 16 апреля 1846 г., и с Невилля было взято 12 рублей серебром за оформление свидетельства. Дальше он дал расписку, что не будет навязывать своим воспитанникам-православным постулаты другой веры, и 20 апреля 1846 г. получил свидетельство.

В губерниях испытания проводили местные гимназии, но протоколы проверял испытательный комитет университета. В 1850–51 гг. возникла коллизия в отношениях новгородских педагогов и петербургских университетских профессоров из-за Эмилии Гросс, претендовавшей на звание домашней учительницы. Девушка Эмилия Гросс, Саксонская подданная, дочь красильного мастера, представила метрическое свидетельство о рождении (ей было полных 16 лет), свидетельства о крещении и конфирмации (она лютеранка), одобрительные свидетельства о её поведении, в том числе от местного полицмейстера. Поскольку проживала она в Новгородской губернии, то попечитель Санкт-Петербургского учебного округа просил директора Училищ Новгородской губернии организовать для Гросс проверку знаний. 8 ноября 1850 г. были проведены словесные испытания в немецком, французском и русском языках, 10 ноября – в истории, географии и арифметике, а 14 ноября Эмилия читала пробную лекцию на немецком языке «Об употреблении вспомогательных глаголов в синтаксическом отношении», лекцию на французском языке «О причастии» и написала письменные ответы на заданные темы по-немецки и по-французски. В провинции набор вопросов по дополнительным предметам был ещё больше. Э. Гросс получила следующие вопросы по истории: обозрение истории Египта; о финикиянах; о войнах греков с персами; о самых важных про-

исшествиях XV столетия; о Карле Великом; о Семилетней войне; об Иоанне IV Васильевиче; об императрице Екатерине II. Местные педагоги сочли, что она показала «очень хорошие» знания, в том числе и по истории, а лекции читала «плавно и отчётливо», и взяв с неё 12 рублей серебром, попросили попечителя учебного округа выдать Э. Гросс полагающееся свидетельство домашней учительницы немецкого и французского языков [4. Д. 5445. Л. 1–2, 9–10]. Попечитель М.Н. Мусин-Пушкин передал весь пакет документов на рассмотрение в Санкт-Петербургский университет. Лекторы университета Перро и Эльснер, специалисты соответственно во французском и немецком языках, прочитали её письменные ответы и сделали такие выводы. Перро сообщил, что французские сочинения Э. Гросс, «наполненные запутанными фразами, орфографическими и нередко грамматическими ошибками, изобличают явное незнание самых простых правил Французского языка». Перро указывал, что Э. Гросс не владеет ударениями, столь важными во французском языке, неверно употребляет времена изъявительного и сослагательного наклонений в глаголах, неправильно сочетает глаголы, существительные и прилагательные с предлогами, ошибается в артиклях, относительных и притяжательных местоимениях. Всего руссизмов и грамматических ошибок Перро насчитал 172 и просил отказать девице Э. Гросс в выдаче ей диплома. Эльснер счёл немецкий текст «в требуемом порядке» и согласился, чтобы Э. Гросс присвоили звание учительницы немецкого языка [4. Д. 5445. Л. 7–8]. Ректор университета П.А. Плетнёв подробно сообщил все результаты обсуждения попечителю учебного округа Мусину-Пушкину, а тот, повторив аргументы в письме директору училищ Новгородской губернии, сделал строгое замечание Совету Новгородской гимназии, за то, что в ходе испытания Э. Гросс во французском языке они не заметили серьёзных грамматических ошибок, на которые потом указал лектор университета Перро, и приняли ответ как правильный [4. Д. 5445. Л. 25]. В итоге Эмили Гросс выдали свидетельство на право быть учительницей немецкого языка, взяв расписку об адекватном поведении по отношению к воспитанникам православного

исповедания, но можно представить, какой стресс пережила юная девушка, принятая хорошо в Новгороде и так раскритикованная столичными знатоками, и каким ударом для репутации новгородских педагогов (особенно учителя французского языка) был разгромный отзыв столичного лектора Перро.

Консулы европейских держав знали, с какими сложностями при оформлении надлежащих документов на право преподавания в России сталкиваются их соотечественники, и предпринимали усилия, чтобы помочь им. Сохранился текст донесения от 4 (16) октября 1843 г. управляющего консульством Швейцарской конфедерации в Москве г. Гларнера, адресованный федеральной директории, где разъяснялись все вопросы, которые могли возникнуть у швейцарца, приехавшего, чтобы сделать гувернёрскую карьеру в России. Гларнер констатировал: «Российское правительство старается в наименьшей возможной степени доверять воспитание детей иностранцам. Поэтому оно часто создаёт трудности для иностранных учителей вообще. Экзамен, который они обязаны сдать, прежде чем поступить на службу или давать уроки, совсем не трудный, но наши соотечественники очень часто оказываются в весьма затруднительном положении из-за того, что необходимо представить большое количество бумаг для допуска к этому экзамену» [2, с. 86]. Гларнер привел и список необходимых документов, и прокомментировал его: «N.B. Лицам, сдавшим экзамен, выдаётся диплом. Без этого диплома местные власти не допускают к работе воспитателей и учителей. Лица, у которых работают учителя без диплома, подвергаются штрафу.

Все иностранцы, являющиеся для сдачи экзамена, обязаны представить:

1. Паспорт или вид на жительство.
2. Свидетельство о рождении и крещении.
3. Справку о причастии для католиков.
о конфирмации для протестантов
4. Аттестат учебного заведения, в котором человек обучался, или справку о благонадёжности, выдаваемую российским послом

или посланником в столице страны, откуда приезжает этот человек или выходцем которой он является.

N.B. Представляется, что обычно бывает трудно получить эту последнюю справку, но во всех случаях и без исключений в выдаче диплома отказывают всем иностранцам, которые не имеют этой справки» [2, с. 85].

Российские дипломатические представительства действительно имели негласное указание властей ограничивать выдачу документов на въезд в Россию тем, кто желал заниматься учительской деятельностью, и прежде всего проверяли их благонадёжность. Швейцарский консул не мог знать об этом распоряжении, но последствия его наблюдал совершенно отчётливо.

Итак, мы видим, что в соответствии с курсом на «сворачивание» домашнего образования, реализуемого Министерством народного просвещения, постепенно усложнялась процедура оформления документов на получение звания домашнего учителя / учительницы, что должно было отпугнуть определённую часть иностранцев и затруднить им гувернёрскую карьеру.

Список литературы

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: в ч. 2. – Ч. 2. – М., 1855.

2. Донесение управляющего AD INTERIM Консульством Швейцарской Конфедерации в Москве г. Гларнера федеральной директории (Люцерн). 4 (16) октября 1843 г. // Россия – Швейцария = Russie – Suisse = Russland – Schweiz. 1813-1955: Документы и материалы. – М., 1995.

3. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф.14. Оп. 24.

4. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1.

Механизмы формирования периодической печатью общественного мнения по вопросам начального народного образования в конце XIX века

В статье анализируются механизмы влияния периодической печати конца XIX в. на формирование общественного мнения по проблемам народного образования. В качестве ключевых вопросов, вызывавших наибольший интерес средств массовой информации, выделяется положение народного учителя и проблемы всеобщего образования. Обращается внимание на существующую дискуссию по этим проблемам между изданиями разных направлений. Дается контент-анализ публикаций.

The article analyzes the mechanisms of influence on the periodical press in shaping public opinion on issues of public education in the late 19th century. The key issues that have the greatest interest of the media are the situation of teachers and problems general education (vseobuch). Attention is drawn to the existing debate on these issues between the publications of different directions. A content analysis of publications is given.

Ключевые слова: народное образование, школа, периодическая печать, общественное мнение, газета, журнал, всеобщее обучение, народный учитель, хроника, передовица, фельетон.

Key words: public education, school, periodical press, public opinion, newspaper, magazine, general education, public teacher, 19th century, current events, leading article, feuilleton.

«Формирование общественного мнения – это процесс выработки и закрепления (кристаллизации) совокупности относительно устойчивых коллективных суждений, чувств, поведенческих установок различных социальных общностей по представляющим для них ин-

* **Карпова Вероника Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

терес проблемам» [9, с. 9]. Этот процесс связан с получением, восприятием и передачей информации.

Фундаментальным фактором зарождения общественного мнения являются потребности, стремление к удовлетворению которых побуждает человека к мыслительной, эмоциональной и физической активности. В основе формирующихся мнений лежат знания и представления, полученные в результате самостоятельной практической деятельности, а также в процессе непосредственного и опосредованного общения, сопровождающегося обменом мнениями. На формирование общественного мнения также оказывают влияние интересы, ценностные ориентации, социально-психологические установки и стереотипы. Объект общественного мнения должен быть доступен пониманию общественности и затрагивать жизненно важные интересы. На динамику и распространенность общественного мнения оказывает влияние целенаправленное воздействие различных факторов, в т. ч. и периодической печати.

В качестве ценностной ориентации крестьян преобладали материальные выгоды и облегчение жизни, которые сулило знание грамоты (льготы по отбыванию воинской повинности, занятие выборных должностей, поступление на службу, расширение хозяйства). Значимость грамотности для развития религиозно-нравственных ценностей отмечали лишь 13,3 % крестьянского населения [7, с. 136]. Складывание стереотипов происходило главным образом на основе собственного жизненного опыта, личных наблюдений и эмоционально окрашенных представлений. Если крестьянин был доволен постановкой образовательного процесса в местном учебном заведении, такую же оценку он распространял и на другие школы данного типа. В случае недовольства он мог или распространить его на все учебные заведения и на учебный процесс в целом, или отдать предпочтение другому типу образовательных заведений. В этом случае большую роль играла дополнительно получаемая информация, в том числе публикации в прессе.

Формирование общественного мнения по вопросам начального народного образования в конце XIX в. происходило путем комплексного воздействия на население разнообразных факторов. Это рабо-

та съездов, на повестку которых выносились указанные вопросы, выставок по народному образованию, проведение статистических исследований, деятельность специально созданных комиссий и комитетов по народному образованию и т. д. В силу своей специфики каждый из указанных факторов мог оказать влияние лишь на весьма ограниченную часть общества, которая имела непосредственное отношение либо к народному образованию, либо к работе земств.

В условиях повышения грамотности населения и неуклонного роста спроса на печатную продукцию именно периодическая печать становилась одним из главных факторов влияния на общество. Пресса имела возможность распространить идеи, факты, мнения на большую часть читающей публики, к которой можно отнести как непосредственных читателей, так и слушателей. Несмотря на многочисленные препятствия, в том числе цензурного характера, пресса стремилась не только отразить на своих страницах информацию о важнейших событиях в стране, но и представить, а порой и навязать читателю собственную позицию по всем проблемным вопросам.

Степень влияния отдельных изданий зависела от тиража и авторитета сотрудников издания, круга освещаемых ими проблем, способов изложения материала, цены. Воздействие газет на население было большим, чем журналов, поскольку у них были выше тиражи, ниже стоимость одного номера и ежедневный либо еженедельный формат издания.

В арсенале прессы имелись разнообразные способы формирования общественного мнения. Во-первых, тщательный отбор публикуемого материала. Из дня в день появляющаяся в газете однотипная информация, например, об открытии в различных уездах новых школ или библиотек, не могла не сформировать у читателей представления о заинтересованности правительства, органов местного самоуправления, церкви и самого населения в распространении народного образования. Во-вторых, любое издание стремилось представить публикации в разнообразных жанрах, отличавшихся один от другого литературным стилем и методами отбора материала.

Чаще других для освещения вопросов народного образования использовалась хроника, т. е. краткие сообщения о факте, без подробностей и пояснений, а часто и без заголовка. В газете «Русские ведомости» в 1895 г. 55 из 81 публикации по вопросам начального народного образования написаны в жанре хроники, в 1899 г. – 85 из 103. Журнальная хроника обычно обладала большим объемом и сопровождалась комментариями редакции.

Проблемные статьи отражали авторскую позицию и могли принадлежать перу как постоянного сотрудника издания, так и внештатного корреспондента. Издания иногда публиковали статьи, с содержанием которых были частично или полностью не согласны, что приводило к появлению статьи-опровержения, комментариев и т. п. «Русские ведомости» публиковали в среднем 10 проблемных статей по народному образованию в год, «Московские ведомости» – 15–16 статей, при этом в 1895 г. их численность составила 29 (в связи с активным обсуждением вопросов о всеобщем обучении). Журнал «Русская мысль» в 1895 г. поместил три статьи по интересующей тематике объемом 19, 21 и 27 страниц соответственно.

Особая роль принадлежала статье-передовице. Ее автором всегда являлся сотрудник редакции, часто сам главный редактор, и она содержала его понимание самых злободневных вопросов, отражала политическую и идеологическую принадлежность издания. Передовица могла быть различной по объему, от одного газетного столбца до полутора страниц. Целью этого типа публикаций, несомненно, являлось формирование общественного мнения. Вопросы начального народного образования не являлись приоритетной темой передовых статей, однако в ведущих столичных газетах раз в месяц – полтора такие передовицы можно было обнаружить. В 1903 г. «Русские ведомости» опубликовали 19 передовых статей по проблемам народной школы, а провинциальный «Орловский вестник» в 1897 г. – 22 статьи [3–6].

Некоторые издания использовали жанр фельетона. Он являлся более доходчивым, упрощенным способом подачи информации субъективного характера. Фельетон действовал на человека «крат-

чайшим путем, почти безо всякого участия сознательного рассуждения, не вызывая у читателей умственного напряжения» [2, с. 121]. Этот жанр представлял собой небольшую, остроумно написанную критическую статью, проникнутую духом острой злободневной критики. Фельетонист писал образно, легко, иронично, выразительно. Законы жанра позволяли гипертрофировать фактический материал, полученный читателем ранее из других источников, довести его толкование до абсурда. Таким образом, использование жанра фельетона позволяло усилить «атаку» на читателя, укрепить его в нужном редакции мнении. Чаще фельетоны публиковались в изданиях, предназначенных для «простого» читателя, т. е. для малообразованной публики. Однако к схожим формам изложения иногда обращались и более серьезные газеты. Например, в «Русских ведомостях» можно встретить несколько фельетонов, правда, более «интеллигентных» по форме изложения мысли. Примером может служить и «Гражданин» Мещерского, в котором в 1897 г. публиковался целый цикл статей «Записки мужика». Автор, скрывший свое имя под псевдонимом Приска-Жабинский, излагал свои злободневные мысли в духе православия и самодержавия от лица простого крестьянина так называемым народным языком.

Обозрение материалов периодической печати позволяло обратить внимание читателей на ту прессу, чьи позиции были сходны или идентичны с мнением редакции данного издания. Одновременно можно было указать на новые направления общественной мысли и выразить свое отношение к ним. Журнал «Русский вестник» активно пользовался такой формой для того, чтобы показать в невыгодном свете своих идеологических противников, опровергнуть их выводы по отдельным вопросам. Газета «Русские ведомости» в течение нескольких лет публиковала обзор наиболее интересных статей в литературных, исторических и педагогических журналах. Причем обзор педагогической прессы производился в те годы, когда очень остро стоял вопрос о необходимости и возможности осуществления всеобщего. По мере перехода к его практической реализации подобные обзоры исчезли.

В рамках этой формы нередко появлялись и отдельные большие публикации, посвященные одной статье одного издания. Таким образом, систематически осуществлялась полемика между крупнейшими консервативными и либеральными изданиями. Наиболее характерным примером служит полемика между газетой «Московские ведомости», одним из ведущих печатных органов консерваторов, и рупорами либералов газетой «Русские ведомости» и журналом «Вестник Европы». Например, в апреле 1900 г. в «Русских ведомостях» была опубликована статья П. Шестакова «Некоторые черты церковно-школьного дела», в которой автор критиковал организацию процесса обучения в церковно-приходских школах и школах грамоты [8, № 96, с. 3–4]. Ответ-опровержение появился в № 6–7 журнала «Народное образование». В октябре 1900 г. Шестаков вновь критикует школы церковного ведомства на страницах «Русских ведомостей» [8, № 276, с. 4]. На этот раз ответ консерваторов появился на страницах «Московских ведомостей» [5, № 272, с. 1–2]. Еще через две недели «Московские ведомости» опубликовали аналитическую статью, объяснявшую причины нападок либералов на церковно-приходские школы [5, № 285, с. 1]. Таким образом, полемика между указанными изданиями по одному вопросу фактически продолжалась более полугода.

Дополнительным средством, оказывающим влияние на общественное мнение, являлась публикация статистических и социологических материалов, а также мемуаров. Грамотно подобранные статистические данные позволяли нарисовать ту картину состояния народного образования в отдельной местности или по России в целом, которая устраивала по каким-либо причинам автора в данный момент. Проведенный сравнительный анализ статистических показателей по разным губерниям позволял указать на регионы с неблагополучной постановкой школьного дела. Либеральные издания часто привлекали к постоянному сотрудничеству земских статистиков, чтобы получать информацию из первых рук. Примером может служить сотрудничество И.П. Белоконского, работавшего некоторое время заведующим статистическим бюро Курской губернии, с «Русскими ведомостями», «Русским богатством», «Русской школой»,

«Вестником воспитания» и другими изданиями. Статистик Московского земства В.В. Петров систематически публиковал статьи в журнале «Вестник воспитания».

Влияли на мнение читателей также художественные очерки, переписка, мемуары. В сентябре 1895 г. в «Русском вестнике» был опубликован художественный очерк «Из деревни», автор которого педагог, помощник предводителя дворянства по народному образованию, делился своими впечатлениями об инспектировании сельских школ. В 1902 г. в нескольких номерах журнала публиковалась переписка педагога Рачинского с журналистом В.В. Розановым. Рачинский часто в своих письмах ссылался на мнение К.П. Победоносцева, с которым состоял в дружеских отношениях.

Вопросы народного образования действительно весьма активно освещались прессой в конце XIX – начале XX вв. Однако, преимущественно отражала или формировала периодическая печать общественное мнение?

Во-первых, если бы главной задачей периодической печати было отражение общественного мнения, тогда для издания не имело бы большого значения, что написал конкурент, насколько его информация или рассуждения совпадают с мнением редакции данной газеты или журнала. Иными словами, фактически отсутствовали бы дискуссии между отдельными изданиями. Однако анализ материалов прессы убеждает нас в обратном. Так, в среднем в 2–4 номерах журнала «Русский вестник» можно увидеть полемику с ведущими печатными изданиями, преимущественно либеральными. В 1896 г., когда сменился редактор журнала, в четырех номерах мы обнаруживаем полемику с «Вестником Европы» и «Санкт-Петербургскими ведомостями», в трех – с журналом «Русская мысль», в двух – с «Русским богатством», «Северным вестником», в одном – с «Русскими ведомостями».

То, что полемика между различными изданиями периодической печати была обычным и регулярным делом, подтверждают и современники. «Орловский вестник» в 1897 г. писал: «Стоит только развернуть страницы газет и послушать, что говорят «Мировые отголоски» о «Новом времени», «Московские ведомости» и князь

Мещерский о «либеральных» газетах, «Новое время» и «Свет» о «Петербургских ведомостях», «Русское слово» о «Русских ведомостях», – стоит только почитать все это, чтобы понять, как полемизируют у нас газеты друг с другом» [6, № 284, с. 1–2].

Наличие полемики между различными изданиями, между корреспондентами внутри одного издания напрямую указывает на имевшееся стремление формировать мнение общества. Кроме того, налицо попытка убедить читателя в неспособности отдельных изданий предоставить правдивое и адекватное освещение событий с целью ограничения их участия в процессе формирования общественного мнения.

Обратимся теперь к основным характеристикам общественного мнения. Интенсивность, т. е. степень эмоционального накала мнений, достигалась как с помощью все тех же дискуссий между отдельными изданиями, так и путем отбора необычных фактов и эмоционально окрашенной их подачи читателю. Направленность – ориентация общественного мнения на определенный социально значимый объект. Ввиду информационной ограниченности русского населения зачастую именно пресса могла и должна была убедить общество в важности для него определенной проблемы. В случае с начальным народным образованием это происходило в том числе путем обнаружения прямой зависимости между экономическим и санитарным аспектами общественной жизни (в первую очередь, жизни крестьян) и всеобщим обучением. На фоне тяжелейших последствий неурожая и холерной эпидемии начала 1890-х гг. всеобщее обучение стало преподноситься как наилучший способ предотвращения подобных бедствий в будущем. Когда всеобщее обучение было практически всеми признано насущной необходимостью, возникла проблема его воплощения в жизнь. Одним из аспектов этой проблемы стала нехватка квалифицированных учителей в связи с их низким статусом. Поэтому вопрос о положении народного учителя с 1896 г. обсуждается прессой более интенсивно, нежели другие проблемы народного образования.

Стабильность, т. е. устойчивость направленности общественного мнения на вопросы народного образования, подтверждается как

данными контент-анализа, так и многочисленными свидетельствами современников. «Возьмите любой номер газеты или газетки, претендующей на свободомыслие и прогрессивность направления, – писал А. Букеевский, – и вы непременно встретите в ней варьированный на все лады и преподносимый под разными соусами «вопрос о всеобщем обучении». Об этом пишутся передовые статьи, фельетоны, заметки, письма в редакцию, этой темой полны корреспонденции из провинции с «отрадными фактами», сообщающие якобы об успехе этой мысли среди населения» [3, № 285. с. 1]. По-видимому, речь здесь автор ведет о либеральных изданиях, и можно подумать, что консервативный лагерь народное образование не интересовало. Однако «Вестник Европы» в то же время писал о самом авторитетном органе консервативной мысли: «Статьи «Московских ведомостей» о начальной школе следуют одна за другою в последнее время, так же часто и аккуратно, как выстрелы в Петербурге во время наводнения» [1, № 12, с. 886]. Таким образом, независимо от политических предпочтений, пресса в одинаковой мере интересовалась проблемами народной школы, регулярно освещая их на газетных и журнальных страницах.

«Русские ведомости» к середине 1890-х гг. резко увеличили количество публикаций по проблемам начального народного образования: если в 1890 г. их было 12, в 1892 г. – уже 37, в 1895 г. – 81, в 1899 – 103. Большинство публикаций были посвящены двум проблемам: всеобщему обучению и статусу учителя. В 1895 г. удельный вес статей о всеобщем обучении относительно общего числа публикаций по народному образованию составил 50,6 %, в 1896 г. – 34,1 %, в 1899 г. – 40,8 %, тогда как в 1892 г. – 5,4 %, а в 1891 г. их вообще не было. Это не вызывает удивления поскольку в 1894 г. был поставлен вопрос об осуществлении всеобщего обучения.

«Орловский вестник» в 1897 г. в 89 номерах опубликовал 96 сообщений о народном образовании. Таким образом, 25,7 % номеров (каждый четвертый номер) несли информацию о деле начального образования как в Орловской губернии, так и по стране в целом. Преобладали сообщения с мест, преимущественно небольшие по объему, однако за год было опубликовано 22 передовых и 10 про-

блемных статей по указанной тематике. Это означает, что в каждом шестнадцатом номере газеты в 1897 г. появлялась передовая статья о проблемах начальной народной школы, тогда как в столичной прессе это происходило в среднем лишь в каждом сороковом номере [6].

В «Саратовском листке» в 1890 г. – 18,6%, в 1895 г. – 28,9%, в 1898 г. – 34,3 %, в 1901 г. – 30,7 % номеров несли информацию о народном образовании. Полученные результаты превосходят не только аналогичные показатели «Московских ведомостей», но и «Русских ведомостей». Наиболее внимательными сотрудниками «Саратовского листка», как и «Орловского вестника», оказались к проблемам народного учителя: в 1898 г. из 96 публикаций 60 были посвящены педагогам.

Журнал «Русский вестник» в 1895 г. в каждом втором номере помещал статьи о народном образовании, преимущественно на тему конфликта между земскими и церковно-приходскими школами [3]. Журнал «Русская мысль», одно из наиболее популярных либеральных изданий с тиражом около 13 тыс. экземпляров, в 1895 г. отвел вопросам народного образования 138 страниц.

О том, что пресса поддерживала стабильность общественного мнения, также могут говорить и регулярно повторяющиеся статьи по одному из нюансов проблемы.

В 1895 г. в Нижегородской губернии были закрыты несколько школ грамоты, организованных А.А. Штевен. Поводом послужило то обстоятельство, что некоторые из школ были открыты без прямого одобрения местного духовного начальства, что формально являлось противозаконным. «Московские ведомости» опубликовали по этому поводу десять статей различного характера (но одинакового содержания): шесть заметок в рубрике «Дневник печати», где комментировалось освещение этого вопроса другими изданиями, две передовых статьи и две проблемных статьи, одна из которых заняла четыре газетных полосы и представляла собой ответ на письмо Штевен, опубликованный в № 205 газеты «Русские ведомости». Всего информация появилась в девяти номерах, ее начали публиковать еще в июле, а завершили лишь в сентябре [3]. Таким обра-

зом, три месяца «дело Штевен» не сходило с газетных страниц, при этом речь шла не столько об изложении самих фактов и перипетий этого скандала, сколько о борьбе земств и либералов с церковно-приходскими школами и о невозможности существования и развития народной школы вне церкви. При условии, что периодическая печать лишь отражала общественное мнение, достаточно было бы поместить одну-две статьи по данному вопросу. Здесь же явно наблюдается механизм формирования общественного мнения.

Причины превращения прессы в безусловного руководителя общественного мнения и один из главных факторов его формирования объясняли «Московские ведомости»: «Правильно организованное печатное слово является в наши дни силой, или разрушительною или созидательною, в зависимости от его содержания. Это и понятно: во-первых, с умножением грамотных увеличивается круг людей руководимых печатным словом, во-вторых, чтение более сподручный способ научиться чему-либо, более удобный чем посещение проповеднических бесед, лекций народного университета и пр.» [4, № 5, с. 5].

Пресса привлекала внимание читателей к наиболее проблемным вопросам (из допущенных к обсуждению), в числе которых в конце XIX в. оказались и проблемы начального образования. Для поддержания читательского интереса к проблеме, а также с целью формирования мнения населения по отдельным ее аспектам, периодические издания использовали весь доступный им арсенал: проблемные статьи, хронику, статистические исследования, мемуары, письма с мест, фельетоны и т. п. Каждая из этих форм подачи материала воздействовала на определенный тип читателей, но в совокупности они выполняли единую задачу формирования общественного мнения по вопросам начальной школы. Проблема оставалась актуальной в течение всего рассматриваемого периода, о чем свидетельствует непрерывное возрастание количества посвященных ей материалов до начала XX в.

Список литературы

1. Вестник Европы. – 1895.
2. Кузьмичев В. Организация общественного мнения. Печатная агитация. – М. – Л., 1929.
3. Московские ведомости. – 1895.
4. Московские ведомости. – 1899.
5. Московские ведомости. – 1900.
6. Орловский вестник. – 1897.
7. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту. – М., 1991.
8. Русские ведомости. – 1900.
9. Формирование общественного мнения населения крупного города: опыт изучения / под ред. О.И. Иванова. – СПб., 1996.

УДК 94(47).083+061.3(4/8)

С. В. Зайцева *

Российские и международные съезды по вопросам признания незаконных детей и подкидышей в конце XIX – начале XX вв.

В статье освещены проблемные вопросы признания незаконнорожденных детей и подкидышей, обсуждавшиеся на российских и международных съездах и конгрессах по охране детства. Несмотря на то, что подобные мероприятия имели совещательный характер, они были популярны и, по мнению представителей общественности, были направлены на поиск возможных решений данных вопросов.

The article highlights the problems of charity of illegitimate children and foundlings discussed at national and international congresses and conferences on child protection. Despite the fact that such meetings were deliberative in nature, they were popular and, in the opinion of members of the public, they were focused on possible solutions to these problems.

* **Зайцева Светлана Валентиновна**, аспирантка кафедры истории Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Ключевые слова: признание, незаконнорожденные дети, подкидыши, Воспитательные Дома, вскармливание в деревнях, питомцы, съезды, конгрессы, детская смертность, опека.

Key words: charity, illegitimate children, foundlings, Founding Hospitals, fosterage in the villages, foster-children, conferences, congresses, infant mortality, guardianship.

С конца XVIII в. признание подкидышей и незаконнорожденных детей осуществлялось Воспитательными домами в столицах и органами местного самоуправления (приказами общественного призрения, а с 1864 года – земствами). В Москве и Санкт-Петербурге незаконнорожденные дети принимались в Воспитательные дома, а затем передавались частным лицам на воспитание. В земствах же существовали приюты, отделения для подкидышей при больницах и богадельнях, где дети вскармливались в первые дни своей жизни, а затем также передавались в крестьянские или городские семьи на воспитание за отдельную плату или без нее.

Однако существовавшая система признания признавалась малоэффективной как земцами и руководством Воспитательных домов, так и врачами приютов, больниц и других подобных учреждений, представителями общественности. В связи с этим и в столицах, и в земствах занимавшиеся организацией признания специалисты в конце XIX – начале XX вв. начали активный поиск лучшего во всех отношениях способа заботы о незаконнорожденных детях и подкидышах. С этой целью данный вопрос обсуждался на очередных и экстренных заседаниях губернских земских собраний, их представители обменивались опытом, создавали проекты по устройству приютов и организации патронажа [8, с. 713; 5, с. 301–303].

Благотворительные общества и организации, создававшиеся также с целью обеспечения заботы о детях, выступали за созыв съездов для «обсуждения вопроса о наиболее целесообразной помощи наибольшему числу бедствующих детей» [9, с. 11], поскольку «главная причина неудовлетворительного положения этого столь существенного дела заключается в разрозненности действий» различных учреждений [9, с. 5]. Так, в Москве с 28 апреля по 11 мая

1886 г. проходил съезд Московских благотворительных учреждений, призревающих детей, на котором присутствовали и представители Московского Воспитательного Дома. Среди докладов, прочитанных и обсуждавшихся на съезде, был «Доклад М.В. Духовского о помещении детей на воспитание в крестьянские семьи» [9, с. 145–151]. Автор положительно высказался за подобный способ воспитания ввиду его дешевизны и доступности, но при соблюдении следующих условий: отправлении в деревню лишь детей старше трех лет и обязательной организации надзора за детьми в виде «попечителей или скорее попечительниц из числа лиц, живущих постоянно по уездам» [9, с. 151]. Характерно, что постановления, решения и работы данного съезда имели «совещательный характер» и могли применяться участвовавшими организациями и учреждениями только в том объеме, «в каком они найдут их соответствующими в пользу вверенного им дела» [9, с. 11].

С 1885 г. проблема воспитания и развития детей, в том числе незаконнорожденных и подкидышей, активно обсуждалась на Пироговских съездах врачей. Помимо вопросов, связанных с призрением детей земствами в приютах и деревнях, значительное место в деятельности съездов занимало рассмотрение причин высокой детской смертности, в том числе в Воспитательных домах, приютах и крестьянских семьях, и поиск различных способов сократить процент смертности (включая опыты по искусственному вскармливанию, меры против распространения и заражения сифилисом и др.) [10].

В 1910 г. в Санкт-Петербурге состоялся Первый Всероссийский съезд русских деятелей по общественному и частному призрению. По его окончании было принято решение о продолжении созывов подобных съездов, поскольку это «даст возможность всем деятелям и заведывающим приютами ознакомиться с постановкой дела в земских и городских учреждениях России, разработать наиболее желательные формы его и, быть может, разрешить острый вопрос о равномерном распределении материальных тягот, затрачиваемых на призрение, между государствами и отдельными органами самоуправления» [4, с. 1]. В программы последующих съездов, в итоге, были включены следующие вопросы: о расходах на содержание за-

ведений по признанию детей; о пересмотре законодательства в этой области; о наиболее целесообразных формах признания детей грудного и школьного возраста; об организации семейного патронажа в деревнях; о мерах борьбы с сифилизацией населения и др. [4, с. 3–4].

С 1900 г. представители российских учреждений и организаций по признанию детей принимали активное участие в работе международных конгрессов по различным вопросам воспитания и развития детей.

В 1900 г. в Париже состоялся III Международный конгресс по общественному признанию и благотворительности, на котором присутствовали представители 36 государств, в том числе и России. Важным постановлением съезда в вопросе о признании детей стало признание равных прав на общественную помощь как законных, так и незаконнорожденных детей [6, с. 29].

Следующий, IV Международный конгресс по вопросам общественного и частного признания проходил в Милане в мае 1906 г. На нем вопрос признания детей рассматривался с точки зрения принятия наиболее целесообразных мер борьбы с детской смертностью. После всестороннего обсуждения этой проблемы съезд постановил, что «во всех государствах должен быть установлен строгий врачебный надзор за всеми детьми, отдаваемыми для вскармливания и воспитания вдали от местонахождения их родителей или опекунов», а также о необходимости усовершенствования учреждений, занимавшихся заботой о подкидышах [2, с. 50–51].

Проблема детской смертности стала предметом обсуждения и на международных конгрессах по вопросам охраны детей. Одним из постановлений Миланского конгресса 1906 г. рекомендовалось создание особых заведений для раздачи хорошего молока для всех грудных детей, которые получили название «учреждения капли молока» [2, с. 50]. Первый специальный международный конгресс подобных организаций прошел в Париже еще в 1905 г. Организационный комитет данного конгресса решил объединить «все отрасли попечения о маленьких детях и не ограничивать занятий конгресса одними только учреждениями "капли молока"». По-

следующие съезды 1907 г. в Брюсселе, 1910 г. в Берлине, 1913 г. в Брюсселе носили названия «Международный конгресс для охраны детей младшего возраста», «Международный конгресс по вопросам охраны детей и борьбы с детской смертностью», «Международный конгресс по охране детского возраста». В программы этих съездов были включены, в частности, вопросы о создании Международного Союза учреждений для охраны детей и для борьбы с детской смертностью [3, с. 25], об установлении строгого надзора за детьми, отдаваемыми на воспитание частным лицам [3, с. 68], о попечении над внебрачными детьми [7, с. 21] и др.

С 1905 г. стали проводиться конгрессы по проблемам семейного воспитания. На Первом съезде в Льеже обсуждались вопросы о помещении бесприютных детей в деревенские семьи, о выборе профессии и специальном образовании для подкидышей. Кроме того, на съезде было высказано предложение о создании должности так называемых «профессиональных опекунов-специалистов», в задачи которых входили бы надзор за питомцем в раннем детстве, «юридическое представительство его интересов», оказание ребенку необходимой помощи, руководство его воспитанием и ремесленным образованием [1, с. 74–75].

Таким образом, в начале XX в. вопросы призрения детей, в том числе незаконнорожденных и подкидышей, стали рассматриваться не только органами самоуправления, но и на международном уровне. Для решения проблемы призрения детей, существовавшей во многих государствах, по мнению представителей общественности, необходимо было обсуждение и обмен опытом, которые стали возможны благодаря значительному числу созывавшихся съездов и конгрессов, несмотря на то, что во многих случаях их постановления и решения носили совещательный, а обязательный характер.

Список литературы

1. Ведомство детских приютов и его задачи. – Ч. XXIV: Отчет о международном конгрессе по вопросам воспитания и охраны детей в Льеже. – СПб., 1906.
2. Ведомство детских приютов и его задачи. – Ч. XXVII: Четвертый международный конгресс по вопросам общественного и частного призрения в Милане. – СПб., 1906.

3. Ведомство детских приютов и его задачи. – Ч. XXIX: Международный конгресс по вопросам охраны детей и борьбы с детской смертностью в Брюсселе. – СПб., 1907.
4. Глико А. Заметка о предстоящем съезде земских деятелей по призрению детей. – Киев, 1911.
5. Журналы заседаний XVIII очередного земского собрания с 9-го по 18-е декабря 1882 года. – Курск, 1883.
6. Отчет о международном конгрессе по общественному призрению и благотворительности в Париже. – СПб., 1900.
7. Призрение и благотворительность в России. – 1913. – № 5.
8. Систематический Свод постановлений и распоряжений Полтавского Губернского Земства за три трехлетия (с 1904 по 1912 вкл.). – Т. 4. – Вып. 1. – Полтава, 1915.
9. Труды съезда Московских благотворительных учреждений призревающих детей. Сессия I, 28 апр. – 11 мая 1886 г. – М., 1886.
10. Труды IV Съезда русских врачей в память Н.И. Пирогова в Москве. – М., 1892.

УДК 94(47).084.1

*И. А. Тропов **

Формирование и состав общественных исполнительных комитетов в России (март 1917 г.)

В статье рассматривается история создания общественных исполнительных комитетов в России после победы Февральской революции 1917 г. Проанализирована роль местных советов, земств и городских дум в процессе создания общественных исполнительных комитетов и сделан вывод о преобладании организованности над стихийностью в данном процессе. Показано, что общественные исполнительные комитеты формировались на широкой коалиционной основе.

This article discusses the history of the creation of public executive committees in Russia after the victory of the February Revolution of 1917. The author analyzes

* **Тропов Игорь Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

the role of local soviets, zemstvos and urban dumas in the process of creating public executive committees. The author concludes that organization predominate over spontaneity in the process. We show that public executive committees formed on the basis of a broad coalition.

Ключевые слова: общественные исполнительные комитеты, земства, городские думы, советы, стихийность и организованность в создании общественных исполнительных комитетов, социальный состав общественных исполкомов, партийный состав общественных исполкомов.

Key words: public executive committees, zemstvos, urban dumas, soviets, spontaneity and organization in the process of the creation of public executive committees, members of the party in public executive committees.

Общественные исполнительные комитеты возникли в условиях резко возросшей политической активности народа в ходе Февральской революции 1917 г. Они стали практическим воплощением стремления местного населения к самоорганизации, консолидации и участию в местном управлении. Заметим, что устоявшееся в исторической литературе наименование, приведенное и нами в названии статьи, условно. На практике существовало гораздо большее разнообразие в названиях этих местных организаций: Комитеты общественного спокойствия (Новгородская губ., г. Острогжск Воронежской губернии и др.) [11. Д.168. Л. 49; Д. 167. Л. 4], Комитет безопасности (г. Тирасполь Херсонской губ.) [11. Д. 167. Л. 17], Комитеты общественной безопасности (Амурская область, г. Красноярск Енисейской губ. и др.) [11. Д.168. Л. 4, 23], Обывательский комитет (г. Юрьев-Польский Владимирской губ.) [11. Д. 168. Л. 12], Народный комитет (Шлиссельбургский уезд Петроградской губ.) [5, с. 98]. Самарская городская дума дала наиболее вычурное из всех название – «Комитет охраны правильного течения жизни» [11. Д. 168. Л. 71]. Зачастую эти органы именовались гораздо проще, например, «Исполнительный комитет города...» или «Временный комитет...». Следует учитывать, что в начальный период их существования могло и не быть вполне устоявшихся названий. Так, например, в одном сообщении из Курска от 3 марта 1917 г. образовавшийся орган именуется его руководителем Лоскутовым как «Временный комитет», в

другом сообщении от того же числа – уже как «Исполнительный Комитет в г. Курске» [11. Д. 168. Л. 41]. В дальнейшем закрепилось именно последнее название.

Некоторые современники указывали на стихийный, митинговый характер формирования рассматриваемых органов: «Всё обыкновенно начиналось собраниями, митингами. Собрания эти выбирали Исполнительный Комитет. Этот комитет становился Комитетом безопасности» [14, с. 44]. Современный исследователь В.Ю. Черняев также подчеркивает, что общественные исполнительные комитеты формировались «стихийно»: «сначала городские, губернские, уездные, затем волостные и поселковые, с участием всех слоев населения» [4, с. 605]. В этот перечень следует добавить еще и так называемые «фабричные» общественные исполкомы, сведения о которых, впрочем, встречаются довольно редко [11. Д. 167. Л. 8; Д. 168. Л. 13, 60]. К сожалению, автор не пояснил, что он подразумевает под стихийностью. Более определенно в этом отношении высказался Г.А. Герасименко: «Народ властно вмешивался в дело создания нового аппарата управления и оказывал на него определяющее влияние», причем этот процесс происходил «без опоры на какие бы то ни было правовые акты» [5, с. 39, 50].

Конечно, общественно-политическая активизация широких слоев населения сама по себе никем специально не была подготовлена, а на правовые документы попросту невозможно было опираться в силу их отсутствия. Революционное движение на местах, составной частью которого было стремление народа к единению и к участию в демократических органах самоуправления, носило в этом смысле стихийный характер.

И все же ситуация не выглядит столь однозначной, как это часто представляется в отечественной историографии. Отметим, что в некоторых случаях общественные исполнительные комитеты, являясь «продуктом» местного творчества, всё же испытывали на себе влияние со стороны депутатов Государственной Думы. Например, Комитет общественной безопасности г. Якутска был сформирован на общегородском митинге 4 марта 1917 г., что вроде бы должно свидетельствовать о стихийности его создания. Но при этом надо

учитывать, что собран митинг был депутатом IV Государственной Думы, членом большевистской партии Г.И. Петровским в условиях полного бездействия Якутской городской думы. Именно он сообщил горожанам о произошедших в стране политических переменах, выступил с призывом к упразднению старых и созданию новых органов местной власти, наконец, именно Г.И. Петровский стал председателем комитета, сформированного из представителей различных организаций и учреждений (по-видимому, заранее намеченных). После этого несколько представителей Комитета во главе с Петровским предъявили «категорическое требование» управляющему Якутской областью барону Тизенгаузу «передать дело снабжения продовольствием, все денежные суммы и управление областью Комитету». Очевидно, что созданный, по словам Г.А. Герасименко «в гуще народа», Якутский общественный исполнительный комитет в действительности содержал крайне мало стихийного народного творчества в момент своего образования и в начальный период своей деятельности [5, с. 36; 13, с. 339–340; 11. Д. 168. Л. 108–108 об].

Важное значение имели также неоднократные обращения председателя IV Государственной Думы и Временного комитета Государственной Думы (ВКГД) М.В. Родзянко к руководителям земств и городских дум по различным вопросам тогдашней жизни страны (продолжение работ на оборону, состояние продовольственного дела и др.) [9, с. 371]. Такого рода обращения укрепляли уверенность муниципалитетов в прочности власти ВКГД и подталкивали председателей губернских и уездных управ, а также городских голов к активизации деятельности по сплочению местных сил и организаций в целях выполнения поставленных новой властью задач.

В небольшом количестве случаев инициатива в формировании «народного фронта», а также и в его реорганизации исходила от местных советов рабочих или солдатских депутатов. Так произошло, например, в Тифлисе, где Совет рабочих депутатов во главе с лидером закавказских меньшевиков Н. Жордания 6 марта 1917 г. сформировал коалиционный Тифлисский исполнительный комитет, представлявший рабочих, служащих, солдат и офицеров. Схожим образом развивались события в Баку, Ереване, Кутаиси и в некоторых других местах Закавказья [16, с. 90]. В Поволжье преобразова-

ние Самарского городского исполкома в губернский произошло 27 марта 1917 г. на губернском съезде. В его работе приняли участие на широкой демократической основе представители всех уездов, избранных при участии местных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Первоначально съезд объявил себя губернским советом крестьянских депутатов, а затем избрал из своей среды 21 человек в городской исполком, превратив его тем самым в губернский общественный исполнительный комитет [3, с. 310; 5, с. 53–54]. В Лужском уезде Петроградской губернии инициатором многолюдных собраний рабочих, торговцев, домовладельцев и служащих Луги стали Военный комитет и исполком совета солдатских и офицерских депутатов Лужского гарнизона под руководством ротмистра Н.В. Вороновича. На этих собраниях, проходивших 6 и 9 марта, был избран Лужский объединенный комитет рабочих и служащих [2, с. 60–61].

Однако же решающую роль в создании исполкомов общественных организаций сыграли не петроградские думские деятели и не советы, а именно местные городские думы и земства. С одной стороны, органы местного самоуправления были сосредоточием «общественных сил», внесших в довоенный период и особенно в годы мировой войны значительный вклад в развитие местного хозяйства, здравоохранения, просвещения, статистики и пр. Они имели хотя и далеко не безусловный, но достаточно высокий авторитет среди местного населения, пользовались доверием ВКГД и Временного правительства. Всё это обусловило их место и роль в организации местной власти в ходе нарастания социального движения и активизации контактов различных социально-политических сил на местах.

С другой стороны, городские думы и земства были центрами, которые сами были инициаторами консолидации населения и местных организаций в городах, губерниях и уездах; они сами, как правило, выстраивали структуру, определяли основные задачи исполнительных комитетов, вступали в переписку с центральными властями. Например, в сообщении от 11 марта 1917 г. из Тирасполя (Херсонская губ.) прямо указывалось, что Тираспольский комитет безопасности был избран именно Городской Думой [11. Д. 167. Л. 17].

В более раннее время (в первой декаде марта) формирование органов «народного фронта» в губернских и уездных центрах также проходило организованно. 1 марта в Царицыне на «совместном заседании городской думы с представителями политических партий, кооперативов, редакций газет [был] избран Временный исполнительный комитет» [18, с. 8]. Из Курска сообщалось, что 3 марта опять же именно городская дума «образовала, для управления текущими делами, Временный Комитет», признанный, кстати, и вице-губернатором Штюмером, который «заявил, что подчиняется Временному правительству и будет исполнять свои обязанности по управлению губернией совместно с Курским Временным Комитетом, при непосредственном участии его представителей» [11. Д. 168. Л.41]. При активном участии городских дум происходило формирование общественных исполнительных комитетов в Сибири (Красноярске, Омске, Тюмени и др. городах) [1, с. 63; 5, с. 42].

В уездных центрах общественные исполнительные комитеты чаще всего формировались параллельно с губернскими, независимо от них, «под значительно большим влиянием революционного народа, чем это было в губернских центрах» [5, с. 61]. Но иногда губернские органы являлись непосредственными организаторами уездных исполкомов. Так, например, Нижегородский исполнительный комитет направил 2 марта 1917 г. телеграммы в уезды, предложив председателям земских управ «временно» вступить в управление уездами [15, с. 83]. Созданный 5 марта 1917 г. в Казани комитет общественной безопасности принял решение об организации в уездах Казанской губернии особых комитетов «с тем, чтобы эти к[омите]ты были представлены в губ. комитете особыми представительствами» [7, с. 306]. Председатель Курского временного исполнительного комитета Лоскутов сообщал 6 марта 1917 г. о созыве совещания из председателей уездных управ с участием городских голов «для учреждения уездных исполнительных комитетов» [11. Д. 168. Л. 41 об.]. А городской голова г. Тобольска 8 марта 1917 г. просил Временное правительство санкционировать решение о том, чтобы «деятельность временных уездных исполнительных комитетов подчинить Тобольскому Исполнительному Комитету» [11. Д. 168. Л. 91 об.].

Активная организующая роль органов местного самоуправления, их инициатива в формировании общественных исполнительных комитетов вполне понятна. Городские думы и земства стояли гораздо ближе к нуждам местного населения, чем царская бюрократия и, следовательно, более чутко реагировали на возможность массовых народных движений на почве экономических (прежде всего, продовольственных) трудностей и непопулярности царской администрации. Заметим, что массовые народные движения в конце февраля – начале марта 1917 г. отнюдь не были чем-то мифическим. Многочисленные митинги, столкновения с полицией, разгромы тюрем и полицейских участков, аресты местных чиновников – всё это подталкивало земства и городские думы к активной деятельности по объединению демократических сил и сохранению элементарного порядка. Кроме того, земства и городские думы являлись общественными (хотя и цензовыми) органами, не подчиненными непосредственно царскому правительству и его отдельным структурам, а, следовательно, в отличие от губернаторов, вице-губернаторов, полицмейстеров и других чинов они не были скованы в своей деятельности.

На волостном и сельском уровнях общественные исполнительные комитеты были представлены в меньшей степени, но там, где они возникали, происходило это на сельских и волостных сходах [5, с. 83–109; 11. Д. 168. Л. 14]. Иногда это происходило при непосредственном участии представителей уездных или губернских исполкомов: например, по решению Сахалинского областного временного исполнительного комитета в начале марта 1917 г. были назначены комиссары во все волостные организации [11. Д. 168. Л. 74]. Во второй половине марта, после того, как Временное правительство официально признало волостные исполкомы, в создании последних большую роль стали играть губернские и уездные правительственные комиссары [5, с. 92–93]. Но чаще всего создание низовых общественных комитетов являлось результатом творчества масс. Именно на волостном уровне отчетливо проявлялось стихийное начало в реорганизации местной власти. Так, на общем собрании граждан Старосквирицкой волости Царскосельского уезда

(Петроградская губ.) вместо волостного правления был избран Временный народный комитет из шести человек «для ведения дел и поддержания порядка» [2, с. 146]. Сравнительно ярко элемент стихийности был представлен также в процессе создания «комитетов безопасности» в неземских губерниях, а также на промышленных предприятиях, по решению собраний рабочих различных цехов.

Общественные исполнительные комитеты чаще всего воспринимаются как олицетворение политического «центра». Заметим, что этот так называемый «центристский» лагерь был весьма пестрым по своему социальному составу, по уровню культуры, по характеру социальных интересов, тесно увязывавшихся с вопросом о перспективах революции и о конструировании новой власти в центре и на местах.

Рассмотрим социальный состав исполкомов общественных организаций на нескольких примерах центрального региона и провинции. 1 марта 1917 г. в Москве состоялось общее собрание, на котором был избран Комитет московских общественных организаций. Он вобрал в себя «150 лиц из гласных думы, представителей земства, союзов, санитарных попечительств, профессиональных союзов, кооперативов и рабочих» [11. Д. 168. Л. 45]. Из их среды надлежало избрать исполком Комитета «по трем куриям, по 5 человек от каждой: I курия – рабочая; II курия – цензовая и III курия – демократических организаций, представителей кооперативов, служащих, свободных профессий и прочих» [17, с. 270]. Таким же был состав и многих других губернских общественных исполнительных комитетов. Например, на совещании представителей общественно-политических организаций и учреждений г. Оренбурга, состоявшегося 2 марта 1917 г., было решено сформировать исполнительный комитет из членов управы, городской думы, представителей кооперативов, рабочих и крестьян [5, с. 37]. В Омске Временный коалиционный комитет был сформирован по инициативе местной городской думы в ночь на 3 марта 1917 г. В него вошли «представители Военно-промышленного комитета, Союза городов, губернского Биржевого комитета, Омского отдела Московского Общества сельского хозяйства и группы с[оциалистов].-р[евolutionонеров], товарищества потребительных кооперативов,

гласные Городской думы, представители рабочих гор. Омска, местного совета присяж[ных] поверенных и Омской железной дороги» [11. Д. 168. Л. 1]. Образованный 3 марта Костромской объединенный комитет общественной безопасности включил в свой состав 24 человека: треть мест принадлежала гласным земства и городской думы, треть – представителям совета рабочих депутатов и еще треть – представителям солдат местного гарнизона и совета крестьянских депутатов [6. Л. 5].

Общественные исполнительные комитеты в уездах также формировались на широкой коалиционной основе. В некоторых случаях их социальный состав напоминал губернский. Так, Гдовский уездный комитет общественной безопасности Петроградской губ., сформированный 5 марта на митинге жителей Гдова, солдат гарнизона и крестьян ближайших сел, состоял из 5 горожан, 5 крестьян, 6 солдат и 2 офицеров [2, с. 45]. Это происходило в тех случаях, когда исполком лишь номинально считался уездным, но не включал в себя на пропорциональной основе представителей волостей. Если же комитет избирался на уездном съезде с участием представителей волостей, то в нем преобладающие позиции занимали крестьяне. Так произошло, например, в Бугульминском уезде Самарской губернии. На уездном съезде 9 апреля 1917 г. был избран уездный комитет, в котором большинство мест (76 из 89) принадлежало представителям волостей [5, с. 82]. В целом же каких-либо определенных норм представительства разных социальных групп, общественных и политических организаций в исполкомах не существовало. Формирование состава комитетов происходило, как правило, в результате обсуждения, согласования разных предложений и выработки на базе этого компромиссного решения. Так, при формировании Нижегородского исполнительного комитета днем 2 марта 1917 г. рабочим было предложено 20 мест, но они потребовали «по одному месту на каждую 1000 рабочих, причем от предприятий от 300 рабочих тоже одни представитель», что в общей сложности должно было дать рабочим около 40 мест. В итоге в Нижегородском исполкоме оказалось (с учетом рабочих вагонных мастерских, представителей больничных касс отдельных предприятий и др.) 28 рабочих [8, с. 42].

В целом довольно пестрый социальный состав губернских и уездных исполкомов может оцениваться двояко. Он был приемлем на стадии «отрицания» старой власти и выполнения задач контроля над теми ее элементами, которые не были пока упразднены, но едва ли был пригоден на следующем этапе, когда нужно было закреплять достигнутое и определять перспективы дальнейшего развития общества и государства. Определенную тревогу по этому поводу удачно выразил один из современников в своей дневниковой записи от 5 марта 1917 г.: «Обыватель успешно организуется – лишь бы скоро это не надоело» [12. Л.40].

В качестве председателей исполкомов выступали, как правило, руководящие деятели местных органов самоуправления. Так, председателем Обывательского комитета г. Юрьева-Польского (Владимирская губ.) был городской голова Овсянников [11. Д. 168. Л. 12], председателем Владимирского губернского временного исполнительного комитета, принявшего на себя управление городом и губернией, был избран председатель губернской земской управы, кадет С.А. Петров, а его заместителями («товарищами») – октябрист Н.Н. Сомов (городской голова), меньшевик И.А. Лапшин, кадеты Г.Г. Козлов и Н.Н. Овчининский [19, с. 17]. В качестве председателей могли выступать также общественные деятели, проявлявшие большую активность и пользовавшиеся доверием местного населения. Московский временный исполнительный комитет возглавил член ЦК кадетской партии Н.М. Кишкин [11. Д. 168. Л. 45]. Председателем Саратовского общественного исполнительного комитета 3 марта стал присяжный поверенный, депутат I Государственной думы кадет А.А. Токарский [18, с. 9]. Из четырнадцати членов этого исполкома 6 мест принадлежало кадетам, 4 – народным социалистам, 2 – меньшевикам и еще 2 – большевикам [16, с. 88].

В целом обращает на себя внимание то, что в руководящем звене общественных исполнительных комитетов прочные позиции занимали, прежде всего, кадеты. В то же время в ряде мест к руководству общественными исполнительными комитетами пришли представители социалистических партий. Например, большинство в Нижегородском губернском исполнительном комитете, образован-

ном 1 марта 1917 г., оставалось за правыми эсерами [15, с. 69–70]. Образовавшийся 5 марта 1917 г. Гражданский исполнительный комитет Терской области возглавил эсер К. Мамулов. В окружных исполкомах Терской области также немало было представителей «мелкобуржуазных» партий, в частности Осетинский гражданский комитет возглавлял меньшевик-интернационалист С. Такоев [10, с. 34–35]. В Белебее, Хабаровске, Якутске и некоторых др. городах председателями исполкомов общественных организаций стали в начале марта 1917 г. большевики (соответственно М.И. Котомкин, А.И. Малышев и Г.И. Петровский) [5, с. 49]. Во многих комитетах представители различных политических партий и организаций тесно сотрудничали друг с другом. Это было связано с широким демократическим составом самих исполкомов, а также с некоторым смягчением общественных противоречий в стране в условиях победы Февральской революции.

Итак, рассмотрение истории создания общественных исполнительных комитетов после победы Февральской революции 1917 г. позволяет сделать следующие выводы. Данные органы стали продуктом возросшей активности широких слоев местного населения, стремившихся закрепить успехи революции и воспрепятствовать силам контрреволюции. Однако формирование этого «народного фронта» не было сугубо стихийным явлением. Центрами притяжения политически активного населения могли быть разные организации и силы, но решающую роль сыграли все же земства и городские думы. Они обладали известностью среди местного населения, необходимыми материальными ресурсами и, наконец, заинтересованностью в поддержании порядка на местах. Учитывая достаточно пестрый социальный состав исполнительных комитетов и решающую роль в их формировании не партийных структур, а общественных организаций и отдельных социальных групп местного населения, правомерно говорить о надпартийном составе «народного фронта» в начале весны 1917 г. В условиях нерешенности в стране целого ряда проблем, при отсутствии сколько-нибудь внятной и определенной политической платформы общественные исполнительные комитеты оказывались весьма непрочным образованием и не имели возможности длительное время быть центром объединения общественных сил на местах.

Список литературы

1. Бабилова Е.Н. Двоевластие в Сибири. – Томск, 1980.
2. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии (1917–1918). Очерки и документы. – Л., 1972.
3. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий: в 4 т. Т. 1. – М., 1957.
4. Власть и реформы. От самодержавия к Советской России. – М., 2006.
5. Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.). – М., 1992.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1788. Оп. 2. Д. 107.
7. Земское дело. – 1917. – № 7.
8. Материалы по истории революционного движения. Т. 3 / под ред. В.Т. Илларионова. – Н.-Новгород: Издание Нижегородского губкома РКП(б), 1922.
9. Николаев А.Б. Административные реформы 1917 года // Административные реформы в России: история и современность / под общей ред. Р.Н. Байгузина. – М., 2006.
10. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии / под ред. А.И. Мельчина. – Орджоникидзе, 1973.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 152. Оп. 4.
12. ОР РНБ. Ф. 503. Д. 311.
13. Петровский Г.И. Избранные произведения. – М., 1987.
14. Пименова Э.К. Дни великого переворота: Очерки Великой Русской Революции. – Пг., 1917.
15. Соборнов П.Е. Структура управления и общественно-политические организации Нижегородской губернии в марте-октябре 1917 года: проблемы формирования и взаимоотношений. – Дисс. ... канд. ист. наук. – Н.-Новгород, 2006.
16. Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. – М., 1987.
17. Февральская революция. 1917: Сб. документов и материалов. – М., 1996.
18. Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. 1917–1918 гг. / отв. ред. Г.А. Герасименко. – Саратов, 1968.
19. Шаханов Н. 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. – Владимир, 1927.

Из истории чистки госаппарата 1929–1932 гг. Чистка Наркомата труда СССР

Чистка госаппарата 1929–1932 гг. проходившая как кампания борьбы с бюрократизмом, стала «прелюдией» массовых репрессий 1937–1938 гг., названных в историографии «Большой чисткой». Именно в ходе чистки госаппарата 1929–1932 гг. вырабатывались и шлифовались методы сбора «компромата», а материалы, собранные комиссиями в ходе чистки служили основой для будущих обвинений в принадлежности к «врагам народа». В ходе чистки НКТ СССР, прошедшей на начальном этапе, взаимосвязь этих двух, на первый взгляд, не связанных друг с другом событий наиболее ощутима.

The cleaning of the state system 1929–1932 years was made as the company of struggle with the bureaucratism was the “prelude” of mass repressions of 1937–1938 years, that was named in historiography “The great cleaning”. Exactly during the cleaning of the state system 1929–1932 years were worked out and grinded the methods of gathering of «compromat», and the materials, collected by the commissions during the cleaning were the base for the future accusations in the belonging to “the enemy of people”. During the cleaning of NKT USSR, which was held on the initial stage, the intercommunication of this two, from the first sight not connected with each other events was mostly felt.

Ключевые слова: чистка, бюрократизм, НКТ СССР; компромат, кампания, госаппарат, массовые репрессии, «враги народа».

The key words: the cleaning, the bureaucratism, NKT USSR, compromat, the company, the state system, mass repressions, «the enemy of people».

С началом переосмысления отечественной истории советского периода самой популярной стала тема массовых репрессий 1937–1938 гг. Однако понять механизмы функционирования репрессивного аппарата в этот период нельзя без исследования процессов происходивших в конце 20-х гг. прошлого столетия.

* **Киселева Екатерина Львовна**, аспирант, Институт Российской истории Российской академии наук (Москва).

Одним из мероприятий «наступления социализма по всему фронту» стала чистка государственного аппарата 1929–1932 гг., которая была развернута как типичная для этого периода кампания – шумная и крикливая, которая прошла через периоды: инициирования, кульминации и затухания.

Основной задачей провозглашалась борьба с бюрократизмом. В рамках этой борьбы предполагалось решить проблемы «улучшения личного состава госаппарата» и сокращение его численности.

Генеральная чистка была организованной сверху кампанией, создающей видимость широкой поддержки снизу со стороны трудящихся и массового участия трудовых коллективов. Чистки не были случайным явлением, а были логическим следствием политической и социальной ситуации в стране, сложившейся к тому времени.

Одной из предпосылок генеральной чистки стало нагнетание особой идеологической обстановки и формирования «образа врага», как внутреннего, так и внешнего, который якобы активно воздействовал на процессы, происходившие в стране.

Истерия, связанная с возможной угрозой нападения на СССР, сопрягалась с необходимостью борьбы против тех, кто был против ускорения темпов социалистического строительства. Это положение легло в основу организации чистки, когда проводилась проверка того, как и каким образом сотрудники наркоматов участвовали в подготовке первого пятилетнего плана. В действиях тех, кто реально оценивал возможности развития той или иной отрасли, усматривали преступные намерения снизить темпы социалистического строительства.

На «вредителей» сваливались все неблагополучия и «перекося» в экономике. Задача состояла в том, чтобы в целом признавая существующие недостатки, направлять общественное мнение в нужное русло и главная роль здесь отводилась именно периодической печати. Для объяснения тех или иных кризисных явлений всегда находились объективные причины, только с устранением которых проблема могла бы быть решена.

«Гордиев узел» экономических и внешнеполитических проблем в свою очередь генерировал внутрипартийную борьбу, которая во

второй половине 1920-х гг. обострилась до предела. Разгром и «линчевание» различного рода уклонов от генеральной линии партии стало событием почти обыденным.

Начало «генеральной чистке» госаппарата 1929–1932 гг. было положено постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 июня 1929 г. «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций», в котором органам РКИ предоставлялось право выносить постановления о запрещении службы лицам, чья деятельность «безусловно вредит интересам рабочего класса», обязательные для всех учреждений, кооперативных и общественных организаций (ст. 313 [11]). Задачи чистки, порядок и методы ее проведения определялись «Инструкцией НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата», утвержденной на объединенном заседании Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ СССР и РСФСР в начале мая 1929 г. и одобренной СНК СССР [10. Оп. 1. Д. 79. Л. 73; 2].

Согласно инструкции все вычищенные делились на три категории.

К первой категории относились те лица, оценка работы которых показывала «абсолютную невозможность их исправления». Они лишались права работать в советском аппарате, права на выходное пособие, пособие по безработице и права на пенсию, а также брались биржами труда на особый учет.

Ко второй категории были отнесены те, «кто еще может исправиться, но которых вредно оставить в данном учреждении». На практике для работников центрального аппарата это означало смену места жительства и работу на периферии.

Третью категорию составляли те, которых, по мнению комиссии, «нецелесообразно использовать на ответственных должностях» [10. Оп. 1. Д. 79. Л. 73; 2]. Предполагалось, что «вычищенные» начальники, обладающие опытом и знаниями, останутся в аппарате на технической работе при выдвиженцах.

Для непосредственного руководства и проведения чистки была создана сеть комиссий, в основу которых был положен иерархический принцип: республиканские, областные, краевые окружные, комиссии в учреждениях. Вершиной этой иерархической лестницы

была Центральная комиссия по чистке советского аппарата при НК РКИ СССР, состав которой был утвержден 3 июня 1929 г. Условное разделение служащих на категории и обтекаемость формулировок, перешедшая из многочисленных проектов инструкции, создавали условия для применения последних в зависимости от тех или иных обстоятельств.

Согласно «Инструкции по проверке и чистке советского аппарата» Народный комиссариат труда СССР (НКТ СССР) и его органы «как наиболее связанные в своей повседневной работе с широкими массами трудящихся», также подлежали первоочередной проверке.

По данным ЦСУ СССР органы НКТ СССР занимали третье место после органов РКИ и НКФ СССР по числу работающих там до-революционных служащих [1, с. 60–61].

Чистка органов труда, по сути, началась еще в конце 1928 г., когда по инициативе ЦК ВКП (б) была проведена проверка ответственных работников наркоматов труда СССР и РСФСР, а также Цустраха СССР и Главсоцстраха РСФСР. Она выявила «неудовлетворительность состава работников этих учреждений», заключающуюся в низком проценте рабочих в аппарате и значительном количестве среди беспартийных бывших меньшевиков, бундовцев и т. п.

Для выявления «политического лица» того или иного сотрудника учреждения органы ЦКК-РКИ при помощи своих «информаторов» собирали сведения через жилтоварищества.

В фонде ЦКЧСА НК РКИ, в материалах по чистке НКТ СССР сохранились рукописные докладные записки о результатах этой работы. Рабочие следователи, как правило, использовали «сарафанное радио» и прибегали к услугам дворников. Приведем несколько характерных цитат из этих докладных записок: «Есть непроверенные слухи в том, будто она [Смирнова – Е.К.] состояла и состоит в партии социалистов-революционеров. Одно время была в качестве члена ревизионной комиссии жилтовариществ, затем подала заявление с просьбой освободить от общественной работы, так как у меня не все в порядке дома (приблизительно так)».

«Прибег к помощи дворника лишь потому, что дом принадлежит домовладельцу, которому отдан в пользование, как небольшой – проф. Щурову и дабы обследование не сорвалось».

«Обследовать не представилось возможным ввиду того, что управдома и председателя не оказалось, а дворник был пьян: с которым начал было говорить, увидел, что разговор ни к чему не приведет» [8. Оп. 1. Д. 59. Л. 61–63].

Эти записки служили источником информации и в дальнейшем – в ходе чистки.

По итогам проверки был составлен «список лиц, подлежащих замене и увольнению из центральных аппаратов органов труда» [9. Оп. 113. Д. 691. Л. 45; 5: Оп. 25. Д. 976. Л. 15–18]. «Неблагонадежным» сотрудникам под различными предлогами рекомендовалось уволиться из аппарата.

В сохранившемся заявлении бывшего сотрудника НКТ СССР Г.И. Лившица в ЦКЧСА НК РКИ СССР от 2 августа 1929 г. сообщалось: «В конце января с.г. администрация НКТ предложила мне подать заявление об уходе со службы в целях коммунизации аппарата» [8. Оп. 1. Д. 59. Л. 89].

Чистка НКТ СССР, начавшаяся в июне 1929 г. под эгидой союзного наркомата РКИ, была лишь продолжением уже идущих процессов.

НКТ СССР, являясь союзно-республиканским наркоматом, осуществлял управление в области охраны труда и регулирования его условий. В его задачи входила подготовка основных положений по вопросам организации труда, проведение мероприятий по социальному страхованию и регулированию рынка труда. В его компетенцию входила подготовка положений о разрешении конфликтов между трудящимися и работодателями и регулировании размеров заработной платы, что приобретало в условиях НЭПа особое значение.

Широкое наступление «социализма по всему фронту» и высокие темпы индустриализации поставили на передний план вопросы охраны труда и борьбы с промышленным травматизмом, а причины неудачи в решении этих вопросов виделись в личном составе аппарата НКТ СССР.

К моменту начала чистки штат НКТ СССР составлял 392 сотрудника. Аппарат наркомата из отделов: организационно-правового, административно-финансового, статистического, рынка труда, охраны труда, тарифно-конфликтного, жилищной секции, бюро надзора по трудовым делам, главного управления социального страхования. Аналогичная структура была и в республиканских наркоматах.

Как сообщалось в докладной записке по итогам чистки, более месяца комиссия «потеряла на организационную постановку, изучение методов работы и подбор участников» [8. Оп. 1. Д. 57. Л. 1]. 19 июня 1929 г. Либих обратился с письмами в Институт им. Рыкова, МГУ и Институт им. Плеханова с просьбой о выделении 2–3 студентов для работы в комиссии по чистке [8. Оп. 1. Д. 60. Л. 60; 6: Оп. 28. Д. 3052. Л. 86]. На них предполагалось возложить проверку выполнения директив сотрудниками наркомата.

В работе комиссии по чистке был задействован 41 сотрудник наркомата, преимущественно члены ВКП (б) и ВЛКСМ [8. Оп. 1. Д. 60. Л. 62, 71]. Для приема заявлений и жалоб о работе структурных подразделений и отдельных сотрудников были организованы дежурства членов комиссии. Для ведения стенограмм заседаний были привлечены профессиональные стенографистки. Результатом их кропотливой работы стал практически полностью сохранившийся комплекс стенограмм заседаний комиссии по чистке НКТ СССР, которых всего было проведено 30.

Здесь чистка действительно носила публичный характер. Наркоматы труда не входили в число учреждений, за чьими стенами прятались государственные тайны, поэтому все заседания комиссии, включая заседания, посвященные рассмотрению персональных дел сотрудников, намеченных к чистке, были открытыми. «За кулисами» оставалась лишь педантичная работа членов комиссии и рабочих бригад по выявлению различного рода компромата на сотрудников.

Правый уклон в деятельности органов труда связывали с именем народного комиссара труда, бывшего главы московской партийной организации Н.А. Углова. В опубликованной в «Правде»

редакционной статье под названием «Упорно преодолевайте сопротивление оппортунистических элементов» было упомянуто имя Н.А. Угланова, как «навязывающего свои упадочные взгляды на силы рабочего класса» [4].

Одним из первых практических мероприятий в ходе чистки союзного наркомата стал «налет» на столы и портфели сотрудников Цустреха с целью изъятия хранящихся там бумаг.

По замыслу идеологов чистки кампания должна была проводиться при активном участии трудящихся. Многочисленные собрания создавали иллюзию такого участия.

На общем собрании, посвященном чистке НКТ СССР, присутствовало 1020 человек. В комиссию и рабочие бригады по чистке были привлечены рабочие заводов «АМО», «Серп и Молот», фабрик «Красная Роза» и «Буревестник», Текстильной фабрики им. Макарова. Однако совершить «налет» или выступить на собрании было куда проще, чем разбираться в кипах бумаг или особенностях работы того или иного структурного подразделения. Один из членов рабочей бригады по чистке Цустреха рабочий-железнодорожник Н.П. Орлов писал: «Мне, как рабочему, сразу было трудно понимать и разобраться в сложном аппарате НКТруда и в той огромной работе, которую проводят работники этого комиссариата» [3]. Кроме того, «пришельцы» с заводов и фабрик зачастую вызывали негативное отношение со стороны сотрудников наркомата. В одном из номеров наркоматовской «Искры» работница Текстильной фабрики им. Макарова сообщала о следующем факте: «Когда я пришла работать в комиссию по чистке аппарата, мне пришлось по делу обратиться в секретную часть НКТ. Уходя оттуда, с непривычки, не могла открыть дверь. На вопрос «Как открыть двери мне зав. секретной частью ответил «Как сумела войти, так сумей и выйти» [8. Оп. 11. Д. 60. Л. 21].

Кульминацией чистки в учреждении была так называемая «персональная чистка», напоминая спектакль в лучших традициях 30-х гг., в ходе которой выяснялось «истинное лицо» сотрудника и определялась его дальнейшая судьба.

Наркомовская газета «Искра» со свойственным для того времени штампованным пафосом писала: «Сейчас начался разбор заявлений на отдельных сотрудников на открытых заседаниях комиссии, которые превращаются в общие собрания. На них после вскрытия нарыва выходит много гноя часто со зловонным духом» [8. Оп. 11. Д. 60. Л. 5].

«Персональная чистка» П.А. Русанова – типичный пример работы комиссии. В качестве главных обвинений ему были предъявлены: «нежелание передавать свои знания и стремление оставить их у себя» (несколько странное обвинение для уволенного «лжеспециалиста» – Е.К), а также «протекционизм», выразившийся в содействии в приеме на работу в наркомат «непролетарских элементов». Из обвинений «по существу» – невыполнение лично П.А. Русановым директивы ЦК ВКП (б) и СНК СССР «Об обеспечении жилплощадью предприятий переводимых на 7-часовой рабочий день» (ноябрь 1927 г). Кроме того, ему было указано, что он «должен все-таки понять, что он пришел к нам из другого класса». Факт, что П.А. Русанов с 1917 «служил революции» в Реввоенсовете, а с 1924 г. работал в наркомате, комиссией приняты во внимание не были. С точки зрения понимания психологической атмосферы, в которой проходила чистка, особенно на начальном этапе, интересно выступление рабочего фабрики «Пролетарий», охарактеризовавшего П.А. Русанова «прокурором, насаждающим законы царского правительства» и предложившего проводить чистку наркомовских работников на фабриках и заводах и заключительное слово самого П.А. Русанова. Приведем фрагмент из этой речи: «...Если у меня есть знания, то неужели вы меня можете заподозрить, что я не хочу поделиться своими знаниями. Товарищи, вы видите у меня седая голова, я работал не одну ночь, я работал сплошные ночи. Тов. Кушнер ездил и спрашивал тов. Енукидзе, как я работал. Если нужно так гоните и скажите, что он такой прокурор, что у него пузо и он не мог переродиться и измениться. Основа у меня товарищи какая, ведь товарищи, предки то мои не дворяне белоручки о которых говорили, ведь они работают сейчас от сохи в Курской губернии. Ведь только отец мой вышел в чиновники и меня пустил по этой части.

Ведь нельзя же говорить, если человек был прокурором, то он ничего не может понимать. Вы посмотрите и подумайте, я об этом не хотел говорить, но меня обстоятельства заставили» [8. Оп. 1. Д. 56. Л. 78]. П.А. Русанов был «вычищен» из аппарата по первой категории, как лжеспециалист.

Характерно, что в ходе чистки впервые в практику вошли ночные допросы.

На первый взгляд возникает вопрос, что же общего могут иметь массовые репрессии с административным мерам в отношении менее чем 10 % сотрудников наркомата?!

Быть вычищенным по первой категории означало потерю права работы в советских учреждениях, права на социальные пособия и пенсии. Снятые с работы по второй категории были вынуждены менять привычное место работы, а зачастую и место жительства. Для многих служащих государственного аппарата это означало не просто потерю «куска хлеба».

Сама чистка, несомненно, сопровождалась личными трагедиями и факты самоубийств, как свидетельствуют источники, были нередким, но тщательно скрываемым явлением.

В числе вычищенных по первой категории в НКГ СССР была старший статистик Отдела статистики В.В. Смирнова, уволенная с формулировкой «как антиобщественный и вредный элемент». Ее обвиняли в содержании «нелегальной кассы» и библиотеки. Сама В.В. Смирнова от выступления на заседании комиссии отказалась. И хотя по существу предъявленных обвинений сотрудники Отдела дали пояснения комиссии, сообщив, что в отделе существовала обычная касса взаимопомощи, а библиотека была создана по инициативе сотрудников [8. Оп. 1. Д. 56. Л. 110], решение комиссии не изменилось. В характеристике В.В. Смирновой в тексте заключительного протокола комиссии было записано: «Чувствуется пренебрежительное отношение к общественности, недовольна окружающей советской действительностью. Кроме того, имеются материалы, указывающие, что т. Смирнова халатно и безразлично относится к работе, ведет агитацию среди сотрудников за медленный темп работы» [8: Оп. 1. Д. 54. Л. 7]. Ни в тексте стенограммы, ни

в документах комиссии нами не было обнаружено упомянутых материалов, за исключением докладной записки информатора от 4 марта 1929 г. о том, что «по непроверенным слухам» В.В. Смирнова состояла и состоит в партии социалистов-революционеров [8. Оп. 1. Д. 59. Л. 63].

По первой категории были также уволены из аппарата НКТ СССР старший инспектор Отдела рынка труда Д.Ф. Ледеяев и инспектор Цустраха Н.Н. Остренко. Первый обвинялся в волоките при подготовке инструкции о деятельности бирж труда. «Главное» же обвинение состояло в участии в эсеровском восстании и сокрытии этой информации, а также в «вопиющем» факте «пения за оплату в хоре и даже в церкви» в 1926 г. Бывшему земскому врачу Н.Н. Остренко вменялось в вину то, что он «ничем не интересуется кроме коммерческой деятельности» [8. Оп. 1. Д. 53. Л. 28, 97; Д. 54. Л. 4, 12]. В качестве иллюстративных доказательств его антисоветских настроений, на заседании комиссии цитировались строчки из сочинения его малолетнего сына на тему: «Что дала Октябрьская Революция».

Следует заметить, что как видно из стенограмм и протоколов заседаний комиссии по чистке НКТ СССР, вопреки инструкции, «по умолчанию», принадлежность к «бывшим» служила одним из основных критериев оценки работы сотрудника, даже если в постановлении комиссии о ней не упоминалось. Шесть сотрудников – выходцев из «чуждых» классов были уволены в ходе чистки «по старости» или с формулировкой: «в порядке освежения аппарата».

В НКТ РСФСР чистка по социальному происхождению проходила под официальным лозунгом борьбы с «кустами бывших людей», узаконенной вышеупомянутой инструкцией по чистке. В Главсоцстрахе комиссией были выявлены выходцы из «эксплуататорских классов», решающие вопросы назначения пенсии, исходя из формальных признаков материальной обеспеченности, не считаясь с классовым происхождением [5. Оп. 3. Д. 1119. Л. 1–11]. Из отчета в отчет «кочевал» пример, как сотрудница НКТ РСФСР М.Н. Жемчужникова – дочь помещика добилась в аппарате назначения пенсии бывшему помещику Рожкову [5. Оп. 3. Д. 1097. Л. 25].

Объектом пристального внимания комиссии были сотрудники – бывшие члены других партий. Так в НКТ СССР был вычищен по второй категории сотрудник Отдела охраны труда, бывший меньшевик Д.И. Файнберг. Официально он обвинялся в игнорировании работы Института охраны труда, так как из его разговоров было выявлено осуществление им параллельных научных исследований по разработке цветных стекол для защиты от лучистой энергии. В документах ЦКЧСА сохранилось заявление Д.И. Файнберга наркому РКИ С.К. Орджоникидзе и секретарю ЦИК А.С. Енукидзе с просьбой пересмотреть решение комиссии. Он писал: «Устранение меня от работы по второй категории равносильно причислению меня к врагам советской республики. ... Если однако, по каким-либо причинам, вне меня находящимся (например, по мотивам орабочения аппарата) необходимо было снять меня с работы в центральном аппарате НКТ, то я готов с этим примириться, но я не могу допустить, чтобы устранение это было проведено в форме оскорбительной к тому же фактически исключаящей возможность использования меня именно в этой области в которой я работал всю жизнь» [8. Оп. 1. Д. 54. Л. 1, 49].

Судя по данным об итогах чистки по состоянию на 1930 г. решение так и не было пересмотрено.

Основанием для изменения решения комиссии могла служить «покаянная речь». В качестве примера можно привести «персональную чистку» сотрудника Отдела статистики Г.М. Гевеймана, имевшего типичную биографию молодого человека, оказавшегося в центре перипетий Гражданской войны, который находился по разные стороны баррикад, но в 1923 г. вступил в Красную Армию и стал политруком. И хотя он «до прихода комиссии» скрывал свое прошлое и был охарактеризован «как недисциплинированный и интересующийся лишь ставкой», комиссия сочла возможным, «принимая во внимание его молодость и дабы дать возможность исправить свои ошибки», уволила его из НКТ по второй категории [8. Оп. 1. Д. 53. Л. 107; Д. 54. Л. 7-8].

В ходе чистки НКТ был рассмотрен материал на 94 сотрудников. В отношении 23 сотрудников дела были прекращены. По категориям было вычищено – 25 чел., из них по 1 категории – 4; по

2 категории – 10; по 3 категории – 11. Без категорий было снято с работы 21 чел.; наложено административных взысканий – 20. Из уволенных без категорий 3 сотрудника были уволены по старости; 7 с формулировкой «в порядке освежения и орабочения»; 3 сотрудников в месячный срок предполагалось заменить коммунистами. Дела двух членов коллегии были переданы для «рассмотрения по партийной линии».

На заседании тройки ЦКЧСА НК РКИ СССР 15 октября 1929 г. были рассмотрены апелляции 22 сотрудников НКТ СССР. В 6 случаях решение комиссии было изменено. Лишь в двух случаях это касалось сотрудников, уволенных по категории, причем в обоих случаях категория была отменена [8. Оп. 1. Д. 54. Л. 12-13].

В результате чистки НКТ РСФСР было уволено из аппарата 19 чел., из них по 1 категории – 2; по 2 категории – 3; по 3 категории – 4. Без категорий было «вычищено из аппарата» – 10 человек [5. Оп. 1. Д. 1033. Л. 54 об.]. А.И. Бахутов в сентябре 1929 г. был освобожден от обязанностей наркома и «направлен на работу» в Северный край [7. Оп. 74. Д. 126. Л. 1].

Чистка послужила орудием для удаления из аппарата бюрократов «старой формации», дав мощный толчок для формирования новой советской бюрократии сталинского образца. Во многом благодаря чистке, на наш взгляд, удалось создать чиновника, который успешно существовал в условиях административно-командной системы и достаточно чутко реагировал на ее потребности.

Поэтому можно сказать, что чистка, как метод борьбы с бюрократизмом не оправдала себя. Она не только не победила советский бюрократизм, а создала благоприятные условия для его дальнейшего развития.

В ходе кампании чистки складывались и шлифовались методы быстрого сбора «необходимого компромата».

Если обратиться к кампании борьбы с «врагами народа», которая развернулась в стране в 1937–38 гг., то бросаются в глаза определенные черты сходства с тем, что уже нашло отражение в генеральной чистке: антибюрократические заклинания, «засоренность аппарата врагами народа», установка на массовое привлече-

ние трудящихся к процессу выявления и обезвреживания «врагов», правда, с куда более трагическими последствиями, чем это было на рубеже 1920–30-х гг.

С помощью электронной базы и документов ГАРФ нам удалось установить, что из 90 сотрудников прошедших чистку, в 1929 г. 10 были подвергнуты репрессиям в 1937–1938 гг., причем основу обвинений, как правило, составляли материалы, собранные в ходе работы комиссии по чистке.

Список литературы

1. Государственный аппарат СССР 1924–1928 гг. – М.: Статистическое издательство, 1929.
2. Инструкция НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата. – М., 1929.
3. Орлов Н.П. Моя работа в комиссии // Искра – орган коллективов сотрудников НКТруда. – 1929. – 22 июля.
4. Правда. – 1929. – 17 августа.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-406
6. . ГАРФ. Ф.374.
7. ГАРФ. Ф. 1235.
8. ГАРФ. Ф.8341.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.
10. РГАСПИ. Ф. 613.
11. СЗ СССР – 1929 – № 35.

УДК 94(47).084.8

А. М. Судариков *

Обеспечение охраны выдающихся ученых военно-промышленного комплекса СССР (1945–1955 гг.)

В статье раскрываются механизмы обеспечения безопасности в сфере оборонных разработок в период работы ученых СССР над изготовлением атомного оружия. Характеризуются государственные мероприятия в данной области и итоги их реализации.

* **Судариков Андрей Михайлович**, доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

The article discloses security arrangements in the sphere of defense development in the period of the Soviet scientists' works on the manufacture of atomic weapons. The author characterizes government actions in this area and the results of their implementation.

Ключевые слова: СССР, военно-промышленный комплекс, оборона, ученые, КГБ, охранительные меры, атомный проект.

Key words: USSR, industrial-military system, scientists, Committee for State Security (KGB), conservation measures, atomic project.

Подход к определению ценности крупного ученого военно-промышленного комплекса может быть двояким. Можно руководствоваться научным потенциалом, творческими и организаторскими возможностями самого ученого, то есть открытиями и технологиями, которые потенциально могут быть им осуществлены. С другой стороны, на обучение и подготовку любого выдающегося ученого-организатора в области, например, авиастроения, ракетостроения, электроники, ядерной физики, государство затрачивает огромные средства, поэтому его ценность может определяться прямыми и косвенными затратами на получение высокоэффективного научного работника.

При любом способе оценки выдающийся ученый, особенно если он владеет научными секретами в военно-технической сфере, представляет собой для государства очень большую ценность. Любая страна, в том числе и Советский Союз, осуществляет целый комплекс мер для охраны крупнейших ученых и секретов, которыми они владеют. Предпринимаемые государством охранительные меры можно условно подразделить на три уровня:

1) организация охраны на уровне территории (создание «закрытых городов»);

2) охрана на уровне отдельных научно-исследовательских учреждений и промышленных предприятий;

3) персональная охрана крупнейших ученых – организаторов атомного проекта.

В реализации атомного проекта принимали участие многие отрасли народного хозяйства, в том числе было привлечено более 20

крупнейших научных коллективов страны. Основной составляющей атомного комплекса стали закрытые режимные города, специализировавшиеся на производстве атомного оружия. Закрытые города или закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) создавались как своего рода элитарные поселения и отличались тщательно отобранным населением, привилегированным снабжением, повышенными стандартами материально-бытового обеспечения. Жизнь в закрытых городах была несравненно более комфортной, чем у большинства населения СССР, но и была подчинена многим ограничениям, связанным с режимом секретности и сохранением государственной тайны.

Организация охраны ЗАТО начиналась с выхода соответствующего Постановления СМ СССР, например, в случае Озерска (Челябинска-40), № 2938-954сс «О мерах обеспечения охраны объекта № 859 Первого главного управления при Совете Министров СССР» [4, с. 316–318]. В Постановлении, как правило, указывалось, что в целях обеспечения сохранности объекта №..., секретности его назначения и производимых на объекте работ, данный объект отнесен к особорежимным предприятиям, а район его расположения и окрестности в радиусе, например, 25 км, с входящими в него населенными пунктами отнесен к зоне с особым паспортным режимом.

Назначался начальник охраны и его заместитель; ПГУ при Совете Министров СССР, МВД СССР и МГБ СССР обязывались установить в зоне строгий режим охраны, исключив всякую возможность проникновения на объект посторонних лиц. МВД СССР обязывалось принять периметр объекта под войсковую охрану: прорубить просеки, установить двухрядное проволочное ограждение, построить вышки и караульные помещения, оборудовать освещение и связь. Для несения службы по охране объекта выделялось соответствующее количество военнослужащих, например, для охраны объекта № 550 (Арзамас-16), выделялось 1400 человек [4, с. 459].

В целях предотвращения проникновения на объект шпионов, диверсантов и других вражеских элементов, а также недопущения разглашения информации о проводимых работах МГБ СССР обязывалось организовать усиленную оперативно-чекистскую работу на

объекте №... и в районах, примыкающих к режимной зоне. В апреле 1948 г. Постановлением СМ СССР № 1130-405сс/оп «Об охране специальных объектов» в целях повышения качества охраны объектов охранявшие объекты атомной промышленности войска МВД были переданы в МГБ СССР. Войсками МГБ стали охраняться все основные объекты атомной промышленности [3. Коллекция, 1948]. Кроме того, в целях усиления режима секретности проводимых работ, обслуживания лиц и объектов, работавших по атомной программе, постановлением СМ СССР в 1947 г. были созданы специальные суды, спецпрокуратуры, спецмилиция.

Для контроля за перемещениями обитателей закрытых городов создавались бюро пропусков и военные комендатуры. Каждый житель ЗАТО имел постоянный, либо временный пропуск. Выезд из города разрешался сотрудникам по служебной необходимости, либо работникам объекта, проживающим в прилегающих к городу населенных пунктах. Работники объекта обязаны были в письменной форме докладывать о возврате в режимную зону, указывая фамилии тех, с кем они общались в частном порядке, находясь вне закрытого города. Частная жизнь горожан и их настроения подлежали тотальному контролю: силами Первого отдела (МГБ – КГБ) прослушивались телефонные разговоры, отслеживались темы и содержание бесед в неформальной обстановке, просматривалась личная корреспонденция. В работе по предотвращению проникновения агентуры иностранных разведок Первый отдел опирался на поддержку населения ЗАТО. Представители Первого отдела вербовали осведомителей как из числа работников основного производства, так и среди жителей города. Осведомители следили за разговорами не только в городе, но и вне его, например, во время командировок и отпусков [8, с. 53]. Подобная многоуровневая слежка и тотальный контроль позволяли в значительной степени обеспечить безопасность ведущих ученых.

В 1945–1953 гг. для контроля за обеспечением режима секретности, оперативного решения возникающих режимных вопросов, в том числе и связанных с охраной, выработки по этим вопросам предложений для руководителей Спецкомитета № 1, Правительст-

вом использовался «Институт уполномоченных Совета Народных Комиссаров СССР» на каждом ядерном предприятии и в каждом научном учреждении [3. Коллекция, 1948]. Обычно в этом качестве выступали генералы НКВД, которые работали в тесном контакте с директорами учреждений. В функции уполномоченных входило сообщать Л.П. Берии обо всем происходящем в учреждениях и оказывать помощь в организации работ. НКВД (МГБ, КГБ) был обязательным элементом в управлении проектом: отвечал за безопасность, обеспечивал рабочую силу для атомной индустрии и урановых шахт, поддерживал режим секретности. Уполномоченные СНК, затем СМ СССР, были наделены большими правами и фактически они несли ответственность за организацию режима секретности проводимых работ.

Постановление СНК СССР № 523-315сс «Об уполномоченных Совнаркома Союза ССР при важнейших научно-исследовательских институтах и лабораториях» от 8 марта 1946 г. обязало уполномоченных СНК СССР в 10-дневный срок представить в СНК СССР мероприятия по организации охраны соответствующих институтов и лабораторий, а также свои предложения о штатах охраны и сотрудников [3. Коллекция, 1946]. 20 апреля 1946 г. Постановление СМ СССР № 893-375с «Об уполномоченных СМ СССР при важнейших научно-исследовательских институтах и лабораториях АН СССР» [3. Коллекция, 1946] утвердило штаты сотрудников и мероприятия по охране важнейших научно-исследовательских институтов и лабораторий Академии наук СССР. Постановление вводило комендатуру охраны, которая подчинялась непосредственно уполномоченным СМ Союза ССР при указанных институтах и лабораториях. Комендатура охраны организовывалась в соответствии с особыми условиями институтов и лабораторий. Охрана НИИ и лабораторий осуществлялась по единому Положению и инструкциям, разрабатываемым Управлением войск МВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности и Управлением охраны № 2 МГБ СССР совместно с уполномоченными СМ СССР при этих институтах и лабораториях. Штат охраны при важнейших институтах АН СССР устанавливался в количестве 17–22 человек, например, по Радие-

вomu институту – комендант 1, дежурный комендант 1, вахтеров 20; по Лаборатории № 2 численность вахтеров составила 120 человек.

В 1946 г. была введена «Инструкция для исполнителей работ», в которой излагались их обязанности. В августе 1947 г. всем исполнителям под расписку был объявлен Указ Президиума Верховного совета СССР от 9 июня 1947 г. « Об ответственности за разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих государственную тайну» [5. № 20, с. 1].

В связи с организацией Министерства среднего машиностроения (МСМ) и изменившейся оперативной обстановкой постановлением СМ СССР от 21.08.53 г. на объектах МСМ был ликвидирован институт уполномоченных СМ СССР, но заметно увеличилось количество объектов, где должности заместителей директоров по режиму подлежали замещению офицерами действующего резерва КГБ СМ СССР. Офицеры КГБ из оперативных работников назначались на должности начальников наиболее важных подразделений атомных объектов, а также центрального аппарата МСМ [10, с. 118].

Ответственным за соблюдение режима секретности и безопасности на атомных объектах осенью 1945 г. был назначен генерал-лейтенант П.Я. Мешик [2. Оп. 47. Д. 26. Л. 17]. На советский атомный проект легла такая густая «маскировочная сеть», что вплоть до взрыва 29 августа 1949 г. разведывательные органы США считали, что до создания атомного оружия в СССР остается как минимум семь лет. П.Я. Мешик оберегал атомные секреты так, что до 1955 г. аналитики ЦРУ гадали, каков атомный арсенал СССР. Фактически же до начала серийного производства атомных бомб в 1955 г. у Советского Союза не было атомного арсенала. Генералу П.Я. Мешиху удалось добиться высочайшего результата: ни одной серьезной утечки информации с атомных объектов, на которых работали десятки тысяч людей, не было [9, с. 233]. Не известны и случаи нанесения ущерба безопасности ведущих ученых.

В феврале 1947 г. в ПГУ было утверждено «Временное положение по режиму и охране объекта № 550» [7. Оп. 1. Д. 148. Л. 13]. Согласно этому документу, начальнику КБ-11 в целях установления твердой дисциплины среди всего населения в части выполнения

требований секретности предоставлялись дисциплинарные права командира дивизии. Получалось, что все проживающие в зоне объекта становились как бы «рядовыми» этой дивизии, что предполагало их неукоснительное подчинение своему командиру. Запрещался прием на работу в КБ-11 без соответствующей проверки будущего работника через систему органов госбезопасности.

В 1947 г. по инициативе Л.П. Берия была организована персональная охрана ведущих научных работников. Первоначально охраняли И.В. Курчатова, Л.А. Арцимовича, И.К. Кикоина, Ю.Б. Харитона. Целью охраны было обеспечить безопасность ведущих ученых при их передвижении по городу и при выездах за пределы Москвы. Охрана осуществлялась сотрудниками МГБ СССР путем введения их в штаты Лаборатории № 2 и КБ-11 под видом личных секретарей (по два сотрудника на каждого) [З. Д. 25/47. Л. 104]. Постановлением СМ СССР № 1254-445сс/оп «Об охране и оперативно-чекистском обслуживании ведущих ученых, работающих в области атомной энергии» к охраняемым ученым добавили А.И. Алиханова, А.П. Александрова и Н.Н. Семенова. Кроме того, штат охранников увеличили до 3 сотрудников МГБ СССР на каждого из вышеперечисленных научных работников [З. Коллекция, 1949]. По воспоминаниям В.Б. Адамского телохранители Ю.Б. Харитона «были представительные, физически сильные и даже красивые мужчины, державшие себя подчеркнуто вежливо и официально» [1, с. 277]. Во время работы на термоядерным оружием телохранители были приставлены также к Я.Б. Зельдовичу и А.Д. Сахарову.

Отношения с телохранителями у охраняемых складывались по-разному. Например, телохранители И.В. Курчатова и Ю.Б. Харитона были как бы на положении членов семьи, а Я.Б. Зельдович очень тяготился ими, не был в восторге от присутствия «секретарей» и А.Д. Сахаров.

По данным В.Ф. Некрасова И.В. Сталин запретил научному руководству атомного проекта летать на самолетах во избежание всяких случайностей [6, с. 320]. В распоряжение Лаборатории № 2 был предоставлен специальный салон-вагон для выездов И.В. Курчатова, Л.А. Арцимовича и И.К. Кикоина на объекты ПГУ при СМ СССР,

находящиеся вне Москвы [З. Д. 59/46. Л. 74, 75]. Позднее такой же специальный вагон был выделен и КБ-11 для поездок Ю.Б. Харитона.

Тотальность контроля и жесткость режима были продиктованы общей ситуацией и той сверхзадачей, которая была поставлена руководством страны перед работниками атомной отрасли. Советская атомная бомба должна была стать полной неожиданностью для Запада, особенно для США, которые пребывали в эйфории от собственной монополии на новое оружие.

Проводившиеся в прошлом охранные и контрразведывательные мероприятия, а также режимно-секретные меры по обеспечению безопасности ведущих ученых атомного проекта не следует оценивать с позиции сегодняшних представлений о правах, свободах, моральных и духовных ценностях. Проблема решалась в другой исторической эпохе: в обстановке всенародной освободительной войны с немецко-фашистскими агрессорами, а также в годы противостояния двух мировых систем (в период «холодной войны»).

Исследование документов Первого главного управления приводит к выводу, что наряду с решением многочисленных и чрезвычайно сложных научных, технических, экономических, кадровых и других вопросов необходимо было осуществить ряд мер по обеспечению строгой секретности проводимых и предстоящих работ, не допустить проникновения агентуры противника на объекты ВПК, предупредить возможную утечку информации о состоянии научных исследований и полученных результатах, о строительстве атомных объектов и их дислокации. Основной задачей заместителя начальника ПГУ по режиму П.Я. Мешика стало обеспечение полной секретности работ, охрана объектов и ученых, формирование кадров. П.Я. Мешик являлся также организатором закрытых зон, городов и поселков и режима проживающих в них работников атомной промышленности. Анализ ставших доступными документов показывает, что отечественные спецслужбы полностью выполнили задачи по обеспечению секретности, и американская разведка до проведения первого атомного испытания практически не имела достоверных сведений о советском атомном проекте.

Список литературы

1. Адамский, В.Б. Научный руководитель ядерно-оружейной программой России // Юлий Борисович Харитон: Путь длиною в век. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
2. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3.
3. АП РФ ф. 93.
4. Атомный проект СССР: документы и материалы / под ред. Л.Д. Рябева. – Т. 2. – Атомная бомба. 1945–1954. – Кн. 3. – М.: – Саров: Наука, 2002.
5. Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. – 1947
6. Некрасов В.Ф. НКВД-МВД и атом. – М.: Кучково поле, 2007.
7. Отдел фондов научно-технической деятельности Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (ОФНТД ВНИИЭФ). Ф. 1.
8. Режимные люди в СССР / отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 2008.
9. Топтыгин А.В. Неизвестный Берия. – СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
10. Хапаев В. Из истории контрразведывательного обеспечения создания ядерного оружия / Лубянка: обеспечение экономической безопасности государства: сб. – 2-е изд. – М.: Моя Россия; Кучково поле, 2005.

УДК 94(4)"375/1492"

*С. Н. Травкин **

О некоторых попытках модернизации монетной чеканки на территории Юго-Восточной Европы в Средние века

Интересным примером попыток модернизации монетной чеканки было Молдавское княжество в XVI и XVII вв. В это время монетная чеканка Молдавии переживала кризис. Было сделано несколько попыток ее модернизации по образцу денежных систем соседних государств. Все они потерпели провал в связи с нехваткой ресурсов и отсутствием политической стабильности.

Moldavian principality in the XVI and XVII centuries was an interesting example of attempts to modernize the coin minting. At this time, coinage minting of Moldova was facing a crisis. Several attempts to modernize the coin minting on the model of monetary systems of neighboring states were made. All of them failed due to lack of resources and political stability.

Ключевые слова: Акче, археология, Венгрия, грош, денарий, денежное обращение, клад, мангыр, модернизация, Молдавское княжество, монета, монетная чеканка, нумизматика, Османская империя.

Key words: Akche, archeology, Hungary, grosz, denarius, currency, treasure, mangyr, modernization, the Moldavian principality, coin, stamping of coins, numismatics, the Ottoman Empire.

В начале XXI столетия в исторических исследованиях все большее значение приобретают данные вещественных источников. Они значительно дополняют данные письменных источников. В связи с этим возросла роль исторических дисциплин, непосредственно изучающих подобного рода источники. В предлагаемой статье де-

* **Травкин Сергей Николаевич**, кандидат исторических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

лается попытка сделать некоторые наблюдения над особенностями исторического процесса в Юго-Восточной Европе на основе данных археологии и нумизматики.

В современной культурной традиции понятие «модернизации» носит преимущественно (если не исключительно) положительный характер. Однако необходимо отметить, что ситуация в данном вопросе была значительно более сложной. Попытки модернизации часто носили противоречивый и неоднозначный характер. В ряде случаев преобразования могли привести к нулевым или негативным результатам. Подобная ситуация могла быть вызвана как ошибками в ходе реформ, так и нехваткой средств. Наиболее негативные последствия преобразования имели в том случае, когда они поспешно проводились в эгоистических интересах правящей элиты, без учета объективной реальности, соотношения сил и имеющихся в государстве ресурсов. При этом данные вещественных источников, в том числе монетных находок, часто отражают те события, которые игнорировали официальные летописи и документы. Археологические раскопки и нумизматика часто разрушают красивую сказку о «мудрых» и «добродетельных» правителях.

Монетное обращение всегда было одним из наиболее динамичных элементов культуры. Политические и экономические перемены могли полностью и очень быстро изменить всю структуру денежной массы на той или иной территории. Все эти изменения нашли свое отражение в составе нумизматических и археологических материалов.

В период Средних веков государства Восточной Европы были вынуждены неоднократно проводить модернизацию своей денежной системы в погоне за меняющимися реалиями времени. Одним из периодов подобных преобразований и экспериментов в Восточной Европе стали XVI и XVII вв. Объясняется это той обстановкой, которая сложилась в европейской экономике и политике на рубеже Средних веков и Нового времени.

С конца XV–XVI вв. началось формирование мировой капиталистической системы. Рынки, до этого времени раздробленные и изолированные, стали объединяться в единый хозяйственный ме-

ханизм. [25, с. 65–66] В сфере денежного обращения это привело к революции цен в XVI и XVII вв. В это время произошло относительно быстрое увеличение денежной массы и обесценивание реальной стоимости самих денег. Причины этого процесса во многом остаются весьма спорными, но итоговый результат может считаться несомненным [22, с. 95–104].

Переворот в сфере экономики сопровождался значительными сдвигами в политической жизни. Происходило увеличение размера государств за счет присоединения более слабых и мелких. Наступила эпоха формирования империй.

Одновременно со всеми этими процессами происходило изменение состава денежной массы. Наибольшее распространение получили монеты тех государств, которые в максимальной степени выиграли от перемен, которые произошли в экономике и политике. Денежные знаки более сильных держав активно вытесняли из обращения разнообразные номиналы мелких княжеств и просто неудачливых соперников. Происходил своеобразный «естественный отбор» наиболее жизнеспособных денежных систем.

Подобная ситуация вызывала вполне понятное недовольство проигравших стран. Они осуществляли лихорадочные попытки модернизации своей монетной системы с целью увеличения ее жизнеспособности.

В истории России среди других преобразований денежной системы вероятно наибольшей известностью пользуется реформа, проведенная в правление царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.). Эта реформа нашла свое отражение не только в документах, но и в культурном слое русских городов [13, с. 128–129; 11, с. 183–184; 23, с. 114–119; 24]. В данном случае преобразования в сфере денежного обращения привели к тяжелым экономическим и политическим последствиям. Своеобразным итогом этой реформы стало восстание посадского населения Москвы в 1662 г. В конечном итоге правительство было вынуждено признать провал реформы и аннулировать ее результаты [23: 124]. В связи с этим необходимо отметить, что подобная ситуация не была уникальной для стран Восточной Европы конца Средних веков и начала Нового времени.

Типичным примером может служить судьба монетной чеканки в Молдавском княжестве XVI и XVII вв.

Первые молдавские монеты были выпущены в правление господаря Петра I Мушата (1373–1392 гг.) [6, с. 20; 31, с. 25–33]. Вопрос о возможности появления более ранних монетах данного княжества остается спорным [3, с. 183]. На протяжении XIV и XV вв. молдавские монеты играли заметную роль на денежном рынке княжества, в том числе и на его восточной периферии к востоку от реки Прут [8, с. 35–39]. Подобная ситуация была естественным последствием активного и относительно стабильного притока в обращение новых молдавских денежных знаков.

В XIV и XV вв. происходила достаточно массовая и систематическая чеканка общегосударственных монет Молдавского княжества [29, с. 43–80]. Особо важно отметить то, что данный период активной монетной чеканки включал в себя и годы правления Стефана III Великого (1457–1504 гг.) [29, с. 78–80].

Деятельность монетного двора во второй половине XV и начале XVI вв. продолжалась, хотя в эти годы Молдавия была вынуждена последовательно воевать почти против всех своих соседей. Стефан III разгромил войска Венгрии, Польши и Османской империи. Победы были достигнуты ценой максимального напряжения всех сил относительно небольшого княжества, однако это не отразилось на качестве и размерах монетной чеканки [5, с. 408].

Представляется необходимым отметить то, что молдавская денежная система в XIV – начале XVI вв. была связана с монетной чеканкой соседних стран, но отличалась достаточной степенью оригинальности. Это относилось как к структуре денежной массы, так и к особенностям оформления монет.

Основными молдавскими номиналами XIV–XV вв. были двойной грош, грош и полугрош. Формально все они были серебряными монетами, но фактическое содержание драгоценного металла значительно менялось в правление различных князей в зависимости от политической и экономической ситуации в княжестве. Последним господарем, который выпускал монеты из металла высокого качества, был Стефан III Великий [3, с. 184–198].

Оформление молдавских монет менялось в зависимости от политической ситуации и художественной моды. Однако наиболее распространенным было то сочетание основных элементов изображения, которое появилось на монетах Молдавского княжества еще при Петре I Мушате. Данное изображение на молдавских монетах служило своеобразным стандартом весь период с XIV по XVI вв.

На одной стороне монеты была изображена голова быка с большими рогами. Согласно первоначальной версии, которая объясняла данное изображение, это была голова тура (дикого лесного быка). Данный сюжет был основным на монете, так как постепенно стал символом и государственным гербом Молдавского княжества. Это главное по значимости изображение сопровождали солнце, полумесяц (луна) и розетка. На другой стороне располагался геральдический щит. В первоначальном варианте щит был разделен вертикальной линией на две части. В первом поле были изображены три геральдические балки, а во втором цветки лилии (количество их могло меняться в разное время даже на монетах одного и того же господаря). На номиналах некоторых господарей на щите присутствовало изображение двойного креста. Основное изображение часто усложнялось дополнительными элементами. Однако значительные отступления от этого преобладавшего стандарта были относительно редкими [29, с. 43–80].

В дополнение к общегосударственным номиналам в Молдавском княжестве XV в. выпускались в обращение городские монеты малого достоинства. Они использовались в качестве разменных номиналов и обслуживали только местный (городской) рынок. Центром их производства стал Белгород (Четате Албэ, Аккерман) в устье Днестра [27, с. 318–335]. Появление этих монет было своеобразным доказательством высокого уровня развития товарно-денежных отношений в княжестве. Одновременно с этим чеканка монет в пограничном городе для насыщения местного обращения была подтверждением финансовых ресурсов Молдавского средневекового государства в XV столетии.

Дальнейшее нормальное развитие монетной чеканки в Молдавском княжестве было прервано турецкой агрессией против стран

Юго-Восточной Европы во второй половине XV и XVI вв. В 1484 г. войска султана Баязида II (1481–1512 гг.) захватили главные портовые города Молдавского княжества: Килию на Дунае и Белгород на Днестре [10, с. 9–19]. В результате этого события Черное море на долгое время превратилось в «Турецкое озеро» [17, с. 33].

Военные завоевания нанесли существенный урон экономике княжества, однако еще более пагубными для развития хозяйства и культуры народов Юго-Восточной Европы были длительные последствия Османского ига. Подчинение Османской империи не освобождало от военной угрозы со стороны воинов Ислама. Турецкие и татарские отряды, опираясь на захваченные крепости, неоднократно осуществляли грабительские походы на территорию дунайских княжеств (Валахию и Молдавию) [26, с. 34, 171, 172]. Одновременно с этим выплата дани, подарков и взяток Стамбулу или местным турецким чиновникам привели к массовому оттоку драгоценных металлов из княжества [9, с. 132–134]. Все это самым негативным образом сказалось на обеспеченности монетных дворов серебром и соответственно на монетной чеканке.

В первой четверти XVI в. чеканка молдавских монет еще продолжалась при господарях Богдане III (1504–1517 гг.) и Стефане IV (1517–1524 гг.). Однако качество металла в монетах этих князей уже значительно снизилась [3, с. 198–200]. В более позднее время систематическая чеканка оригинальных молдавских монет была прекращена.

В XVI и XVII вв. на денежном рынке Молдавского княжества стали полностью господствовать чеканки иноземных государств [9, с. 255–266]. Одновременно с этим общее количество монет, которые находились в обращении на территории княжества, значительно увеличилось. Об этом свидетельствует возросшее число нумизматических материалов, прежде всего тезавраций [16, с. 92–130; 32, с. 254–260]. Подобная нумизматическая ситуация соответствовала политическим реалиям этого времени.

Молдавия из независимого государства превратилась в вассала и данника Османской империи [12, с. 8]. Она потеряла выход к Черному морю и оказалась в стороне от новых маршрутов крупной

международной торговли. Однако данное положение не устраивало правящую элиту княжества. Правители Молдавии несколько раз пытались восстановить монетную чеканку в княжестве. Возобновление монетной чеканки в княжестве диктовалось не только экономическими, но и политическими интересами правящей элиты.

Характерной особенностью этих попыток было то, что все они сопровождались «модернизацией» денежной системы по иностранному образцу. Нехватка ресурсов (прежде всего запасов серебра) заставляла копировать те монеты, которые были уже известны населению и пользовались у него доверием. Дополнением к этому служило политическое влияние со стороны наиболее могущественных соседей Молдавии. Проблема состояла в том, что в разное время на рынке Молдавии преобладали монеты различных государств. Одновременно с этим менялась расстановка политических и военных сил в регионе. В результате этого пришлось несколько раз менять направление «модернизации» денежной системы Молдавского княжества.

Первым возобновил чеканку монет в Молдавии после длительного перерыва господарь Александр Лэпушняну (годы правления: 1552–1561 и 1564–1568 гг.). Согласно его реформе молдавские номиналы стали копировать внешний вид венгерского серебряного денария. Единственным отличием от венгерского оригинала были легенды и миниатюрное изображение головы быка на центральном щитке в центре геральдического четырехпольного щита [3, с. 241].

Венгерские денарии играли важную роль в денежном обращении Молдавии XVI в. [15, с. 207; 33, с. 39–44]. В связи с этой подобной модернизацией молдавской денежной системы, вероятно, была достаточно удачной. Доказательством этого может служить то, что опыт Александра Лэпушняну нашел подражание среди других господарей.

Соперником этого господаря был Иоанн Гераклид (Яков Деспот). В годы своего короткого правления (в 1561–1563 гг.) Яков Деспот продолжил выпуск монет по венгерскому образцу, но расширил ассортимент их номиналов. По приказу Иоанна Гераклида чеканили золотые дукаты, серебряные талеры, орты, динары и оболы [20, с. 136–138].

В дополнение к денежным знакам, выпущенным по венгерскому образцу, Иоанн Гераклид чеканил медные мангыры. Данные монеты подражали мелкому разменному номиналу Османской империи [2, с. 78].

Монеты еще одного господаря Стефана Томши (1563–1564 гг.) в свою очередь почти полностью копировали денарии Иоанна Гераклида [29, с. 87–90]. Однако позднее чеканка венгерских номиналов в Молдавии полностью прекратилась.

Следующую попытку модернизировать молдавскую монетную чеканку попытался осуществить господарь Иоанн Водэ Лютый (1572–1574 гг.). Он выпустил денежную единицу, которая была официально приравнена к наиболее распространенному турецкому номиналу: «акче» (другое название «аспр»). Об этом свидетельствовала надпись на самой монете [31, с. 36]. Однако турецкий оригинал был изготовлен из серебра достаточно высокого качества (кризис монетной чеканки и ухудшение качества монетного металла в Османской империи был еще в основном в будущем), а молдавское подражание было медным.

Данная молдавская монета была своеобразным аналогом медных копеек царя Алексея Михайловича. И в том, и в другом случае государственные власти предполагали, что стоимость монет зависит от воли правительства. При этом полностью игнорировались объективные реальности денежного рынка. Главным отличием в этой истории было то, что молдавский господарь в последней трети XVI в. обладал ресурсами и властью гораздо меньшими, чем московский царь во второй половине XVII в. Важным дополнением к этому служила нестабильность личной власти Иоанна Водэ Лютого. В конечном итоге Иоанн Водэ Лютый вступил в конфликт с Османской империей, был разгромлен в сражении, взят в плен турками и казнен. Молдавия подверглась очередному опустошительному разгрому со стороны воинов Ислама [19, с. 46–47]. Гибель Иоанна Водэ Лютого достаточно быстро прекратило его эксперимент по модернизации молдавской монетной чеканки. Данная попытка модернизации денежной системы не нашла подражателей среди последующих господарей.

В конце XVI в. была сделана еще одна попытка возродить молдавскую денежную чеканку. На этот раз ее модернизация происходила по образцу денежных знаков Речи Посполитой.

В конце XVI и начале XVII вв. произошло усиление военного и политического положения Речи Посполитой в Восточной Европе. Дальнейшему укреплению ее позиций в первой половине XVII в. помешали только войны против Турции и Швеции [4: 79-80]. Военным победам и поражениям соответствовала судьба польско-литовских монет.

Монетная чеканка Речи Посполитой была достаточно активной до первой половины правления короля Сигизмунда III Вазы (1587–1632 гг.) включительно. Однако в 1627 г. в Речи Посполитой была временно приостановлена чеканка мелких номиналов [7, с. 5–6; 13, с. 117; 30, с. 68–84, 92–93].

Молдавия в это время активно торговала с Польскими и Украинскими землями. Общий баланс торговли был положительным для Молдавии [18, с. 77–127.] Это обеспечило приток в княжество денежных знаков с севера, включая мелкие разменные номиналы. Монеты Польши и Литвы играли заметную роль в денежном обращении Молдавии XVI и XVII вв. [32, с. 249–252.] Одновременно с этим на рубеже столетий Молдавия стала полем битвы украинских казаков и польских войск против войск Османской империи.

В соответствии с этим господарь Стефан VIII Разван (1595 г.) выпустил серебряные тройные гроши по образцу монет Речи Посполитой [2, с. 78]. Чеканку трояков продолжил Иеремия Могила (1595–1600 и 1600–1606 гг.). Последний господарь был посажен на престол польскими войсками [19, с. 54–55] Однако позднее военная ситуация изменилась в пользу Османской империи. В результате этого монетная чеканка по образцу Речи Посполитой в Молдавии была прервана.

Все перечисленные группы молдавских монет второй половины XVI и начала XVII вв. занимали весьма скромное место в денежном обращении княжества. Об этом свидетельствует состав кладов, найденных на территории Молдавии [28: 83; материалы кладов из Болотина и Леушен в музее Muzeul National de Etnografie si Istorie

Naturala (г. Кишинев) инвентарные номера № 1570 – 1573, 1575 – 1578, 1829 – 2307 и № 4311 – 4381, 5518 – 6369 соответственно].

Неоднократные войны и выплата дани приводили к оттоку драгоценных металлов. Можно предположить, что нехватка серебра в княжестве ограничивала масштабы монетной эмиссии. Это в свою очередь сказалось и на составе монетных кладов.

Последним правителем Молдавского княжества, который возобновил чеканку монет, был Евстратий Дабижа (1661–1665 гг.). В правление этого господаря в Сучаве был организован монетный двор, выпускавший подражания мелким номиналам соседних государств. На нем чеканили монеты Речи Посполитой, Пруссии, прибалтийских городов под властью Швеции и других государств Центральной Европы. Чеканка этих подражаний продолжалась при господарях Георгии Дуке (1665–1666, 1668–1672, 1678–1683 гг.) и Ильяше Александре (1666–1668 гг.) [31, с. 37–38].

Подобные фальсификаты нельзя считать собственно молдавской монетой, но они служили естественным завершением того процесса, который начался еще в предшествующем столетии. Молдавское правительство стремилось приспособить свою денежную систему к условиям хронического финансового кризиса и модернизировать ее по иностранному образцу. Однако ограниченные ресурсы и экономическая эксплуатация со стороны Османской империи не позволяли осуществить длительную чеканку полноценной монеты. В результате наиболее доходной оказалась прямая фальсификация чужих номиналов.

В отличие от своих предшественников «сучавские» подражания в XVII в. получили широкое распространение на территории Восточной Европы. Они достаточно часто встречаются в кладах на территории современных Украины и Белоруссии [13, с. 121; 21, с. 187].

Фактически это были фальшивые монеты, но выпущенные с санкции государственных властей средневекового Молдавского княжества. Обращение этих фальшивых номиналов наносило существенный вред финансам соседних с Молдавией государств. Это вызвало жалобы ряда правительств к турецкому султану, который

являлся верховным сюзереном Молдавского княжества. Конечным итогом всей этой истории был фирман султана, который окончательно запретил Молдавии чеканить какие-либо монеты на своей территории [9, с. 252].

Рассмотренные нумизматические материалы позволяют сделать некоторые выводы о характере преобразований чеканки монет в Молдавском княжестве на рубеже Средних веков и Нового времени. В данном конкретном случае нумизматика и археология позволяют сделать интересные наблюдения, которые дополняют информацию письменных источников.

Монетная чеканка в Молдавии второй половины XVI и XVII вв. была типичным примером неудачных попыток модернизации. Правители Молдавского княжества неоднократно пытались возобновить монетную чеканку. Каждая такая попытка сопровождалась очередной лихорадочной «модернизацией» денежной системы княжества по образцу иноземных монет. Однако отсутствие необходимых финансовых ресурсов и нестабильная политическая ситуация каждый раз приводила к провалу модернизации монетной чеканки в средневековой Молдавии.

Список литературы

1. Фонды Muzeul National de Etnografie si Istorie Naturala (г. Кишинев), нумизматическая коллекция. – Инвентарные номера № 1570-1573, 1575-1578, 1829-2307; № 4311-4381, 5518-6369.
2. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхея (молдавский период). – Кишинев: Штиинца, 1982.
3. Бырня П.П., Русев Н.Д. Монеты средневековой Молдавии (историко-нумизматические очерки) // *Stratum*. – N 6. – СПб.-Кишинев-Одесса: Высшая Антропологическая Школа, 1999. – С. 176–262.
4. Всемирная история: в 24 т. – Т. 11: Развитие государств Восточной Европы / А.Н. Бадак и др.. – Минск: Литература, 1997.
5. Всемирная история: Начало возрождения / А.Н. Бадак и др.. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002.
6. Городенко А. Монеты средневекового Молдавского государства // *Labirint*: вестник Кишиневского клуба коллекционеров (журнал). – 2001 – № 2. – С. 20–22.

7. Горячев С.А. Монеты короля Сигизмунда III / С.А. Горячев. – СПб.: Гезаком, 1998.
8. Дергачева Л.В. Монеты Молдавии XIV–XVI вв. (динамика распространения и история страны) // Древнее Причерноморье. VI чтения памяти П.О. Карышковского. Одесса: 12–14 марта 2004 года. Материалы международной конференции. – Одесса: «Астропринт», 2005. – С. 35–40.
9. История народного хозяйства Молдавской ССР: (с древнейших времен до 1812 г.) / отв. ред. П.В. Советов. – Кишинев: «Штиинца», 1976.
10. Киртоагэ И.Г. Юг Днестровско-Прутского междуречья под османским владычеством (1484-1595 гг.). – Кишинев: Штиинца, 1992.
11. Козубовский Г.А. Нумізматичні пам'ятки XVI–XVIII ст. (глава VIII) // Археологія доби українського козацтва XVI–XVIII ст. – Київ: Віпол, 1997. – С. 171–187.
12. Королев В.Н. Босфорская война. – М.: Вече, 2007.
13. Котляр М.Ф. Грошовий обіг на території України доби феодализму. – Київ: Наукова думка, 1971.
14. Нудельман А.А. Монеты и денежное обращение на территории Днестровско – Прутского междуречья (IV в. до н. э. – XVII в.) // Древняя культура Молдавии / отв. ред. В.С. Зеленчук. – Кишинев: Штиинца, 1974. – С. 191–210.
15. Нудельман А.А. Монеты и денежное обращение на территории Днестровско-Прутского междуречья (IV в. до н. э. – XVII в.) // Древняя культура Молдавии / отв. ред. В.С. Зеленчук. – Кишинев: Штиинца, 1974. – С. 191–210.
16. Нудельман А.А. Топография кладов и находок единичных монет. Археологическая карта Молдавской ССР. – Вып. 8. – Кишинев: Штиинца, 1976.
17. Орешкова С.Ф. «Турецкое озеро»? Черное море в XV–XVII вв. // Восток. – 2005. – № 3. – С. 18–35.
18. Подградская Е.М. Экономические связи Молдовы со странами Центральной и Восточной Европы в XVI–XVII вв. – Кишинев: Штиинца, 1991.
19. Руссев Е.М. Борьба молдавского народа против османского ига. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1968.
20. Рябов А. Талеры молдавского господаря Иоанна Гераклида // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Санкт-Петербург 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 136–138.
21. Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. – Минск: Польша, 1995.
22. Савкевич О.С. «Революция цен»: к истории вопроса // Из истории средневековья. Межвуз. сб. – СПб.: СПбГУ, 1991. – С. 95–107.
23. Спасский И.Г. Русская монетная система: историко – нумизматический очерк / И.Г. Спасский. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

24. Спасский И.Г. Русские ефимки. – Новосибирск: Наука, 1988.
25. Широков Г.К., Салицкий А.И. Мировая капиталистическая система – консолидация ядра и возвращение к насилию? // Восток. – 1999. – № 6. – С. 65–78.
26. Челеби Э. Книга путешествий (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). – Вып. 1. – М.: Вост. лит., 1961.
27. Bita, T. Monede medievale moldovenesti emise la Cetatea Alba // Memoria Antiquitatis. – V. XXI. – Piatra-Neamt: Muzeul de istorie Piatra-Neamt, 1997. – P. 317–338.
28. Butnariu V. Tezaure din Muzeele orasului Chisinau secolele XVI–XVIII. – Chisinau: Editura Universitas, 1994. – 130 p.
29. Buzdugan G., Luchian O., Oprescu C.C. Monede si bancnote romanesti / G. Buzdugan, O. Luchian, C.C. Oprescu. – Bucuresti: Sport-Turism, 1977.
30. Douchis, R.J., Ivanauskas, E. Pocket catalogue of Lithuanian coins/ Kiseninis lietuvisku monetukatalogas / Kieszonkowy katalog monet litewskich / Кішэнна каталог літоўскіх манет / Карманный каталог літовскіх манет 1386–1938. – Kaunas: Judex, 2004.
31. Iliescu O. Moneda in Romania 491–1864. – Bucuresti: Editura Meridiane, 1970.
32. Munteanu L. Aspecte ale circulatiei monetare in Moldova in secolele XVI–XVII // Arheologia Moldovei / VI / 27 (2004). – Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2005. – P. 241–260.
33. Murgescu, B. The circulation of the Hungarian denars in the Romanian Principalities in the 16-th century/ B. Murgescu // Numizmatikai Kozlony. V. XCVI–XCVII: 1997–1998. – Budapest: Kiadja A Magyar Numizmatikai Tarsulat, 1998. – S. 39–44.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(4)"19"

*Е. В. Драгунова **

Европейские интеграционные процессы во второй половине XX в.: единство и многообразие

В статье рассматриваются осуществлявшиеся на протяжении второй половины XX в. варианты Европейской интеграции. Показаны способы реализации каждого из вариантов. Наибольшее внимание обращено на формирование модели Европейских сообществ / Европейского Союза.

This article discusses variants of the European integration the materialized throughout the second half of the 20th century. The author shows the ways of realization of each variant. The greatest attention is drawn to the formation of a model the European Communities / European Union.

Ключевые слова: Европа, интеграция, модель, Европейский Союз, таможня, экономика, социальная сфера, политика.

Key words: Europe, integration, model, European Union, states, customs, economics, social services, politics.

Во второй половине XX в. интеграционные процессы получили развитие в различных регионах мира. Заключая региональные торгово-экономические соглашения, государства брали курс на устранение ограничений в движении товаров, услуг, капиталов, людских ресурсов, на создание надгосударственных механизмов управления хозяйственным взаимодействием, на гармонизацию национальных законодательств. Однако, по мнению исследователей, в большинстве случаев региональное сотрудничество в Латинской Америке,

* **Драгунова Елена Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Южной Азии, Африке, Среднем Востоке пока еще находится на начальных этапах и не дает существенного эффекта [1, с. 13]. Вместе с тем, некоторым интеграционным объединениям, таким как Европейский Союз, НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле), АТЭС (Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество») удалось достичь реального прогресса в осуществлении поставленных целей. В частности, европейские государства последовательно сформировали таможенный союз, единый внутренний рынок, Экономический и валютный союз, а также дополнили экономическое измерение интеграции сотрудничеством в области обеспечения внутренней и внешней безопасности.

В Западной Европе существовали весомые предпосылки для развития интеграционных процессов. «Здесь раньше, чем в других районах мира, сложилась достаточно развитая рыночная экономика, имелась сравнительная близость экономической, общественно-политической, правовой и культурной среды, а относительно небольшие размеры территорий государств подчеркивали узость национальных границ и внутреннего рынка, подталкивая страны к взаимовыгодному объединению усилий» [3, с. 21]. Различные авторы, начиная с эпохи Средневековья, разрабатывали проекты объединения европейских государств. Практическая реализация «европейской идеи» во второй половине XX века была представлена несколькими моделями.

Во-первых, западноевропейские государства сформулировали общие цели и создали организации межправительственного сотрудничества в определенных областях. Так, в 1948 г. были образованы Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) и Совет Европы. ОЕЭС была призвана решить проблему восстановления экономики Европы в рамках плана Маршалла; Совет Европы – обеспечить эффективную защиту прав человека. После того, как основные задачи ОЕЭС были выполнены, ее заменила Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Она была создана в декабре 1960 г. для содействия экономическому росту и повышению уровня жизни в государствах-членах, для выработки согласованной экономической политики в отношении третьих стран,

для развития мировой торговли на многосторонней и недискриминационной основе. Данная организация не распределяет финансовые средства и не обладает развитым механизмом принятия решений. По выражению бывшего генерального секретаря ОЭСР Ж.К. Пайе, «ОЭСР – это не наднациональная организация, а место, где творцы политики могут встретиться и обсудить свои проблемы, где правительства могут сравнить свои точки зрения и свой опыт» [Цит. по: 2, с. 132].

Во-вторых, Франция и Германия выдвинули инициативу создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), в рамках которого предлагалось подчинить всю совокупность сталелитейного и угледобывающего производства государств-участников наднациональному органу. Парижский договор о создании ЕОУС был подписан в 1951 г. шестью европейскими государствами (Францией, Германией, Италией, Бельгией, Люксембургом, Нидерландами). Центральное место в системе институтов ЕОУС было отведено Высшему руководящему органу. Он был наделен правом принимать решения, обязательные, причем во всех своих частях, для государств-членов. В 1957 г. этими же государствами были созданы два новых интеграционных объединения – Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). В 1992 г., на основе Европейских Сообществ, дополненных новыми «политиками и формами сотрудничества», был создан Европейский Союз.

В-третьих, на этапе создания ЕЭС, основой которого должен был стать таможенный союз, усилились разногласия между европейскими государствами по вопросу о более предпочтительной модели либерализации торговли. В 1956 г. Англия выступила с предложением ограничиться созданием зоны свободной торговли, которая должна была охватить все страны-участницы ОЕЭС. Однако, как уже говорилось выше, в 1957 г. были подписаны договоры об учреждении ЕЭС и Евратома, а в декабре 1958 г. британский проект «большой» зоны свободной торговли не был принят на сессии Совета ОЕЭС [2, с. 169]. Тогда семь из оставшихся вне ЕЭС государств (Австрия, Великобритания, Дания, Норвегия, Португалия,

Швейцария и Швеция) подписали в 1960 г. Стокгольмскую конвенцию о создании Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). В отличие от таможенного союза, данная модель позволяла избежать существенного ограничения национального суверенитета во внешнеэкономической сфере, предоставляя государствам-членам свободу действий в области торговли с третьими странами. Соответственно, взаимодействие в рамках ЕАСТ осуществлялось на межгосударственной основе, без создания сильных наднациональных институтов. Данная организация продолжает существовать и в настоящее время, но сейчас в ее состав входят всего четыре государства – Швейцария, Норвегия, Исландия и Лихтенштейн.

В-четвертых, в 1949 г. по инициативе СССР был создан Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), членами которого стали государства Центральной и Восточной Европы, а затем и ряд неевропейских государств (Монголия, Куба, Вьетнам). Исследователи по-разному характеризуют данное объединение. Одни видят в нем «пример интеграционной группировки не рыночного, а планово-распределительного, командно-административного типа» [1, с. 322]. Другие полагают, что «в СЭВ имела место система квазиинтеграционных международных отношений, внешне весьма схожая с реальной интеграцией, но по существу таковой не являвшаяся» [7, с. 108].

В-пятых, в Европе возникали субрегиональные интеграционные объединения, которые иногда даже опережали общеевропейские тенденции. Так, в 1921 г. был создан Бельгийско-Люксембургский экономический союз как союз таможенный и валютный. В 1943 г. Бельгия, Нидерланды и Люксембург подписали валютное соглашение, а в 1944 г. – таможенную конвенцию, которая вступила в силу в январе 1948 г. Таможенный союз Бенилюкс просуществовал до ноября 1960 г. 3 февраля 1958 г. Бельгия, Нидерланды и Люксембург заключили в Гааге договор об учреждении экономического союза Бенилюкс, вступивший в силу 1 ноября 1960 г., после его ратификации парламентами трёх стран. Договор предусматривал создание единого рынка его участников, свободное движение лиц, товаров, капиталов и услуг между тремя странами, координацию их экономической, финансовой и социальной политики, выступление стран-

участниц как единого целого в области внешних экономических связей [17]. Государства Бенилюкса уделили внимание и развитию инструментов коллективной безопасности. Кроме того, уже в 1960 г. они подписали соглашение «О переносе личных проверок на внешние границы пространства Бенилюкс» [14], опередившее более чем на двадцать лет Шенгенские соглашения. Примером развития интеграционных процессов на субрегиональном уровне может служить также опыт стран Северной Европы в области создания Северного паспортного союза в 1950-х гг., а также в сфере гармонизации социального законодательства, защиты окружающей среды, развития транспортных сетей и др.

В 1990-е гг., после распада социалистической системы, сформировалась так называемая «Вышеградская группа». В феврале 1991 г. в венгерском городе Вышеграде была подписана Декларация о сотрудничестве между Польшей, Чехословакией и Венгрией с целью последующей интеграции в структуры Европейских сообществ / Европейского Союза. В декабре 1992 г. в Кракове Венгрия, Польша, Словакия и Чехия подписали Центральноевропейское соглашение о свободной торговле (ЦЕФТА), которое вступило в силу 1 марта 1993 г. В данном случае субрегиональная интеграция рассматривалась как промежуточный этап, предшествующий вступлению в ЕС и позволяющий государствам-кандидатам подготовить необходимую экономическую, законодательную, институциональную основу для принятия соответствующих обязательств.

Круг участников практически всех объединений, рассмотренных в рамках пяти моделей, на определенных этапах расширялся. Но в долгосрочной перспективе наиболее эффективной и избранной большинством европейских государств оказалась интеграционная модель Европейских сообществ / Европейского Союза. К первоначальному однородному «ядру», состоящему из шести государств-учредителей, присоединились Великобритания, Ирландия и Дания (1973), Греция (1981), Испания и Португалия (1986), Австрия, Швеция и Финляндия (1995). Последнее расширение Европейского Союза стало наиболее масштабным – в 2004 г. новыми членами организации стали сразу десять государств. Данная тенденция не

могла не оказать влияние на характер европейской интеграции. Различия в уровнях экономического развития государств-участников и степени стабильности демократии, особенности политической культуры и специфика социального законодательства, несовпадение взглядов на допустимую степень ограничения национального суверенитета, – эти и другие проявления нарастающей внутренней неоднородности Европейского Союза обусловили возникновение феномена дифференцированной интеграции. Как справедливо отмечают исследователи, «дифференцирован не только сам процесс, но и его обозначение – в современном политическом и научном лексиконе Западной Европы можно встретить свыше десятка самых различных его наименований» [4, с. 340]. Вопрос о том, в какой мере каждый из этих терминов («Европа разных скоростей», «Европа а la carte», «более тесное сотрудничество», «концентрические круги», «вариабельная конфигурация» и др.) отражает идею дифференцированной интеграции, является дискуссионным [16; 9; 19; 15; 10].

Дифференцированная интеграция, на наш взгляд, предполагает существование особых режимов, представляющих собой исключения из единых правил, установленных источниками европейского коммунитарного права для государств-участников. Необходимость подобных исключений возникает в следующих случаях: 1) когда государство не соответствует критериям, позволяющим осуществлять наднациональное регулирование; 2) когда государство не заинтересовано в расширении компетенций наднациональных институтов; 3) когда группа государств, напротив, готова сделать шаг вперед и делегировать наднациональным институтам дополнительные полномочия, не дожидаясь согласия всех государств-участников. Рассмотрим соответствующие примеры.

В первом случае классической иллюстрацией могут служить «переходные периоды», устанавливаемые для новых государств-членов, в течение которых они обязаны создать у себя необходимые условия для применения всего комплекса норм права Европейского Союза (так называемого «*acquis communautaire*»), до тех пор, пока эти условия не будут созданы, выполнение соответствующих обязательств, связанных с членством в Европейском Сообществе /

Европейском Союзе, допустимо в ограниченном объеме. Так, например, были случаи поэтапного включения в общий рынок таких отраслей, как энергетика, телекоммуникации и сельское хозяйство. Особые условия, регламентирующие доступ к единому рынку рабочей силы, предусмотрены в рамках последнего расширения Европейского Союза. Следует подчеркнуть, что договоры о присоединении строго фиксируют сроки «переходных периодов». Соответственно, исключения носят временный характер и не представляют опасности для стабильности интеграционного объединения.

Можно вспомнить также опыт создания Экономического и валютного союза. Право участвовать в его третьем этапе, в ходе которого была введена единая валюта – евро, получили лишь те государства, которые соответствовали так называемым «критериям конвергенции». Эти критерии, перечисленные в Маастрихтском договоре 1992 г. (в ст.104 Договора о Европейском Сообществе и Протоколах № 5, 6), установили допустимые пределы дефицита государственного бюджета, общего государственного долга, курсовых колебаний, уровня инфляции и долгосрочных процентных ставок. Греция, которой потребовалось более длительное время для выполнения этой комплексной задачи, вошла в «зону евро» 1 января 2001 г., на два года позже других участников.

Оба примера свидетельствуют о возможности достижения единых целей различными темпами, и к ним может быть также применен термин «разноскоростная интеграция».

В случае, когда обнаруживается противодействие одного или нескольких государств расширению компетенций наднациональных институтов, возникает гораздо больше вопросов и проблем. Наиболее осторожную политику, в силу ряда причин [14; 12], здесь проводит Великобритания. Она, в частности, заняла особую позицию по вопросам обеспечения внутренней безопасности, введения единой валюты, выработки социальной политики (правительство консерваторов не поддержало в начале 1990-х гг. положения, регламентирующие отношения профсоюзов и предпринимателей, а также условия труда [15, с. 177]). Препятствием на пути развития интеграционного процесса стала и позиция Дании. Если датский парламент

в мае 1992 г. одобрил Маастрихтский договор, в соответствии с которым был создан Европейский Союз, то на референдуме в июне 1992 г. был дан отрицательный ответ. 50,7 % его участников [18] высказалось против расширения компетенций институтов ЕС, особенно в области иммиграции, гражданства, общей оборонной политики, введения единой валюты.

Необходимость преодоления подобных противоречий наделила европейскую интеграцию в 1980–90-е гг. следующими характерными чертами.

Во-первых, особенностью европейской интеграции стали различные темпы ее развития в экономической и политической областях. Эта тенденция неоднократно проявлялась еще в 1950-е гг. (можно вспомнить нереализованные проекты создания Европейского оборонительного сообщества и Европейского политического сообщества), а затем нашла воплощение в построении трех «опор» ЕС. Маастрихтский договор впервые включил в сферу компетенций Европейского Союза сотрудничество в области правосудия и внутренних дел (так называемая третья «опора» Европейского Союза) и во внешнеполитической сфере (так называемая вторая «опора» Европейского Союза). Вместе с тем, здесь был установлен особый режим правового регулирования. Его характерными чертами стали наличие собственной системы актов, на которые не распространялся юрисдикционный контроль со стороны Суда Европейских Сообществ, и приоритет инструментов межгосударственного сотрудничества в процессе принятия решений.

Во-вторых, получило развитие более тесное сотрудничество группы государств-членов ЕС вне рамок учредительных договоров. Примером могут служить Шенгенские соглашения (Соглашение «О постепенной отмене проверок на общих границах» от 14 июня 1985 г. и Конвенция от 19 июня 1990 г. о применении Соглашения 1985 г.). Основное их содержание заключалось в следующем: во-первых, внутри Шенгенского пространства отменялись все виды пограничного контроля; во-вторых, устанавливался единый визовый режим на его внешних границах; в-третьих, усиливалось взаимодействие правоохранительных органов государств-участников (в част-

ности, в 1995 г. начала функционировать Шенгенская информационная система). Нормотворческую деятельность в сфере шенгенского права был призван осуществлять Шенгенский исполнительный комитет, не являвшийся институтом Европейских сообществ.

Шенгенские соглашения 1985 и 1990 гг. были изначально подписаны Францией, ФРГ, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом. В 1990 г. к Шенгенским соглашениям присоединилась Италия, в 1991 г. – Испания и Португалия, в 1992 г. – Греция, в 1995 г. – Австрия, в 1996 г. – Дания, Финляндия, Швеция, Исландия и Норвегия (последние два государства не являются при этом членами ЕС). Реализация положений Шенгенских соглашений на практике требовала значительной технической и юридической подготовки. Поэтому о фактическом существовании Шенгенского пространства можно говорить, начиная с 1995 г., а о реальном участии в нем всех пятнадцати государств, принявших на себя соответствующие обязательства, – с 2001 г. В декабре 2007 г. Шенгенское пространство расширилось за счет Венгрии, Латвии, Литвы, Мальты, Словакии, Словении, Польши, Чехии и Эстонии; в декабре 2008 г. – за счет Швейцарии (которая, как Исландия и Норвегия, не входит в ЕС). Таким образом, в настоящее время в Шенгенское пространство из стран ЕС не входят Великобритания, Ирландия, Румыния, Болгария и Кипр, но входят три государства, не являющиеся членами ЕС – Исландия, Норвегия и Швейцария.

Следует отметить, что в данном случае последовательное расширение круга участников Шенгенских соглашений позволило на определенном этапе включить их в правовую систему ЕС на основе соответствующего протокола. Это произошло с подписанием Амстердамского договора 1997 г., который вступил в силу в 1999 г. Полномочия Шенгенского исполнительного комитета перешли к Совету Европейского Союза. Новые источники шенгенского права теперь издаются в стандартных формах, которые предусмотрены учредительными документами ЕС (регламент, директива и др.).

В-третьих, некоторые государства-члены получили возможность участвовать не во всех составляющих интеграционного процесса. Так, Великобритания, Дания и Швеция сохранили национальные ва-

люты и не вошли в «зону евро». Дания, в соответствии с Эдинбургской декларацией 1992 г., получила также право не участвовать в общей оборонной политике и сохранить для себя межгосударственную основу сотрудничества в области правосудия и внутренних дел. Гражданство Союза будет дополнять, но не заменять национальное гражданство Дании (принцип, ставший действовать в отношении всех государств-членов с подписанием Амстердамского договора).

Черты, о которых говорилось выше, и сам факт отказа одного или нескольких государств-членов от участия в новых этапах интеграционного процесса, ставит на повестку дня вопрос об опасности, которую содержит в себе так называемая «Европа à la carte» (в дословном переводе «Европа по выбору» или «Европа на заказ»). Этим термином исследователи обозначают, в отличие от «разноскоростной интеграции», сотрудничество при отсутствии единых целей, к достижению которых должны стремиться все государства-члены [16, с. 3; 9; 16; 15, с. 12]. Каждое государство само выбирает те цели, которые соответствуют его интересам, и, соответственно, ищет единомышленников или уклоняется от участия в нежелательных сферах сотрудничества. Так, характеризуя британскую политику в социальной сфере, Э. Редер подчеркивает, что «решения в области одной из политик Европейского Союза принимаются не всеми государствами-членами, и создается впечатление, что позиция государства, остающегося в стороне, пересмотру не подлежит». Это, по мнению исследователя, представляет собой классический пример «Европы à la carte», которая «угрожает общему *acquis communautaire* и будущему интеграции всего Союза, поскольку отрицает общепризнанные принципы единообразной интеграции» [16, с. 3].

Вместе с тем, наблюдаются и позитивные изменения. В отношении позиции Великобритании их можно проследить как в области общей социальной политики (после прихода лейбористской партии к власти положения Соглашения о социальной политике были включены в 1997 г. в текст Договора о Европейском Сообществе), так и в сфере шенгенского сотрудничества. С 2000 г. Великобритания и Ирландия приняли на себя ряд обязательств в области борьбы с

распространением наркотиков, участия в Шенгенской информационной системе и др. [11]. Изменился, как говорилось выше, и механизм регулирования самого шенгенского сотрудничества, центральное место в котором теперь занимают институты ЕС. Отвечая в декабре 2007 г. на вопрос корреспондента «Евро Ньюс», можно ли говорить, что люди больше верят в европейскую идею сейчас, после ряда трудных лет, Председатель Европейской комиссии Ж.М. Баррозу отметил, что «сейчас ситуация лучше, чем за все предыдущие 8 лет, а по ряду вопросов и 15 лет, если взять Данию» [8].

Интересной тенденцией последнего десятилетия является развитие в рамках ЕС правовых основ так называемого «продвинутого сотрудничества», т. е. включение в учредительные договоры положений, которые предоставляют группам государств-членов возможность наделять органы Европейского Союза дополнительной компетенцией [см., напр., раздел VII Договора о Европейском Союзе]. На сегодняшний момент для реализации данной модели необходима соответствующая заинтересованность со стороны как минимум восьми государств (независимо от общего количества государств-членов и дальнейшего расширения Европейского Союза). Таким образом, возможно, что в перспективе противодействие со стороны некоторых государств станет менее существенным препятствием для углубления европейской интеграции.

Таким образом, европейские интеграционные процессы во второй половине XX в. развивались в рамках различных моделей. Наиболее эффективной и избранной большинством европейских государств оказалась интеграционная модель Европейских сообществ / Европейского Союза. Сочетание различных форм дифференцированной интеграции – это одна из особенностей развития Европейского Союза на современном этапе. Она закономерно связана с последовательным расширением круга государств-членов данной организации и позволяет сохранить единое направление интеграционного процесса в условиях возрастания внутренней неоднородности ЕС.

Список литературы

1. Международная экономическая интеграция: учеб. пособие / под ред. проф. Н.Н. Ливенцева. – М.: Экономистъ, 2006.
2. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2007.
3. Право Европейского Союза в вопросах и ответах: учеб. пособие / отв. ред. С.Ю. Кашкин. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
4. Право Европейского Союза: докум. и коммент. / под ред. С.Ю. Кашкина – М.: Терра, 1999.
5. Топорнин Б.Н. Европейское право. – М.: Юрист, 1998.
6. Четвериков А.О. Комментарий к Шенгенским соглашениям. URL: <http://www.eulaw.edu.ru/documents/legislation/schengen>
7. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века: Почему не интегрируются страны СНГ. – М.: III тысячелетие, 2001.
8. Баррозу Ж.-М.: Европейська ідея знаходить все більше підтримки. URL: <http://eu.prostir.ua/library/7790.html>.
9. Chaltiel F. Pour une clarification du débat sur l'Europe à plusieurs vitesses // Revue du Marché commun et de l'Union européenne. – 1995. – № 384. – P. 5–10.
10. Cloos J. Les coopérations renforcées // Revue du Marché commun et de l'Union européenne. – 2000. – № 441. – P. 512–515.
11. Décision du Conseil du 29 mai 2000 relative à la demande du Royaume-Uni et d'Irlande de participer à certaines dispositions de l'acquis de Schengen // Journal officiel des Communautés Européennes. – L 131/43. – du 01.06.2000.
12. Duff A. La Grande-Bretagne et l'Europe – la relation différente // L'Union européenne au-delà d'Amsterdam. Nouveaux concepts d'intégration européenne/ Sous la dir. de M. Westlake. – Bruxelles: PIE, 1998. – P. 67–87.
13. Les traités de Rome, Maastricht et Amsterdam. Textes comparés. – Paris: La Documentation française, 1999.
14. O'Keeffe D. Non-Accession to the Schengen Convention: The Cases of the United Kingdom and Ireland // Schengen en panne/ Sous la dir. de Pauly A. Maastricht: European Institute of Public Administration, 1994. – P. 145–154.
15. Quermonne J.-L. L'Europe à « géométrie variable » // Révue politique et parlementaire. – 1996. – № 981. – P. 11-18.
16. Roeder E. Integration at multiple speeds in the European Union. URL: <http://www.eunionlaw.de/integration.html>.
17. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/68593/>
18. URL: <http://www.eu-oplysningen.dk/dkeu/dk/afstemninger/afstemning>
19. Vers une Europe différenciée? Possibilité et limite/ Sous la dir. de Ph. Manin et J.-V. Louis. – Paris: Pedone, 1996.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).084.3

*В. А. Журавлев **

«Национализация информации» в Советской России (1920-е гг.)

Тропов И.А. «Национализация информации»: Политическая власть и ЦСУ в послереволюционной России: моногр. – СПб.: Изд-во ГУАП, 2007. – 172 с.

Нельзя сказать, что истории становления и функционирования советского государственного аппарата «не повезло» в отечественной историографии. Напротив, государство «диктатуры пролетариата», казалось бы, изучено вдоль и поперек. Однако же автору рецензируемой монографии удалось найти то звено в политической системе России, которое оставалось до сих пор практически не изученным как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Речь идет об истории создания и деятельности Центрального статистического управления (ЦСУ).

В рецензиях принято писать об актуальности избранной автором темы исследования. Не будем лукавить, порой это делается не в силу ее значимости, а именно потому, что «так принято». В данном случае актуальность проблемы, находящейся в центре научного исследования, сомнений не вызывает, более того, она, что называется, лежит на поверхности.

Вдумаемся – практически все исследователи, кто так или иначе затрагивает вопросы социально-экономического развития нашей

* **Журавлев Валерий Анатольевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

страны в 1917–1920-е гг., обращаются к данным государственной статистики и опираются на них в своих обобщениях и выводах. Но статистические данные – это, прежде всего, исторический источник, который нуждается, как и любой другой источник, в критическом к себе отношении. Поэтому все, кто интересуется отечественной историей советского времени и уж тем более все, кто профессионально занимается ею, должны отчетливо представлять себе, как была организована работа ЦСУ, каковы были внешние условия существования данной организации, ее взаимоотношения с другими частями советского государственного аппарата, а также с органами политической власти в центре и на местах. Это позволяет с научных позиций подойти к одному из наиболее болезненных и трудных для решения вопросов – вопросу о достоверности данных ЦСУ, то есть тех данных, которые так щедро и порою совершенно некритически используются в «старых» и «новых» исторических исследованиях.

Написанная И.А. Троповым монография «"Национализация информации": Политическая власть и ЦСУ в послереволюционной России» удачно восполняет имеющийся в историографии пробел. Автор поставил перед собой важную и актуальную цель: показать, как большевикам удалось превратить «научный процесс сбора, анализа и публикации различных данных в мощное средство идеологического и политического контроля над населением, в важный инструмент утверждения своей власти» [с. 4]. Для того, чтобы проследить процесс превращения статистики в послушное орудие в руках политической элиты Советской России, И.А. Тропов исследовал огромный пласт исторических источников, в том числе обнаруженных им в архивах Москвы и Санкт-Петербурга и впервые введенных в научный оборот. Солидная источниковая база позволила автору глубоко проникнуть в суть исследуемых проблем и прийти к оригинальным, значимым выводам.

Уже в начале первой главы своей монографии И.А. Тропов четко определяет свою позицию – не следует рассматривать ЦСУ лишь как «один из» элементов советской системы управления. Этот орган имел немало особенностей: он и по замыслу своих основателей, по статусу и по характеру своей деятельности занимал особое место в

системе органов государственной власти и управления России. ЦСУ выступало в качестве надведомственной общегосударственной организации, состоявшей преимущественно из бывших земских деятелей, в большинстве своем весьма далеких от политики вообще и от большевизма в частности. Объясняя этот феномен, И.А. Тропов обращается к истории борьбы земских статистиков за объединение в конце XIX – начале XX вв., подробно характеризует особенности их деятельности и общественного сознания.

Автор приходит к важному выводу о том, что создание ЦСУ в 1918 г. стало возможным благодаря достигнутому компромиссу трех сторон – корпорации земских статистиков, представителей центрального государственного аппарата и высшей политической власти [с. 64]. Важно понимать, что природа любого компромисса двойственна: с одной стороны, была достигнута договоренность о разделе сфер компетенций различных государственных структур, а с другой – стороны пошли на некоторые уступки, ограничения, отказавшись от реализации ранее существовавших у них планов. Кроме того, как убедительно показано в монографии, Совнарком во главе с В.И. Лениным утвердил такую конструкцию системы сбора статистических сведений, которая объективно порождала противоречия и трения между ЦСУ и наркоматами, также получившими право разработки различных статистических сведений.

Во второй монографии рассматривается история взаимоотношений органов государственной власти и ЦСУ в напряженный период гражданской войны и политики «военного коммунизма» (1918–1920 гг.). Автор выявил и обстоятельно охарактеризовал основные противоречия, вылившиеся в борьбу между ВСНХ как органом, претендующим на исключительные права по регулированию народнохозяйственной жизни страны, и ЦСУ, требовавшим самостоятельности и независимости в проведении статистических работ. Обе стороны продемонстрировали завидное упорство в этой борьбе. Думаю, можно полностью согласиться с выводом о том, что затяжной характер межведомственной борьбы с участием ЦСУ стал возможен в связи с особой линией, которую проводил ленинский

Совнарком в рассматриваемый период: в целях получения наиболее полной информации он поддерживал то одну, то другую сторону конфликта, имея тем самым возможность получать и сопоставлять различные данные, а также контролировать различные звенья административного аппарата [с. 115–116].

В третьей главе автор раскрыл историю взаимоотношений политической власти и ЦСУ в 1920-е гг. Как и в предшествующих главах, И.А. Тропов тесно увязывает историю ЦСУ с историей страны в целом. В частности, он справедливо подчеркивает, что переход к новой экономической политике весной 1921 г. сделал чрезвычайно востребованной деятельность ЦСУ. Это вело к обострению конфликтов ЦСУ с его «старыми» противниками, а также к появлению новых, прежде всего, в лице созданного в 1921 г. Госплана.

В этой главе, на мой взгляд, четко и последовательно показано, что с лета 1921 г. подход высшей партийно-государственной власти к ЦСУ изменился: он все больше и больше отражал интересы бюрократии. Это нашло яркое отражение, в частности, в словах В.И. Ленина о том, что статистики должны заняться в первую очередь обслуживанием «практических надобностей социалистической реорганизации» и трудиться под непосредственным контролем и по указаниям Госплана. Сам Госплан, превращавшийся постепенно в орган директивного планирования социально-экономической жизни страны, был крайне заинтересован в сосредоточении в своих руках всей работы по статистическому изучению народного хозяйства страны. Централизация государственного управления вместе с попытками централизации учетно-статистической деятельности неизбежно вели к отрицанию самостоятельного существования ЦСУ.

Испытывая колоссальное политическое давление с разных сторон, ЦСУ уже с сентября 1921 г. делает требуемые от него поправки к данным сельскохозяйственной статистики, которые, впрочем, не имели научно-теоретического обоснования и, по сути, не отражали реальное положение дел в аграрной сфере [с. 144]. Почему статистики пошли на внесение требуемых от них поправок, приводивших к искажению действительности, – это один из важных вопросов, за-

нимающих автора монографии. Думается, он справедливо считает, что ответ надо искать в совокупности причин. Отчасти это было связано с излишней мягкостью, уступчивостью служащих ЦСУ, считавших, что путем частичных уступок можно спасти свою организацию. Отчасти это было связано с нараставшим с середины 20-х гг. административным нажимом на ЦСУ, сопровождавшимся разгромными публикациями в прессе, «чистками» и т.п. мерами воздействия.

После основательной политической «чистки» 1924 г. и повсеместной и непримиримой критики данных составленного ЦСУ хлебофуражного баланса была подготовлена почва для реорганизации, а затем и для ликвидации ЦСУ как самостоятельного учреждения. Данный исход, как справедливо указывает автор монографии, стал результатом сложившейся в СССР социально-экономической и политической систем, нацеленных на «административную увязку» всех своих элементов. При таком подходе власть нуждалась не столько в объективных статистических данных, сколько в демонстрации успешности проводимых мероприятий, в мобилизации сил и средств общества на достижение утверждаемых «сверху» плановых директив [с. 162].

Написанная И.А. Троповым монография – это, несомненно, весьма обстоятельный научный труд, который привлечет внимание широкой читательской аудитории богатством фактического материала, а также оригинальностью и обоснованностью предлагаемых выводов.

Сведения об авторах

Драгунова Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: maydragoun@mail.ru

Журавлев Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: itropov@ya.ru

Зайцева Светлана Валентиновна – аспирант кафедры истории Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: svlanaz@ya.ru

Карпова Вероника Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: nika7676@mail.ru

Киселева Екатерина Львовна – аспирант, Институт Российской истории Российской академии наук (Москва), e-mail: nelli00@list.ru

Козлов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор. Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: koznik 49.@ mail.ru

Рашитова Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Солодянкина Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Череповецкий государственный университет, e-mail: olga-solodiankin@mail.ru

Стерликова Арина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: arinast@mail.ru

Судариков Андрей Михайлович – доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Травкин Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: itropov@ya.ru.

Яров Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный университет имени А.И. Герцена, e-mail: iarov@eu.spb.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина
№ 4**

серия история

Редактор *А. А. Титова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 25.11.2008. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,25. Тираж 500 экз. Заказ № 222

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а